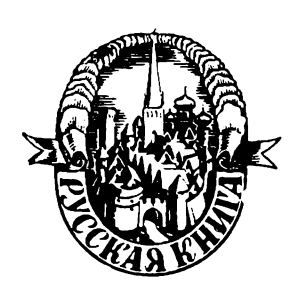
В. НИКИФОРОВЪ ВОЛГИНЪ

ЗЕМЛЯ ИМЕНИННИЦА

SLASTNI

В. НИКИФОРОВЪ-ВОЛГИНЪ

ЗЕМЛЯ ИМЕНИННИЦА

ТАЛЛИННЪ

Published by
Photo-Offset Reproduction
Printing Shop St. Iov of Pochaev
Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y., U. S. A.

1960

Свѣтлой душѣ почившаго Юрія Анатольевича фонъ Штубендорфа съ глубокой любовью посвящаетъ скромный свой трудъ

Авторъ.

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

(Дѣтство).

1.

Рѣдкій великопостный звонъ разбиваетъ скованное морозомъ солнечное утро, и оно будто-бы разсыпается отъ колокольныхъ ударовъ на мелкія снѣжныя крупинки. Подъ ногами скрипитъ снѣгъ, какъ новые сапоги, которые я обуваю по праздникамъ.

Чистый понедѣльникъ. Мать послала меня въ церковь «къ часамъ» и сказала съ тихой строгостью: «Постъ да молитва небо отворяютъ!»

Иду черезъ базаръ. Онъ пахнетъ Великимъ постомъ: рѣдька, капуста, огурцы, сушеные грибы, баранки, снитки, постный сахаръ... Изъ деревень привезли много вѣниковъ (въ чистый понедѣльникъ была баня). Торговцы не ругаются, не зубоскалятъ, не бѣгаютъ въ казенку за сотками, и говорятъ съ покупателями тихо и великатно:

— Грибки монастырскіе!

— Вѣнички для очищенія!

— Огурчики печорскіе!

— Сниточки причудскіе!

Отъ мороза голубой дымъ стоитъ надъ базаромъ. Увидѣлъ въ рукѣ проходившаго мальчишки прутикъ вербы, и сердце охватила знобкая радость: скоро весна, скоро Пасха, и отъ мороза только ручейки останутся!

Въ церкви прохладно и голубовато, какъ въ снѣжномъ утреннемъ лѣсу. Изъ алтаря вышелъ священникъ въ черной эпитрахили, и произнесъ никогда не слышимыя слова:

«Господи, иже Пресвятаго Своего Духа въ третій часъ апостоломъ Твоимъ ниспославый, Того, Благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ, молящихся»...

Всѣ опустились на колѣни, и лица молящихся, какъ у предстоящихъ передъ Господомъ на картинѣ «Страшный судъ». И даже у купца Бабкина, который побоями вогналъ жену въ гробъ и никому не отпускаетъ товаръ въ долгъ, губы дрожатъ отъ молитвы, и на выпуклыхъ глазахъ слезы. Около Распятія стоитъ чиновникъ Остряковъ и тоже крестится, а на масленицѣ похвалялся моему отцу, что онъ, какъ образованный, не имѣетъ права вѣрить въ Бога. Всѣ молятся, и только церковный староста звенитъ мѣдяками у свѣчного ящика.

За окнами снѣжной пылью осыпались деревья, розовыя отъ солнца.

Послѣ долгой службы идешь домой и слушаешь внутри себя шопотъ: «Обнови насъ, молящихся... даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего». А кругомъ солнце. Оно уже сожгло утренніе морозы. Улица звенитъ отъ ледяныхъ сосулекъ, падающихъ съ крышъ.

Обѣдъ въ этотъ день былъ необычайный: рѣдька, грибная похлебка, гречневая каша безъ масла и чай яблочный. Передъ тѣмъ, какъ сѣсть за столъ, долго крестились передъ иконами. Обѣдалъ у насъ нищій старичокъ Яковъ и онъ сказывалъ: «Въ монастыряхъ, по правиламъ святыхъ отцовъ, на Великій постъ положено сухоястіе, хлѣбъ да вода... А святой Ермъ со своими учениками вкушали пищу единыжды въ день и только вечеромъ»...

Я задумался надъ словами Якова и пересталъ ѣсть.

— Ты что не ѣшь? — спросила мать.

Я нахмурился и отвѣтилъ басомъ, исподлобья:

— Хочу быть святымъ Ермомъ!

Всѣ улыбнулись, а дѣдушка Яковъ погладилъ меня по головѣ и сказалъ:

— Ишь ты, какой воспріёмный!

Постная похлебка такъ хорошо пахла, что я не сдержался и сталъ ѣсть; дохлебалъ ее до конца и попросилъ еще тарелку да погуще.

Наступилъ вечеръ. Сумерки колыхнулись отъ звона къ великому повечерію. Всей семьей мы пошли къ чтенію канона Андрея Критскаго. Въ храмѣ полумракъ. На серединѣ стоитъ аналой въ черной ризѣ, и на немъ большая старая книга. Много богомольцевъ, но ихъ почти не слышно, и всѣ похожи на тихія деревца въ вечернемъ саду. Отъ скуднаго освѣщенія лики святыхъ стали глубже и строже.

Полумракъ вздрогнулъ отъ возгласа священника— тоже какого-то далекаго, окутаннаго глубиной. На клиросѣ запѣли, — тихо-тихо, и до того печально, что защемило въ сердцѣ:

«Помощникъ и покровитель бысть мнѣ во спасеніе: сей мой Богъ и прославлю Его, Богъ Отца моего и вознесу Его, славно-бо прославися»...

Къ аналою подошелъ священникъ, зажегъ свѣчу и началъ читать великій канонъ Андрея Критскаго: «Откуда начну плакати окаяннаго моего житія дѣяній; кое ли положу начало, Христе, нынѣшнему рыданію, но яко благоутробенъ, даждь ми прегрѣшеній оставленіе».

Послѣ каждаго прочитаннаго стиха хоръ вторитъ батюшкѣ:

«Помилуй мя, Боже, помилуй мя»...

Долгая, долгая, монастырски строгая служба. За погасшими окнами ходитъ темный вечеръ, осыпанный звѣздами. Подошла ко мнѣ мать и шепнула на ухо:

— Сядь на скамейку и отдохни малость...

Я сѣлъ, и охватила меня отъ усталости сладкая дрема, но на клиросѣ запѣли: «Душе моя, душе моя, возстани, что спиши!»

Я смахнулъ дрему, всталъ со скамейки и сталъ креститься. Батюшка читаетъ: «Согрѣшихъ, беззаконовыхъ и отвергохъ заповѣдь Твою»...

Эти слова заставляютъ меня задуматься. Я начинаю думать о своихъ грѣхахъ. На масленицѣ стянулъ у отца изъ кармана гривенникъ и купилъ себѣ пряниковъ; недавно запустилъ комомъ снѣга въ спину извозчика; пріятеля своего Гришку обозвалъ «рыжимъ бѣсомъ», хотя онъ совсѣмъ не рыжій; тетку Ѳедосью прозвалъ «грызлой»; утаилъ отъ матери «сдачу», когда покупалъ керосинъ въ лавкѣ, и при встрѣчѣ съ батюшкой не снялъ шапку.

Я становлюсь на колѣни, и съ сокрушеніемъ повторяю за хоромъ: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя»...

Когда шли изъ церкви домой, дорогою я сказалъ отцу, понуривъ голову:

— Папка! Прости меня, я у тебя стянулъ гривенникъ! — Отецъ отвѣтилъ: «Богъ проститъ, сынокъ».

Послѣ нѣкотораго молчанія обратился я и къ матери:

— Мама, и ты прости меня. Я сдачу за керосинъ на пряникахъ проѣлъ. — И мать тоже отвѣтила: «Богъ проститъ».

Засыпая въ постели, я подумалъ:

— Какъ хорошо быть безгрѣшнымъ!

ПРЕЖДЕОСВЯЩЕННАЯ.

2.

Послѣ долгаго чтенія часовъ съ колѣнопреклонными молитвами на клиросѣ горько-горько запѣли: «Во царствіи Твоемъ помяни насъ, Господи, егда пріидиши во царствіе Твое»...

Литургія съ такимъ величавымъ и таинственнымъ наименованіемъ «преждеосвященная» началась не такъ, какъ всегда...

Алтарь и амвонъ въ яркомъ сіяніи мартовскаго солнца. По календарю завтра наступаетъ весна, и я, какъ молитву, тихо шепчу раздѣльно и радостно: ве-с-н-а! Подошелъ къ амвону. Опустилъ руки въ солнечные лучи и, склонивъ на бокъ голову, смотрѣлъ, какъ по рукѣ бѣгали «зайчики». Я старался покрыть ихъ шапкой, чтобы поймать, а они не давались. Проходившій церковный сторожъ ударилъ меня по рукѣ и сказалъ: «Не балуй». Я сконфузился и сталъ креститься.

Послѣ чтенія первой пареміи открылись царскія врата. Всѣ встали на колѣни, и лица богомольцевъ наклонились къ самому полу. Въ неслышную тишину вошелъ священникъ съ зажженной свѣчой и кадиломъ.

Онъ крестообразно осѣнилъ колѣнопреклоненныхъ святымъ огнемъ и сказалъ:

— «Премудрость, прости! Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ»...

Ко мнѣ подошелъ пріятель Витька и тихо шепнулъ:

— Сейчасъ Колька пѣть будетъ... Слушай, вотъ гдѣ здорово!

Колька живетъ на нашемъ дворѣ. Ему только девять лѣтъ, и онъ уже поетъ въ хорѣ. Всѣ его хвалятъ, и мы, ребятишки, хоть и завидуемъ ему, но относимся съ почтеніемъ.

И вотъ вышли на амвонъ три мальчика, и среди нихъ Колька. Всѣ они въ голубыхъ ризахъ съ золотыми крестами и такъ напомнили трехъ отроковъ-мучениковъ, идущихъ въ пещь огненную на страданіе во имя Господа.

Въ церкви стало тихо-тихо, и только въ алтарѣ серебристо колебалось кадило въ рукѣ батюшки.

Три мальчика чистыми, хрустально-ломкими голосами запѣли:

— «Да исправится молитва моя... Яко кадило предъ Тобою... Вонми гласу моленія моего»...

Колькинъ голосъ, какъ птица, взлетаетъ все выше и выше, и вотъ-вотъ упадетъ, какъ талая льдинка съ высоты, и разобьется на мелкія хрусталинки.

Я слушаю его и думаю: «Хорошо-бы и мнѣ поступить въ пѣвчіе! Надѣнутъ на меня тоже нарядную ризу и заставятъ пѣть... Я выйду на середину церкви, и батюшка будетъ кадить мнѣ, и всѣ будутъ смотрѣть на меня и думать: «Ай да Вася! Ай да молодецъ!»

И отцу съ матерью будетъ пріятно, что у нихъ такой умный сынъ...

Они поютъ, а батюшка звенитъ кадиломъ сперва у престола, а потомъ у жертвенника, и вся церковь отъ кадильнаго дыма словно въ облакахъ.

Витька — первый баловникъ у насъ на дворѣ и тотъ присмирѣлъ. Съ разинутымъ ртомъ онъ смотритъ на голубыхъ мальчиковъ, и въ волосахъ его шевелится солнечный лучъ. Я обратилъ на это вниманіе и сказалъ ему:

— У тебя золотой волосъ!

Витька не разслышалъ и отвѣтилъ:

— Да, у меня не плохой голосъ, но только сиплый маленько, а то я бы спѣлъ!

Къ намъ подошла старушка и сказала:

— Тише вы, баловники!

Во время «великаго входа» вмѣсто всегдашней «Херувимской» пѣли:

«Нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ, се бо входитъ Царь Славы, се жертва тайная совершена дориносится».

Тихо-тихо, при самой беззвучной тишинѣ батюшка перенесъ Святые Дары съ жертвенника на престолъ и при этомъ шествіи всѣ стояли на колѣняхъ лицомъ внизъ, даже и пѣвчіе.

А когда Святые Дары были перенесены, то запѣли хорошо и трогательно: «Вѣрою и любовію приступимъ, да причастницы жизни вѣчныя будемъ». По закрытіи Царскихъ вратъ задернули алтарную завѣсу только до середины, и намъ съ Витькой это показалось особенно необычнымъ.

Витька мнѣ шепнулъ:

— Иди, скажи сторожу, что занавѣска не задернулась!..

Я послушался Витьку и подошелъ къ сторожу, снимавшему огарки съ подсвѣчника.

— Дядя Максимъ, гляди, занавѣска-то не такъ...

Сторожъ посмотрѣлъ на меня изъ-подъ косматыхъ бровей и сердито буркнулъ:

— Тебя забыли спросить! Такъ полагается...

По окончаніи литургіи Витька уговорилъ меня пойти въ рощу:

— Подснѣжниковъ тамъ, страсть! — взвизгнулъ онъ.

Роща была за городомъ, около рѣки. Мы пошли по душистому предвесеннему вѣтру, по сверкающимъ лужамъ и золотой отъ солнца грязи, и громко вразладъ пѣли только что отзвучавшую въ церкви молитву: «Да исправится молитва моя»... и чуть не переругались изъ-за того, чей голосъ лучше.

А когда въ рощѣ, которая гудѣла по особенному, по весеннему, напали на тихія голубинки подснѣжниковъ, то почему-то обнялись другъ съ другомъ и стали смѣяться и кричать на всю рощу... А что кричали, для чего кричали, — мы не знали.

Затѣмъ шли домой съ букетикомъ подснѣжниковъ и мечтали о томъ, какъ хорошо поступить въ церковный хоръ, надѣть на себя голубую ризу и пѣть:

— «Да исправится молитва моя».

ИСПОВѢДЬ.

3.

— Ну, Господь тебя проститъ сынокъ... Иди съ молитвой. Да смотри, поуставнѣе держи себя въ церкви. На колокольню не лазай, а то пальто измызгаешь. Помни, что за шитье-то три цѣлковыхъ плочено, — напутствовала меня мать къ исповѣди.

— Деньги-то въ носовой платокъ увяжи, — добавилъ отецъ — свѣчку купи за три копейки, и батюшкѣ за исповѣдь дашь пятачокъ. Да смотри, ежова голова, не проиграй «въ орла и рѣшку», и батюшкѣ отвѣчай по совѣсти!

— Ладно! — нетерпѣливо буркнулъ я, размашисто крестясь на иконы.

Передъ уходомъ изъ дома поклонился родителямъ въ ноги и сказалъ:

— Простите меня Христа ради!

На улицѣ звонъ, золотая отъ заходящаго солнца размытая дорога, бѣгутъ снѣговые звонкіе ручейки, на деревьяхъ сидятъ скворцы, по весеннему гремятъ телѣги, и далеко-далеко раздаются ихъ дробные скачущіе шумы.

Дворникъ Давыдъ раскалываетъ ломомъ рыхлый ледъ, и онъ такъ хорошо звенитъ, ударяясь о камень.

— Куда это ты такимъ пижономъ вырядился? — спрашиваетъ меня Давыдъ, и голосъ его особенный, не сумеречный какъ всегда, а чистый и свѣжій, словно его прояснилъ весенній вѣтеръ.

— Исповѣдаться! — важно отвѣтилъ я.

— Въ добрый часъ, въ добрый, но только не забудь сказать батюшкѣ, что ты прозываешь меня «подметалой мученикомъ» — осклабился дворникъ.

На это я буркнулъ: ладно!

Мои пріятели — Котька Лютовъ и Урка Дубинъ пускаютъ въ лужѣ кораблики изъ яичной скорлупы и дѣлаютъ изъ кирпичей запруду.

Урка недавно ударилъ мою сестренку, и мнѣ очень хочется подойти къ нему и дать подзатыльника, но вспоминаю, что сегодня исповѣдь, и драться грѣшно. Молча, съ надутымъ видомъ прохожу мимо.

— Ишь, Васька зафорсилъ-то! — насмѣшливо отзывается Котька. — Въ пальтѣ новомъ... въ сапогахъ какъ котъ... Обувь лаковая, а рожа аховая!

— А твой отецъ моему тятькѣ до сихъ поръ полтинникъ долженъ! — сквозь зубы возражаю я, и осторожно, чтобы не забрызгать грязью лакированныхъ сапогъ, медленно ступаю по панели. Котька не остается въ долгу и кричитъ мнѣ въ догонку звонкимъ разсыпнымъ голосомъ:

— Сапожныя шпильки!

Ахъ, съ какимъ бы наслажденіемъ я наклалъ бы ему по шеѣ за сапожныя шпильки! Форситъ, адіетъ, шкилетина, что у него отецъ въ колбасной служитъ,

а мой тятька сапожникъ... Сапожникъ, да не простой! Купцамъ да отцамъ дьяконамъ сапоги шьетъ, не какъ-нибудь!

Гудятъ печальные великопостные колокола.

— Вотъ ужо... послѣ исповѣди, я Котькѣ покажу! — думаю я, подходя къ церкви.

Церковная ограда. Шершавые вязы и мшистыя березы. Длинная зеленая скамейка, залитая дымчатымъ вечернимъ солнцемъ. На скамейкѣ сидятъ исповѣдники и ждутъ начала «великаго повечерія». Съ колокольни раздаются голоса ребятъ, вспугивающіе церковныхъ голубей. Кто-то увидѣлъ меня съ высоты и кличетъ:

— Ва-а-сь-ка! Сыпь сюда!

Я какъ будто-бы не слышу, а самому очень хочется подняться по старой скрипучей лѣстницѣ на колокольню, позвонить въ колоколъ, съ замираніемъ сердца поглядѣть на разбросанный городъ, и слѣдить, какъ тонкія бирюзовыя сумерки окутываютъ вечернюю землю, и слушать, какъ замираютъ и гаснутъ вечерніе шумы.

— Одежу и сапоги измызгаешь, — вздыхаю я — нехорошо, когда ты во всемъ новомъ!

— И вотъ, свѣты мои, въ пустыни-то этой подвизались три святолѣпныхъ старца, — разсказываетъ исповѣдникамъ дядя Осипъ, кладбищенскій сторожъ. — Молились, постились, и трудились... да... трудились... А кругомъ одна пустыня...

Я вникаю въ слова дяди Осипа, и мнѣ представляется пустыня, почему-то въ видѣ неба безъ облаковъ.

— Васька! И ты исповѣдаться? — раздается сиплый голосъ Витьки.

На него я смотрю сердито. Вчера я проигралъ ему три копейки, данныя матерью, чтобы купить мыла для стирки, за что и влетѣло мнѣ по загривку.

— Пойдемъ, сыгранемъ, въ орла и рѣшку, а? — упрашиваетъ меня Витька, показывая пятакъ.

— Съ тобой играть не буду! Ты всегда жулишь!

— И вотъ, пошли три старца въ единъ градъ къ мужу праведному, — продолжаетъ дядя Осипъ.

Я смотрю на его сѣдую длинную бороду и думаю:

— Если бы дядя Осипъ не пьянствовалъ, то онъ обязательно былъ-бы святымъ!..

Великое повечеріе. Исповѣдь. Густой душистый сумракъ. Въ душу глядятъ строгіе глаза батюшки въ темныхъ очкахъ.

— Ну, сахаръ-то поди таскалъ безъ спросу? — ласково спрашиваетъ меня.

Боясь поднять глаза на священника, я дрожащимъ голосомъ отвѣчаю:

— Нѣ... у насъ полка высокая!..

И когда спросилъ онъ меня «какіе-же у тебя грѣхи», я послѣ долгаго молчанія вдругъ вспомнилъ тяжкій грѣхъ. При одной мысли о немъ, бросило меня въ жаръ и холодъ.

— Вотъ, вотъ, — встревожился я, — сейчасъ этотъ грѣхъ узнаетъ батюшка, прогонитъ съ исповѣди и не дастъ завтра святого причастія...

И чудится, кто-то темноризый шепчетъ мнѣ на ухо: кайся!

Я переминаюсь съ ноги на ногу. У меня кривится

ротъ, и хочется заплакать горькими покаянными слезами.

— Батюшка... — произношу сквозь всхлипы — я... я... въ Великомъ посту... колбасу трескалъ! Меня Витька угостилъ... Я не хотѣлъ... но съѣлъ!..

Священникъ улыбнулся, осѣнилъ меня темной ризой, обвѣянной ѳиміамными дымками, и произнесъ важныя, свѣтлыя слова.

Уходя отъ аналоя, я вдругъ вспомнилъ слова дворника Давыда, и мнѣ опять стало горько. Выждавъ, пока батюшка происповѣдалъ кого-то, я подошелъ къ нему вторично.

— Ты что?

— Батюшка! У меня еще одинъ грѣхъ. Забылъ сказать его... Нашего дворника Давыда я называлъ «подметалой мученикомъ»...

Когда и этотъ грѣхъ былъ прощенъ, я шелъ по церкви, съ сердцемъ яснымъ и легкимъ, и чему-то улыбался.

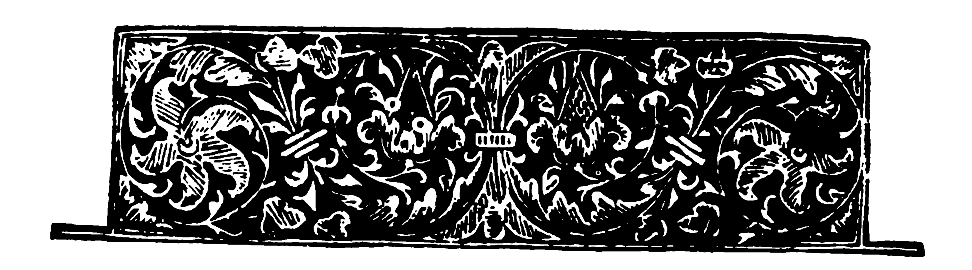
Дома лежу въ постели покрытый бараньей шубой, и сквозь прозрачный тонкій сонъ слышу, какъ отецъ тачаетъ сапогъ, и тихо, съ переливами, по старинному, напѣваетъ: «Волною морскою, скрывшаго древле». А за окномъ шумитъ радостный весенній дождь...

Снился мнѣ рай Господень. Херувимы поютъ. Цвѣточки смѣются. И какъ будто-бы сидимъ мы съ Котькой на травкѣ, играемъ наливными райскими яблоками и другъ у друга просимъ прощенія.

— Ты прости меня, Вася, что я тебя сапожными шпильками обозвалъ!

— И ты, Котя, прости меня. Я тебя шкилетомъ ругалъ!

А кругомъ рай Господень, и радость несказанная!

ПРИЧАЩЕНІЕ.

4.

Въ Великій Четвергъ варили пасхальныя яйца. По старинному деревенскому обычаю варили ихъ въ луковичныхъ перьяхъ, отчего получались они похожими на густой цвѣтъ осенняго кленоваго листа. Пахли они по особенному, — не то кипарисомъ, не то свѣжимъ тесомъ, прогрѣтымъ солнцемъ. Лавочныхъ красокъ въ нарядныхъ коробкахъ мать не признавала.

— Это не по деревенски, — говорила она — не по нашему свычаю!

— А какъ же у Григорьевыхъ? — спросишь ее — или у Лютовыхъ? Красятся они у нихъ въ самый разный цвѣтъ, и такія приглядныя, что не наглядишься!

— Григорьевы и Лютовы — люди городскіе, а мы изъ деревни! А въ деревнѣ, самъ знаешь, свычаи отъ самого Христа идутъ...

Я нахмурился и обиженно возразилъ:

— Нашла чѣмъ форсить! Мнѣ и такъ никакого прохода не даютъ: «деревенщиной» прозываютъ.

— А ты не огорчайся! Махни на нихъ ручкой и

вразуми: деревня-то, скажи, Божьими садами пахнетъ, а городъ керосиномъ и всякой нечистью. Это одно. А другое, — не произноси ты, сынокъ, слова этакаго нехорошаго: форситъ! Деревенскаго языка не бойся, — онъ тоже отъ Господа идетъ!

Мать вынула изъ чугунка яйца, уложила ихъ въ корзиночку похожую на ласточкино гнѣздышко, перекрестила ихъ и сказала:

— Поставь подъ иконы. Въ Свѣтлую заутреню святить понесешь...

На Страстной недѣлѣ тише ходили, тише разговаривали и почти ничего не ѣли. Вмѣсто чая пили сбитень (горячую воду съ патокой) и закусывали его черным хлѣбомъ. Вечеромъ ходили въ монастырскую церковь, гдѣ службы были уставнѣе и строже. Изъ этой церкви мать принесла на дняхъ слова, слышанныя отъ монашки:

— Для молитвы постъ есть то же, что для птицы крылья!

Великій Четвергъ былъ весь въ солнцѣ и голубыхъ ручьяхъ. Солнце выпивало послѣдній снѣгъ, и съ каждымъ часомъ земля становилась яснѣе и просторнѣе. Съ деревьевъ стекала быстрая капель. Я ловилъ ее въ ладонь и пилъ, — говорятъ, что отъ нея голова болѣть не будетъ...

Подъ деревьями лежалъ источенный капелью снѣгъ, и чтобы поскорѣе наступила весна, я разбрасывалъ его лопатою по солнечнымъ дорожкамъ.

Въ десять часовъ утра ударили въ большой колоколъ, къ четверговой литургіи. Звонили уже не по великопостному (медлительно и скорбно), а полнымъ

частымъ ударомъ. Сегодня у насъ «причастный» день. Вся семья причащалась Святыхъ Христовыхъ Тайнъ.

Шли въ церковь краемъ рѣки. По голубой шумливой водѣ плыли льдины и разбивались одна о другую. Много кружилось чаекъ, и онѣ бѣлизною своею напоминали издали летающія льдинки.

Около рѣки стоялъ кустъ съ красными прутиками, и онъ особенно заставилъ подумать, что у насъ весна, и скоро-скоро всѣ, эти бурые склоны, взгорья, сады и огороды покроются травами, покажется «весень» (первые цвѣты), и каждый камень и камешекъ будетъ теплымъ отъ солнца.

Въ церкви не было такой густой черноризной скорби, какъ въ первые три дня Страстной недѣли, когда пѣли: «Се женихъ грядетъ въ полунощи», и про чертогъ украшенный.

Вчера и раньше все напоминало Страшный судъ. Сегодня же звучала теплая, слегка успокоенная скорбь: не отъ солнца ли весенняго?

Священникъ былъ не въ черной ризѣ, а въ голубой. Причастницы стояли въ бѣлыхъ платьяхъ, и были похожи на весеннія яблони, — особенно дѣвушки.

На мнѣ была бѣлая вышитая рубашка, подпоясанная аѳонскимъ пояскомъ. На мою рубашку всѣ смотрѣли, и какая-то барыня сказала другой:

— Чудесная русская вышивка!

Я былъ счастливъ за свою мать, которая вышила мнѣ такую ненаглядную рубашку.

Тревожно забили въ душѣ тоненькіе, какъ птичьи

клювики, серебряные молоточки, когда запѣли передъ великимъ выходомъ:

«Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божій, причастника мя пріими: не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзаніе Ти дамъ яко Іуда, но яко разбойникъ исповѣдую Тя, помяни мя, Господи, егда пріидеши во Царствіе Твое».

— Причастника мя пріими... — высвѣтлялись въ душѣ серебряныя слова.

Вспомнились мнѣ слова матери: если радость услышишь, когда причастишься, — знай, это Господь вошелъ въ тебя и обитель въ тебѣ сотворилъ.

Съ волненіемъ ожидалъ я святого таинства.

— Войдетъ ли въ меня Христосъ? Достоинъ ли я?

Вострепетала душа моя, когда открылись Царскія врата, вышелъ на амвонъ священникъ съ золотою Чашей, и раздались слова:

— Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите!

Изъ окна, прямо въ Чашу упали солнечные лучи, и она загорѣлась жаркимъ опаляющимъ свѣтомъ.

Неслышный, съ крестообразно сложенными руками, подошелъ къ Чашѣ. Слезы зажглись на глазахъ моихъ, когда сказалъ священникъ: «Причащается рабъ Божій во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную». Устъ моихъ коснулась золотая солнечная лжица, а пѣвчіе пѣли, мнѣ рабу Божьему пѣли: «Тѣла Христова пріимите, источника безсмертнаго вкусите».

По отходѣ отъ Чаши, долго не отнималъ отъ груди крестообразно сложенныхъ рукъ, — прижималъ вселившуюся въ меня радость Христову...

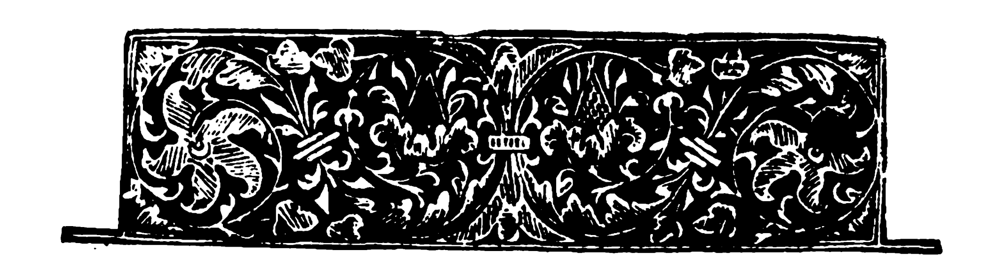
Мать и отецъ поцѣловали меня и сказали:

— Съ принятіемъ Святыхъ Тайнъ!

Въ этотъ день я ходилъ словно по мягкимъ пуховымъ тканямъ, — самого себя не слышалъ. Весь міръ былъ небесно тихимъ, переполненнымъ голубымъ свѣтомъ, и отовсюду слышалась пѣсня: «Вечери Твоея тайныя ...причастника мя пріими».

И всѣхъ на землѣ было жалко, даже снѣга, насильно разбросаннаго мною на сожженіе солнцу:

— Пускай доживалъ бы крохотные свои дни!

ДВѢНАДЦАТЬ ЕВАНГЕЛІЙ.

5.

До звона къ чтенію двѣнадцати Евангелій я мастерилъ фонарикъ изъ красной бумаги, въ которомъ понесу свѣчу отъ страстей Христовыхъ. Этой свѣчей мы затеплимъ лампаду и будемъ поддерживать въ ней неугасимый огонь до Вознесенія.

— Евангельскій огонь — увѣряла мать — избавляетъ отъ скорби и душевной затеми!

Фонарикъ мой получился до того ладнымъ, что я не стерпѣлъ, чтобы не сбѣгать къ Гришкѣ, показать его. Тотъ зорко осмотрѣлъ его и сказалъ:

— Ничего себѣ, но у меня лучше!

При этомъ онъ показалъ свой, окованный жестью и съ цвѣтными стеклами.

— Такой фонарь — убѣждалъ Гришка — въ самую злющую вѣтрюгу не погаснетъ, а твой не выдержитъ!

Я закручинился: неужели не донесу до дома святого огонька?

Свои опасенія повѣдалъ матери. Она успокоила.

— Въ фонарѣ-то не хитро донести, а ты попробуй

по нашему, по деревенскому, — въ рукахъ донести. Твоя бабушка, бывало, за двѣ версты, въ самую вѣтрень, да полемъ, несла четверговый огонь и доносила!

Предвечерье Великаго Четверга было осыпано золотистой зарей. Земля холодѣла, и лужицы затягивались хрустящей заледью. И была такая тишина, что я услышалъ, какъ галка, захотѣвшая напиться изъ лужи, разбила клювомъ тонкую заморозь.

— Тихо-то какъ! — замѣтилъ матери.

Она призадумалась и вздохнула:

— Въ такіе дни всегда... Это земля сострaждетъ страданіямъ Царя Небеснаго!..

Нельзя было не вздрогнуть, когда по тихой землѣ прокатился круглозвучный ударъ соборнаго колокола. Къ нему присоединился серебряный, какъ бы грудной звонъ Знаменской церкви, ему откликнулась журчащимъ всплескомъ Успенская церковь, жалостнымъ стономъ Владимірская и густой воркующей волной Воскресенская церковь.

Отъ скользящаго звона колоколовъ городъ словно плылъ по голубымъ сумеркамъ, какъ большой корабль, а сумерки колыхались какъ завѣсы во время вѣтра, то въ одну сторону, то въ другую.

Начиналось чтеніе двѣнадцати Евангелій. Посрединѣ церкви стояло высокое Распятіе. Передъ нимъ аналой. Я всталъ около креста, и голова Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ показалась особенно измученной. По складамъ читаю славянскія письмена у подножія креста: «Той язвенъ бысть за грѣхи наши, и мученъ бысть за беззаконія наша».

Я вспомнилъ, какъ Онъ благословлялъ дѣтей, какъ спасъ женщину отъ избіенія камнями, какъ плакалъ въ саду Геѳсиманскомъ всѣми оставленный, — и въ глазахъ моихъ засумерничало, и такъ хотѣлось уйти въ монастырь... Послѣ ектеніи, въ которой трогали слова: «О плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ и страждущихъ, Господу помолимся», — на клиросѣ запѣли, какъ бы однимъ рыданіемъ:

«Егда славніи ученицы на умовеніи вечери
просвѣщахуся».

У всѣхъ зажглись свѣчи, и лица людей стали похожими на иконы при лампадномъ свѣтѣ, — свѣтовидныя и милостивыя.

Изъ алтаря, по широкимъ унывнымъ разливамъ четверговаго тропаря, вынесли тяжелое, въ черномъ бархатѣ Евангеліе и положили на аналой передъ Распятіемъ. Все стало затаеннымъ и слушающимъ. Сумерки за окнами стали синѣе и задумнѣе.

Съ неутолимой скорбью былъ положенъ «началъ» чтенія перваго Евангелія: «Слава страстемъ Твоимъ, Господи». Евангеліе длинное-длинное, но слушаешь его безъ тяготы, глубоко вдыхая въ себя дыханіе и скорбь Христовыхъ словъ. Свѣча въ рукѣ становится теплой и нѣжной. Въ ея огонькѣ тоже живое и настороженное.

Во время кажденія читались слова, какъ бы отъ имени Самого Христа.

«Людіе мои, что сотворихъ вамъ, или чѣмъ вамъ стужихъ: слѣпцы ваша просвѣтихъ, прокаженныя очистихъ, мужа суща на одрѣ возставихъ. Людіе мои, что сотворихъ вамъ, и что ми воздасте? За ман-

ну желчь, за воду оцетъ, за еже любити мя, ко кресту мя пригвоздиша».

Въ этотъ вечеръ, до содроганія близко, видѣлъ, какъ взяли Его воины, какъ судили, бичевали, распинали, и какъ Онъ прощался съ Матерью.

«Слава долготерпѣнію Твоему, Господи».

Послѣ восьмого Евангелія три лучшихъ пѣвца въ нашемъ городѣ встали въ нарядныхъ синихъ кафтанахъ передъ Распятіемъ и запѣли «свѣтиленъ».

«Разбойника благоразумнаго во единѣмъ часѣ раеви сподобилъ еси Господи; и мене Древомъ крестнымъ просвѣти и спаси».

Съ огоньками свѣчей вышли изъ церкви въ ночь. Навстрѣчу тоже огни, — идутъ изъ другихъ церквей. Подъ ногами хруститъ ледъ, гудитъ особенный предпасхальный вѣтеръ, всѣ церкви трезвонятъ, съ рѣки доносится ледяной трескъ, и на черномъ небѣ, такомъ просторномъ и божественно мощномъ, много звѣздъ.

— Можетъ быть и тамъ... кончили читать двѣнадцать Евангелій, и всѣ святые несутъ четверговыя свѣчи въ небесныя свои горенки?

ПЛАЩАНИЦА.

6.

Великая Пятница пришла вся запечаленная. Вчера была весна, а сегодня затучило, завѣтрило и потяжелѣло.

— Будутъ стужи и метели, — зябко увѣрялъ нищій Яковъ, сидя у печки, — рѣка сегодня шу-у-мная! Колышень по ней такъ и ходитъ! Недобрый знакъ!

По издавнему обычаю, до выноса Плащаницы не полагалось ни ѣсть, ни пить, въ печи не разжигали огня, не готовили пасхальную снѣдь, — чтобы видъ скоромнаго не омрачалъ душу соблазномъ.

— Ты знаешь, какъ въ древнихъ сказахъ величали Пасху? — спросилъ меня Яковъ. — Не знаешь. «Свѣтозаръ-День». Хорошія слова были у стариковъ. Премудрыя!

Онъ опустилъ голову и вздохнулъ:

— Хорошо помереть подъ Свѣтлое! Прямо въ рай пойдешь. Всѣ грѣхи сымутся!

— Хорошо-то оно хорошо, — размышлялъ я — но жалко! Все-же хочется раньше разговѣться и покушать разныхъ разностей... посмотрѣть какъ солнце

играетъ... яйца покатать, въ колокола потрезвонить!..

Въ два часа дня стали собираться къ выносу Плащаницы. Въ церкви стояла гробница Господа, украшенная цвѣтами. По лѣвую сторону отъ нея поставлена большая старая икона «Плачъ Богородицы». Матерь Божія будетъ смотрѣть, какъ погребаютъ Ея Сына, и плакать...

А Онъ будетъ утѣшать Ее словами:

Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробѣ...

Возстану-бо и прославлюся...

Рядомъ со мною всталъ Витька. Озорные глаза его и бойкія руки стали тихими. Онъ посуровѣлъ какъ-то и призадумался. Подошелъ къ намъ и Гришка. Лицо и руки его были въ разноцвѣтныхъ краскахъ.

— Ты что такой мазаный? — спросилъ его.

Гришка посмотрѣлъ на руки, и съ гордостью отвѣтилъ:

— Десятокъ яицъ выкрасилъ!

— У тебя и лицо-то въ красныхъ и синихъ разводахъ! — указалъ Витька.

— Да, ну? Поплюй и вытри!

Витька отвелъ Гришку въ сторону, наплевалъ въ ладонь и сталъ утирать Гришкино лицо и еще пуще размазалъ его.

Дѣвочка съ длинными бѣлокурыми косами, ставшая неподалеку отъ насъ, взглянула на Гришку и засмѣялась.

— Иди вымойся, — шепнулъ я ему — нѣтъ силъ смотрѣть на тебя. Стоишь какъ зебра!

На клиросѣ запѣли стихиру, которая объяснила

мнѣ, почему сегодня нѣтъ солнца, не поютъ птицы, и по рѣкѣ ходитъ колышень:

«Вся тварь измѣняшеся страхомъ, зрящи Тя на крестѣ висима Христе. Солнце омрачашася, и земли основанія сотрясахуся: вся сострадаху Создавшему вся. Волею насъ ради претерпѣвый, Господи, слава Тебѣ».

Время приближалось къ выносу Плащаницы.

Едва слышнымъ озёрнымъ чистоплёскомъ, трогательно и нѣжно запѣли: «Тебѣ одѣющагося свѣтомъ яко ризою, снемъ Іосифъ съ древа съ Никодимомъ, и видѣвъ мертва, нага, непогребенна, благосердый плачъ восприимъ».

Отъ свѣчки къ свѣчкѣ потянулся огонь, и вся церковь стала похожа на первую утреннюю зарю. Мнѣ очень захотѣлось зажечь свѣчу отъ дѣвочки, стоящей впереди меня, той самой, которая разсмѣялась при взглядѣ на Гришкино лицо.

Смущенный и красный, прикоснулся свѣчей къ ея огоньку, и рука моя вздрогнула. Она взглянула на меня и покраснѣла.

Священникъ съ дьякономъ совершали кажденіе вокругъ престола, на которомъ лежала Плащаница. При пѣніи «Благообразный Іосифъ», начался выносъ ея на середину церкви, въ уготованную для нея гробницу. Батюшкѣ помогали нести Плащаницу самые богатые и почетные въ городѣ люди, и я подумалъ:

— Почему богатые? Христосъ бѣдныхъ людей любилъ больше!

Батюшка говорилъ проповѣдь, и я опять поду-

малъ: «Не надо сейчасъ никакихъ словъ. Все понятно, и безъ того больно».

Невольный грѣхъ осужденія передъ гробомъ Господнимъ смутилъ меня, и я сказалъ про себя: «больше не буду».

Когда все было кончено, то стали подходить прикладываться къ Плащаницѣ, и въ это время пѣли:

«Пріидите ублажимъ Іосифа Приснопамятнаго, въ нощи къ Пилату пришедшаго... Даждь ми сего страннаго, его-же ученикъ лукавый на смерть предаде»...

Въ большой задумѣ я шелъ домой и повторялъ глубоко погрузившіяся въ меня слова:

«Поклоняемся Страстемъ Твоимъ Христе, и святому Воскресенію».

КАНУНЪ ПАСХИ.

7.

Утро Великой Субботы запахло куличами. Когда мы еще спали, мать хлопотала у печки. Въ комнатѣ прибрано къ Пасхѣ: на окнахъ висѣли снѣговыя занавѣски, и на образѣ «Двунадесятыхъ праздниковъ» съ Воскресеніемъ Христовымъ въ серединѣ висѣло длинное, пѣтушками вышитое полотенце. Было часовъ пять утра, и въ комнатѣ стоялъ необыкновенной нѣжности янтарный свѣтъ, никогда не виданный мною. Почему-то представилось, что такимъ свѣтомъ залито Царство Небесное... Изъ янтарнаго, онъ постепенно превращался въ золотистый, изъ золотистаго въ румяный, и наконецъ, на кіотахъ иконъ заструились солнечныя жилки, похожія на соломинки.

Увидѣвъ меня проснувшимся, мать засуетилась:

— Сряжайся скорѣе! Буди отца. Скоро заблаговѣстятъ къ Спасову погребенію!

Никогда въ жизни я не видѣлъ еще такого великолѣпнаго чуда, — какъ восходъ солнца!

Я спросилъ отца, шагая съ нимъ рядомъ по гулкой и свѣжей улицѣ:

— Почему люди спятъ, когда рань такъ хороша?

Отецъ ничего не отвѣтилъ, а только вздохнулъ. Глядя на это утро, мнѣ захотѣлось никогда не отрываться отъ земли, а жить на ней вѣчно, — сто, двѣсти, триста лѣтъ, и чтобы обязательно столько жили и мои родители. А если доведется умереть, чтобы и тамъ, на поляхъ Господнихъ тоже не разлучаться, а быть рядышкомъ другъ съ другомъ, смотрѣть съ синей высоты на нашу маленькую землю, гдѣ прошла наша жизнь, и вспоминать ее.

— Тять! на томъ свѣтѣ мы всѣ вмѣстѣ будемъ?

Не желая, повидимому, огорчать меня, отецъ не отвѣтилъ прямо, а обинякомъ (при чемъ, крѣпко взялъ меня за руку):

— Много будешь знать, скоро состаришься! — а про себя прошепталъ со вздохомъ: разстанная наша жизнь!

Надъ гробомъ Христа совершалась необыкновенная заупокойная служба. Два священника читали поочередно «непорочны», въ дивныхъ словахъ оплакивавшія Господню смерть:

«Іисусе, спасительный Свѣтѣ, во гробѣ темномъ скрылся еси: о несказаннаго и неизреченнаго терпѣнія!»

«Подъ землею скрылся еси, яко солнце нынѣ, и нощію смертною покровенъ былъ еси, но возсіяй Свѣтлѣйше Спасе».

Совершали кажденіе, отпѣвали почившаго Господа и опять читали «непорочны».

«Зашелъ еси Свѣтотворче, и съ Тобою зайде Свѣтъ солнца».

«Въ одежду поруганія, украситель всѣхъ, облекаеши, иже небо утверди, и землю украси чудно!»

Съ клироса вышли пѣвчіе. Встали полукругомъ около Плащаницы и послѣ возгласа священника: «Слава Тебѣ показавшему намъ Свѣтъ», запѣли «великое славословіе» — «Слава въ вышнихъ Богу»...

Солнце уже совсѣмъ распахнулось отъ утренникъ одѣяній и засіяло во всемъ своемъ дивѣ. Какая-то всполошная птица ударилась клювомъ объ оконное стекло, и съ крышъ побѣжали бусинки отъ ночного снѣга.

При пѣніи похороннаго, «съ завоемъ», — «Святый Боже», при зажженныхъ свѣчахъ стали обносить Плащаницу вокругъ церкви, и въ это время перезванивали колокола.

На улицѣ ни вѣтерка, ни шума, земля мягкая, — скоро она совсѣмъ пропитается солнцемъ...

Когда вошли въ церковь, то всѣ пахли свѣжими яблоками.

Я услышалъ, какъ кто-то шепнулъ другому:

— Семиградскій будетъ читать!

Спившійся псаломщикъ Валентинъ Семиградскій, обитатель ночлежнаго дома, славился рѣдкимъ «таланомъ» потрясать слушателей чтеніемъ паремій и апостола. Въ большіе церковные дни онъ нанимался купцами за три рубля читать въ церкви. Въ длинномъ, похожемъ на подрясникъ, сюртукѣ, Семиградскій, съ большою книгою въ дрожащихъ рукахъ, подошелъ къ Плащаницѣ. Всегда темное лицо его, съ тяжелымъ мохнатымъ взглядомъ, сейчасъ было вдохновеннымъ и свѣтлымъ.

Широкимъ, крѣпкимъ раскатомъ онъ провозгласилъ:

«Пророчества Іезекіилева чтеніе»...

Съ волненіемъ, и чуть ли не со страхомъ, читалъ онъ мощнымъ своимъ голосомъ о томъ, какъ пророкъ Іезекіиль видѣлъ большое поле, усѣянное костями человѣческими, и какъ онъ въ тоскѣ спрашивалъ Бога: «Сыне человѣчь! Оживутъ ли кости сіи?» И очамъ пророка представилось, — какъ зашевелились мертвыя кости, облеклись живою плотью, и... всталъ передъ нимъ «великъ соборъ», возставшихъ изъ гробовъ...

Съ погребенія Христа возвращались со свѣчками. Этимъ огонькомъ мать затепляла «на поминъ» усопшихъ сродниковъ лампаду передъ родительскимъ благословеніемъ «Казанской Божіей Матери». Въ домѣ горѣло уже два огня. Третью лампаду, — самую большую и красивую, изъ краснаго стекла, — мы затеплимъ передъ пасхальной заутреней.

— Если не усталъ, — сказала мать, приготовляя творожную пасху (ахъ, поскорѣе бы розговѣнье! — подумалъ я, глядя на сладкій соблазный творогъ) — то сходи сегодня и къ обѣднѣ. Будетъ рѣдкостная служба! Когда выростешь, то такую службу поминать будешь!

На столѣ лежали душистые куличи съ розовыми бумажными цвѣтами, красныя яйца и разбросанные прутики вербы. Все это освѣщалось солнцемъ, и до того стало весело мнѣ, что я запѣлъ:

— Завтра Пасха! Пасха Господня!

СВѢТЛАЯ ЗАУТРЕНЯ.

8.

Надъ землей догорала сегодняшняя литургiйная пѣснь: «Да молчитъ всякая плоть человѣча, и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ».

Вечерняя земля затихала. Дома открывали стеклянныя дверцы иконъ. Я спросилъ отца:

— Это для чего?

— Въ знакъ того, что на Пасху двери райскiя отверзаются!

До начала заутрени мы съ отцомъ хотѣли выспаться, но не могли. Лежали на постели рядомъ, и онъ разсказывалъ, какъ ему мальчикомъ пришлось встрѣчать Пасху въ Москвѣ.

— Московская Пасха, сынокъ, могучая! Кто разъ повидалъ ее, тотъ до гроба поминать будетъ. Грохнетъ это въ полночь первый ударъ колокола съ Ивана Великаго, такъ словно небо со звѣздами упадетъ на землю! А въ колоколѣ-то, сынокъ, шесть тысячъ пудовъ, и для раскачиванiя языка требовалось двѣнадцать человѣкъ! Первый ударъ подгоняли къ бою часовъ на Спасской башнѣ...

Отецъ приподнимается съ постели и говоритъ о Москвѣ съ дрожью въ голосѣ:

— Да... часы на Спасской башнѣ... Пробьютъ, — и сразу-же взвивается къ небу ракета... а за ней пальба изъ старыхъ орудій на Тайницкой башнѣ — сто одинъ выстрѣлъ!..

Моремъ стелется по Москвѣ Иванъ Великій, а остальные сорокъ-сороковъ вторятъ ему какъ рѣки въ половодье! Такая, скажу тебѣ, сила плыветъ надъ Первопрестольной, что ты словно не ходишь, а на волнахъ качаешься маленькой щепкой! Могучая ночь, грому Господню подобная! Эхъ, сынокъ, не живописать словами пасхальную Москву!

Отецъ умолкаетъ и закрываетъ глаза.

— Ты засыпаешь?

— Нѣтъ. На Москву смотрю.

— А гдѣ она у тебя?

— Передъ глазами. Какъ живая...

— Разскажи еще что-нибудь про Пасху!

— Довелось мнѣ встрѣчать также Пасху въ одномъ монастырѣ. Простотой да святолѣпностью была она еще лучше московской! Одинъ монастырь-то чего стоитъ! Кругомъ, — лѣсъ нехоженный, тропы звѣриныя, а у монастырскихъ стѣнъ — рѣчка плещется. Въ нее таёжныя дерева глядятъ, и церковь сбитая изъ крѣпкихъ смолистыхъ бревенъ. Къ Свѣтлой заутрени собиралось сюда изъ окрестныхъ деревень великое множество богомольцевъ. Былъ здѣсь рѣдкостный обычай. Послѣ заутрени выходили къ рѣчкѣ дѣвушки со свѣчами, пѣли «Христосъ Воскресе», кланялись въ поясъ рѣчной водѣ, а потомъ —

прилѣпляли свѣчи къ деревянному кругляшу и поочереди пускали ихъ по рѣкѣ. Была примѣта: если пасхальная свѣча не погаснетъ, то дѣвушка замужъ выйдетъ, а погаснетъ — горькой вѣковушей останется!

Ты вообрази только, какое тамъ было диво! Среди ночи сотня огней плыветъ по водѣ, а тутъ еще колокола трезвонятъ, и лѣсъ шумитъ!

— Хватитъ вамъ, вѣчать-то, — перебила насъ мать, — высыпались бы лучше, а то будете стоять на заутренѣ соныгами!

Мнѣ было не до сна. Душу охватывало предчувствіе чего-то необъяснимо огромнаго, похожаго не то на Москву, не то на сотню свѣчей, плывущихъ по лѣсной рѣкѣ. Всталъ съ постели, ходилъ изъ угла въ уголъ, мѣшалъ матери стряпать и поминутно ее спрашивалъ:

— Скоро ли въ церковь?

— Не вертись, какъ косое веретено! — тихо вспылила она. — Ежели не терпится, то ступай, да не балуй тамъ!

До заутрени цѣлыхъ два часа, а церковная ограда уже полна ребятами.

Ночь безъ единой звѣзды, безъ вѣтра и какъ-бы страшная въ своей необычности и огромности. По темной улицѣ плыли куличи въ бѣлыхъ платкахъ — только они были видны, а людей какъ-бы и нѣтъ.

Въ полутемной церкви, около Плащаницы стоитъ очередь охотниковъ почитать Дѣянія апостолъ. Я тоже присоединился. Меня спросили:

— Читать умѣешь?

— Умѣю.

— Ну, такъ начинай первымъ!

Я подошелъ къ аналою и сталъ выводить по складамъ: «Первое убо слово сотворихъ о Θеофилѣ», и никакъ не могъ выговорить «Θеофилъ». Растерялся, смущенно опустилъ голову и пересталъ читать. Ко мнѣ подошли и сдѣлали замѣчаніе:

— Куда же ты лѣзешь, когда читать не умѣешь?

— Попробовать хотѣлъ!..

— Ты лучше куличи пробуй, — и оттѣснили меня въ сторону.

Въ церкви не стоялось. Вышелъ въ ограду и сѣлъ на ступеньку храма.

— Гдѣ-то сейчасъ Пасха? — размышлялъ я — витаетъ ли на небѣ, или ходитъ за городомъ, въ лѣсу, по болотнымъ кочкамъ, сосновымъ остинкамъ, подснѣжникамъ, вересковыми и можжевельными тропинками, и какой она имѣетъ образъ? Вспомнился мнѣ чей-то разсказъ, что въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе спускается съ неба на землю лѣствица, и по ней сходитъ къ намъ Господь со святыми апостолами, преподобными, страстотерпцами и мучениками. Господь обходитъ землю, благословляетъ поля, лѣса, озера, рѣки, птицъ, человѣка, звѣря и все сотворенное святой Его волей, а святые поютъ «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ»... Пѣсня святыхъ зернами разсыпается по землѣ, и отъ этихъ зеренъ зарождаются въ лѣсахъ тонкіе душистые ландыши...

Время близилось къ полночи. Ограда все гуще и полнѣе гудитъ говоромъ. Изъ церковной сторожки кто-то вышелъ съ фонаремъ.

— Идетъ, идетъ! — неистово закричали ребята, хлопая въ ладоши.

— Кто идетъ?

— Звонарь Лександра! Сейчасъ грохнетъ!

И онъ грохнулъ...

Отъ перваго удара колокола по землѣ словно большое серебряное колесо покатилось, а когда прошелъ гудъ его, покатилось другое, а за нимъ третье, и ночная пасхальная тьма закружилась въ серебряномъ гудѣніи всѣхъ городскихъ церквей.

Меня примѣтилъ въ темнотѣ нищій Яковъ.

— Свѣтловѣщанный звонъ! — сказалъ онъ, и нѣсколько разъ перекрестился.

Въ церкви начали служить «великую полунощницу». Пѣли «Волною морскою». Священники въ бѣлыхъ ризахъ подняли Плащаницу и унесли въ алтарь, гдѣ она будетъ лежать на престолѣ, до праздника Вознесенія. Тяжелую золотую гробницу съ грохотомъ отодвинули въ сторону, на обычное свое мѣсто, и въ грохотѣ этомъ тоже было значительное, пасхальное, — словно отваливали огромный камень отъ гроба Господня.

Я увидалъ отца съ матерью. Подошелъ къ нимъ и сказалъ:

— Никогда не буду обижать васъ! — прижался къ нимъ, и громко воскликнулъ:

— Весело-то какъ!

А радость пасхальная все ширилась, какъ Волга въ половодье, про которое не разъ отецъ разсказывалъ. Весенними деревьями на солнечномъ повѣтріи заколыхались высокія хоругви. Стали готовиться къ крест-

ному ходу вокругъ церкви. Изъ алтаря вынесли серебряный запрестольный крестъ, золотое Евангеліе, огромный круглый хлѣбъ — артосъ, заулыбались поднятыя иконы, и у всѣхъ зажглись красныя пасхальныя свѣчи.

Наступила тишина. Она была прозрачной, и такой легкой, если дунуть на нее, то заколеблется паутинкой. И среди этой тишины запѣли: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небеси». И подъ эту воскрыляющую пѣсню заструился огнями крестный ходъ. Мнѣ наступили на ногу, капнули воскомъ на голову, но я почти ничего не почувствовалъ и подумалъ: «такъ полагается». — Пасха! Пасха Господня! —бѣгали по душѣ солнечные зайчики. Тѣсно прижавшись другъ къ другу, ночными потемками, по струямъ воскресной пѣсни, осыпаемые трезвономъ и обогрѣваемые огоньками свѣчей мы пошли вокругъ бѣлозорной отъ сотни огней церкви и остановились въ ожиданіи у крѣпко закрытыхъ дверей. Смолкли колокола. Сердце затаилось. Лицо запылало жаромъ. Земля куда-то исчезла — стоишь не на ней, а какъ бы на синихъ небесахъ. А люди? Гдѣ они? Всѣ превратились въ ликующія пасхальныя свѣчи!

И вотъ, то огромное, чего охватить не могъ вначалѣ, — свершилось! Запѣли «Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ».

Три раза пропѣли «Христосъ Воскресе», и передъ нами распахнулись высокія двери. Мы вошли въ воскресшій храмъ, — и передъ глазами, въ сіяніи паникадилъ, большихъ и малыхъ лампадъ, въ блесткахъ серебра, золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ на иконахъ, въ

яркихъ бумажныхъ цвѣтахъ на куличахъ, — вспыхнула Пасха Господня! Священникъ, окутанный кадильнымъ дымомъ, съ заяснившимся лицомъ, свѣтло и громко воскликнулъ: «Христосъ Воскресе», и народъ отвѣтилъ ему грохотомъ спадающаго съ высоты тяжелаго льдистаго снѣга — «Воистину Воскресе».

Рядомъ очутился Гришка. Я взялъ его за руки и сказалъ:

— Завтра я подарю тебѣ красное яйцо! Самое наилучшее! Христосъ Воскресе!

Неподалеко стоялъ и Ѳедька. Ему тоже пообѣщалъ красное яйцо. Увидѣлъ дворника Давыда, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Никогда не буду называть тебя «подметалой мученикомъ». Христосъ Воскресе!

А по церкви молніями летали слова пасхальнаго канона. Что ни слово, то искорка веселаго быстраго огня:

> «Небеса убо достойно да веселятся, земля-же да радуется, да празднуетъ-же міръ видимый-же весь и невидимый. Христосъ-бо возста, веселіе вѣчное...»

Сердце мое зашлось отъ радости, — около амвона увидѣлъ дѣвочку съ бѣлокурыми косами, которую примѣтилъ на выносѣ Плащаницы! Самъ не свой подошелъ къ ней, и весь зардѣвшись, опустивъ глаза, я прошепталъ:

— Христосъ Воскресе!

Она смутилась, уронила изъ рукъ свѣчечку, тихимъ пламенемъ потянулась ко мнѣ, и мы похристосо-

вались... а потомъ до того застыдились, что долго стояли съ опущенными головами.

А въ это время съ амвона гремѣло пасхальное слово Іоанна Златоуста:

«Аще кто благочестивъ и боголюбивъ, да насладится сего добраго и свѣтлаго торжества... Воскресе Христосъ, и жизнь жительствуетъ!»

ЗЕМЛЯ ИМЕНИННИЦА.

9.

Березы подъ нашими окнами журчали о приходѣ Святой Троицы. Сядишь въ ихъ засѣнь, сольешься съ колебаніемъ сіяющихъ листьевъ, зажмуришь глаза, и представится тебѣ пересвѣтная и струистая дорожка, какъ на рѣкѣ при восходѣ солнца; и по ней въ образѣ трехъ бѣлоризныхъ ангеловъ, шествуетъ Святая Троица.

Наканунѣ праздника мать сказала:

— Завтра земля именинница!

— А почему именинница?

— А потому, сынокъ, что завтра Троицынъ день сойдется со святымъ Симономъ Зилотомъ, а на Симона Зилота — земля именинница: по всей Руси мужики не пашутъ!

— Земля именинница!

Эти необычайныя слова до того были любы, что вся душа моя засвѣтилась.

Я выбѣжалъ на улицу. Повстрѣчалъ Ѳедьку съ Гришкой и спросилъ ихъ:

— Угадайте, ребята, кто завтра именинница? Еже-

ли угадаете, то я куплю вамъ боярскаго квасу на двѣ копейки!

Ребята надулись и стали думать. Я смотрѣлъ на нихъ какъ генералъ Скобелевъ съ бѣлаго коня (картинка такая у насъ).

Отецъ не разъ говорилъ, что пріятели мои Ѳедька и Гришка не дѣти, а благословеніе Божіе, такъ какъ почитаютъ родителей, не таскаютъ сахаръ безъ спроса, не лазаютъ въ чужіе сады за яблоками, и читаютъ по печатному такъ ловко, словно птицы летаютъ. Мнѣ было радостно, что такимъ умникамъ я загадалъ столь мудреную загадку.

Они думали, думали и, наконецъ, признались со вздохомъ:

— Не можемъ. Скажи.

Я выдержалъ степенное молчаніе, высморкался и съ упоеніемъ отвѣтилъ:

— Завтра земля именинница!

Они хотѣли поднять меня на смѣхъ, но потомъ, сообразивъ что-то, умолкли и задумались.

— А это вѣрно, — сказалъ серьезный Ѳедька, — земля въ Троицу завсегда нарядная и веселая, какъ именинница!

Ехидный Гришка добавилъ:

— Хорошая у тебя голова, Васька, да жалко, что дураку досталась!

Я не выдержалъ его ехидства и заревѣлъ.

Изъ окна выглянулъ мой отецъ и крикнулъ:

— Чего ревешь? Сходилъ бы лучше съ ребятами въ лѣсъ за березками!

Душистое и звенящее слово «лѣсъ» заставило

дрогнуть мое сердце. Я пересталъ плакать. Примиренный схватилъ Ѳедьку и Гришку за руки и сталъ молить ихъ пойти за березками.

Взяли мы изъ дома по ковригѣ хлѣба и пошли по главной улицѣ города съ пѣснями, хмельные и радостные отъ предстоящей встрѣчи съ лѣсомъ. А пѣли мы пѣсню сапожниковъ, проживавшихъ на нашемъ дворѣ:

Моя досада — не разсада:
Не разсадишь по грядамъ;
А моя кручина — не лучина:
Не сожжешь по вечерамъ.

Насъ остановилъ пузатый городовой Гаврилычъ и сказалъ:

— Эй вы, банда! Потише!

Въ лѣсу было весело и ярко до изнеможенія, до боли въ груди, до радужныхъ круговъ передъ глазами. Повстрѣчались намъ въ чащѣ дровосѣки. Одинъ изъ нихъ — борода что у лѣсовика — посмотрѣлъ на насъ и сказалъ:

— Ребята живутъ, какъ алъ цвѣтъ цвѣтутъ, а наша голова, вянетъ что трава...

Было любо, что намъ завидуютъ и называютъ алымъ цвѣтомъ.

Передъ тѣмъ какъ пойти домой съ тонкими звенящими березками радость моя была затуманена.

Выйдя на прилѣсьѣ, Гришка предложилъ намъ погадать на кукушку — сколько, молъ, лѣтъ мы проживемъ.

Кукушка прокуковала Гришкѣ 80 лѣтъ, Ѳедькѣ 65, а мнѣ всего лишь два года.

Отъ горькой обиды я упалъ на траву и заплакалъ:

— Не хочу помирать черезъ два года!

Ребята меня жалѣли и уговаривали не вѣрить кукушкѣ, такъ какъ она, глупая птица, всегда вретъ. И только тогда удалось меня успокоить, когда Ѳедька предложилъ вторично «допросить» кукушку.

Я повернулъ заплаканное лицо въ ея сторону, и сквозь всхлипываніе сталъ просить вѣщую птицу:

— Кукушка, ку-у-ку-шка, прокукуй мнѣ сколько-же на свѣтѣ жить?

На этотъ разъ она прокуковала мнѣ пятьдесятъ лѣтъ. На душѣ стало легче, хотя и было тайное желаніе прожить почему-то сто двадцать лѣтъ...

Возвращались домой при сіяніи звѣзды-вечерницы, при вызоренныхъ небесахъ, по тихой росѣ. Всю дорогу мы молчали, опускали горячія лица въ духмянную березовую листву и однимъ сердцемъ чувствовали: какъ хорошо жить, когда завтра земля будетъ именинница!

Приходъ Святой Троицы на нашъ дворъ я почувствовалъ рано утромъ, въ образѣ солнечнаго предвосходья, которое заполнило нашу маленькую комнату тонкимъ сіяніемъ. Мать уставно затепляла лампаду передъ иконами и шептала:

— Пресвятая Троица, спаси и сохрани...

Пахло пирогами, и въ этомъ запахѣ чувствовалась значительность наступающаго дня. Я всталъ съ постели и наступилъ согрѣтыми ночью ногами на первые солнечные лучи — утренники.

— Ты что, въ такую рань? — шепнула мать. — Спалъ-бы еще.

Я дѣловито спросилъ ее:

— Съ чѣмъ пироги?

— Съ рисомъ.

— А еще съ чѣмъ?

— Съ брусничнымъ вареньемъ.

— А еще съ чѣмъ?

— Ни съ чѣмъ.

— Маловато, — нахмурился я, — а вотъ Гришка мнѣ сказывалъ, что у нихъ сегодня будетъ шесть пироговъ и три коровая!

— За ними не гонись, сынокъ... Они богатые.

— Отрѣжь пирога съ вареньемъ. Мнѣ очень хочется!

— Да ты, сынокъ, фармазонъ что ли, али турка?— всплеснула мать руками. — Кто-же изъ православныхъ людей пироги ѣстъ до обѣдни?

— Петро Лександрычъ, — отвѣтилъ я, — онъ даже и въ посту свинину лопаетъ!

— Онъ, сынокъ, не православный, а фершалъ! — сказала мать про нашего сосѣда фельдшера Филиппова, — ты на него не смотри. Помолись лучше Богу и иди къ обѣднѣ.

По землѣ имениннницѣ солнце растекалось душистыми и густыми волнами. Съ утра уже было знойно, и всѣ говорили — быть грозѣ!

Ждалъ я ее съ тревожной, но пріятной настороженностью — первый весенній громъ!

Передъ уходомъ моимъ къ обѣднѣ пришла къ намъ Лида — прачкина дочка, первая красавица на нашемъ дворѣ, и, опустивъ рѣсницы, стыдливо спросила у матери серебряную ложку.

— На что тебѣ?

— Говорятъ, что сегодня громовый дождь будетъ, такъ я хочу побрызгать себя изъ серебра дождевой водицей. Отъ этого цвѣтъ лица бываетъ хорошій!

Сказала и заяснилась пунцовой зорью.

Я посмотрѣлъ на нее, какъ на золотую чашу во время литургіи, и, заливаясь жаркимъ румянцемъ, съ восхищеніемъ и радостной болью воскликнулъ:

— У тебя лицо, какъ у Ангела Хранителя!

Всѣ засмѣялись. Отъ стыда выбѣжалъ на улицу, спрятался въ садовой засѣни и отчего-то закрывалъ лицо руками.

Именины земли церковь вѣнчала чудесными словами, пѣснопѣніями и длинными таинственными молитвами, во время которыхъ становились на колѣни, — а полъ былъ устланъ цвѣтами и свѣжей травой. Я поднималъ съ пола травинки, растиралъ ихъ между ладонями и вдыхая въ себя горькое ихъ дыханіе, вспоминалъ зеленые разбѣги поля, и слова бродяги Яшки, исходившаго пѣшкомъ всю Россію:

— Зеленымъ лугомъ пройдуся, на сине небо нагляжуся, алой зоренькой ворочуся!

Послѣ обѣда пошли на кладбище поминать усопшихъ сродниковъ. Въ Троицынъ день батюшки и дьякона семи городскихъ церквей служили на могилахъ панихиды. Около бѣлыхъ кладбищенскихъ вратъ кружилась, верещала, свистѣла, кричала и пылила ярмарка. Безногій нищій Евдокимъ, сидя въ телѣжкѣ, высокимъ рыдающимъ голосомъ пѣлъ про Матерь Божію, идущую полями изусѣянными и собирающую цвѣты

«дабы украсить живоносный гробъ Сына Своего Возлюбленнаго».

Около Евдокима стояли бабы и пригорюнившись слушали. Деревянная чашка безногаго была полна мѣдными монетами. Я смотрѣлъ на нихъ и думалъ:

— Хорошо быть нищимъ! Сколько на эти деньги конфетъ можно купить!

Отецъ мнѣ далъ пятачокъ (и въ этомъ тоже былъ праздникъ). Я купилъ себѣ на копейку боярскаго квасу, на копейку леденцовъ (четыре штуки) и на три копейки «пильсиннаго» мороженаго. Отъ него у меня заныли зубы, и я заревѣлъ на всю ярмарку.

Мать утѣшала меня и говорила:

— Не брался бы, сынокъ, за городскія сладости! Отъ нихъ всегда наказаніе и грѣхъ!

Она перекрестила меня, и зубы перестали болѣть.

На кладбищѣ мать посыпала могилку зернами — птицамъ на поминки, а потомъ служили панихиду. Троицкая панихида звучала свѣтло, «и жизнь безконечная», про которую пѣли священники, казалась тоже свѣтлой, вся въ цвѣтахъ и въ березкахъ.

Не успѣли мы дойти до дома, какъ на землю упалъ громъ. Дождь вначалѣ разсыпался круглыми зернинками, а потомъ разошелся, и пошелъ гремучимъ «косохлестомъ». Отъ веселаго и большого дождя деревья шумѣли свѣжимъ широкимъ говоромъ, и густо пахло березами.

Я стоялъ на крыльцѣ и пѣлъ во все горло:

Дождикъ, дождикъ, перестань,
Я поѣду на Іордань —
Богу молиться, Христу поклониться.

На середину двора выбѣжала Лида, подставила дождю серебряную ложечку, и брызгала милое лицо свое первыми грозовыми дождинками.

Радостными до слезъ глазами я смотрѣлъ на нее и съ замираніемъ сердца думалъ:

— Когда я буду большимъ, то обязательно на ней женюсь!

И чтобы поскорѣе вырасти, я долго стоялъ подъ дождемъ, и вымочилъ до нитки свой новый праздничный костюмъ.

СЕРЕБРЯНАЯ МЯТЕЛЬ.

10.

До Рождества безъ малаго мѣсяцъ, но оно уже обдаетъ тебя снѣжной пылью, приникаетъ по утрамъ къ морознымъ стекламъ, звенитъ полозьями по голубымъ дорогамъ, поетъ въ церкви за всенощной «Христосъ рождается, славите» и снится по ночамъ въ видѣ веселой серебряной мятели.

Въ эти дни ничего не хочется земного, а въ особенности школы. Дома замѣтили мою предпраздничность и строго заявили:

— Если принесешь изъ школы плохія отмѣтки, то елки и новыхъ сапогъ тебѣ не видать!

«Ничего», — подумалъ я: «посмотримъ... Ежели поставятъ мнѣ, какъ обѣщались, три за поведеніе, то я ее на пятерку исправлю... За арихметику, какъ пить дать, влѣпятъ мнѣ два, но это тоже не бѣда. У Михалъ Васильича двойка всегда выходитъ на манеръ лебединой шейки, безъ кружочка, — ее тоже на пятерку исправлю»...

Когда все это я сообразилъ, то сказалъ родителямъ:

— Балы у меня будутъ какъ первый сортъ!

Съ Гришкой возвращались изъ школы. Я спросилъ его:

— Ты слышишь, какъ пахнетъ Рождествомъ?

— Пока нѣтъ, но скоро услышу!

— Когда же?

— А вотъ тогда, когда мамка гуся купитъ и жарить зачнетъ, тогда и услышу!

Гришкинъ отвѣтъ мнѣ не понравился. Я надулся, и сталъ молчаливымъ.

— Ты чего губы надулъ? — спросилъ Гришка.

Я скосилъ на него сердитые глаза и въ сердцахъ отвѣтилъ:

— Рази Рождество жаренымъ гусемъ пахнетъ, обалдуй?

— А чѣмъ же?

На это я ничего не смогъ отвѣтить, покраснѣлъ и еще пуще разсердился.

Рождество подходило все ближе да ближе. Въ лавкахъ и булочныхъ уже показались елочныя игрушки, пряничные коньки и рыбки съ бѣлыми каемками, золотыя и серебряныя конфеты, отъ которыхъ зубы болятъ, но все-же будешь ихъ ѣсть, потому что они рождественскія.

За недѣлю до Рождества Христова насъ отпустили на каникулы.

Передъ самымъ отпускомъ изъ школы я молилъ Бога, чтобы Онъ не допустилъ двойки за арихметику и тройки за поведеніе, дабы не прогнѣвать своихъ родителей и не лишиться праздника и обѣщанныхъ новыхъ сапогъ съ красными ушками. Богъ услышалъ мою мо-

литву, и въ свидѣтельствѣ «объ успѣхахъ и поведенiи» за арихметику поставили тройку, а за поведенiе — пять съ минусомъ.

Рождество стояло у окна и рисовало на стеклахъ морозные цвѣты, ждало, когда въ домѣ вымоютъ полы, разстелятъ половики, затеплятъ лампады передъ иконами и впустятъ Его...

Наступилъ сочельникъ. Онъ былъ мятельнымъ, и бѣлымъ, бѣлымъ какъ ни въ какой другой день. Наше крыльцо занесло снѣгомъ, и разгребая его, я подумалъ: необыкновенный снѣгъ... какъ-бы святой! Вѣтеръ, шумящiй въ березахъ, — тоже необыкновенный! Бубенцы извозчиковъ не тѣ, и люди въ снѣжныхъ хлопьяхъ не тѣ... По сугробной дорогѣ мальчишка въ валенкахъ везъ на санкахъ елку, и какъ чудной чему-то улыбался.

Я долго стоялъ подъ мятелью и прислушивался, какъ по душѣ ходило веселымъ вѣтромъ самое распрекрасное и душистое на свѣтѣ слово — «Рождество». Оно пахло вьюгой и колючими хвойными лапками.

Не зная, куда дѣвать себя отъ бѣлизны и необычности сегодняшняго дня, я забѣжалъ въ соборъ и послушалъ какъ посрединѣ церкви читали пророчества о рожденiи Христа въ Виѳлеемѣ; прошелся по базару, гдѣ торговали елками, подставилъ ногу проходящему мальчишкѣ, и оба упали въ сугробъ; ударилъ кулакомъ по залубенѣвшему тулупу мужика, за что тотъ обозвалъ меня «шулды-булды»; перебрался черезъ заборъ въ городской садъ (хотя ворота и были открыты). Въ саду никого, — одна заметель да свистъ въ

деревьяхъ. Невѣдомо отчего бросился съ разлету въ глубокій сугробъ и губами прильнулъ къ снѣгу. Умаявшись отъ бѣготни по мятели, сизый и оледенѣвшій, пришелъ домой и увидѣлъ подъ иконами маленькую елку... Сѣлъ съ нею рядомъ и сталъ пѣть сперва бормотой, а потомъ все громче да громче «Дѣва днесь пресущественнаго рождаетъ», и вмѣсто «волсви со звѣздою путешествуютъ» пропѣлъ: «волки со звѣздою путешествуютъ».

Отецъ, прослушавъ мое пѣніе, сказалъ:

— Но не дуракъ ли ты? Гдѣ это видано, чтобы волки со звѣздою путешествовали?

Мать палила для студня телячьи ноги. Мнѣ очень хотѣлось ѣсть, но до звѣзды нельзя. Отецъ, окончивъ работу, сталъ читать вслухъ Евангеліе. Я прислушивался къ его протяжному чтенію и думалъ о Христѣ, лежащемъ въ ясляхъ:

— Навѣрное шелъ тогда снѣгъ, и маленькому Іисусу было дюже холодно!

И мнѣ до того стало жалко Его, что я заплакалъ.

— Ты что заканючилъ? — спросили меня съ безпокойствомъ.

— Ничего. Пальцы я отморозилъ ..

— И по дѣломъ тебѣ, неслуху! Поменьше-бы олетывалъ въ такую зябь!

И вотъ, наступилъ, наконецъ, рождественскій вечеръ. Перекрестясь на иконы, во всемъ новомъ, мы пошли ко всенощной въ церковь Спаса-Преображенія. Мятель утихла, и много звѣздъ выбѣжало на небо. Среди нихъ я долго искалъ рождественскую звѣзду и,

къ великой своей обрадованности, нашелъ ее. Она сіяла ярче всѣхъ и отливала голубыми·огнями.

Вотъ мы и въ церкви. Подъ ногами ельникъ, и кругомъ куда ни взглянешь, — отовсюду идетъ сіяніе. Даже толстопузый староста, котораго всѣ называютъ «жилой», и тотъ сіяетъ, какъ святой угодникъ. На клиросѣ торговецъ Силантій читалъ «великое повечеріе». Голосъ у Силантія сиплый и пришепетывающій, — въ другое время всѣ на него роптали за гугнивое чтеніе, но сегодня, по случаю великаго праздника, слушали его со вниманіемъ и даже крестились. Въ густой толпѣ я увидѣлъ Гришку. Протискался къ нему и шепнулъ на ухо:

— Я видѣлъ на небѣ рождественскую звѣзду... Большая и голубая!

Гришка покосился на меня и пробурчалъ:

— Звѣзда эта обнаковенная! Вега прозывается. Ее завсегда видать можно!

Я разсердился на Гришку и толкнулъ его въ бокъ.

Какой-то дяденька далъ мнѣ за озорство щелчка по затылку, а Гришка прошипѣлъ:

— Послѣ службы и отъ меня получишь!

Читалъ Силантій долго, долго... Вдругъ онъ сдѣлалъ маленькую передышку и строго оглянулся по сторонамъ. Всѣ почувствовали, что сейчасъ произойдетъ нѣчто особенное и важное. Тишина въ церкви стала еще тише. Силантій повысилъ голосъ и раздѣльно, громко, съ неожиданной для него проясненностью, воскликнулъ:

— Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!

Разсыпанныя слова его свѣтло и громогласно подхватилъ хоръ:

— Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!

Батюшка въ бѣлой ризѣ открылъ Царскія врата, и въ алтарѣ было бѣлымъ бѣло отъ серебряной парчи на престолѣ и жертвенникѣ.

— Услышите до послѣднихъ земли, яко съ нами Богъ — гремѣлъ хоръ, всѣми лучшими въ городѣ голосами. — Могущіи покоряйтеся, яко съ нами Богъ... Живущіи во странѣ и сѣни смертнѣй свѣтъ возсіяетъ на Вы, яко съ нами Богъ. Яко отроча родися намъ, Сынъ, и дадеся намъ — яко съ нами Богъ... И мира Его нѣтъ предѣла, — яко съ нами Богъ!

Когда пропѣли эту высокую пѣсню, то закрыли Царскія врата, и Силантій опять сталъ читать. Читалъ онъ теперь бодро и ясно, словно пѣсня, только что отзвучавшая, посеребрила его тусклый голосъ.

Послѣ возгласа, сдѣланнаго священникомъ, тонко, тонко зазвенѣлъ на клиросѣ камертонъ, и хоръ улыбающимися голосами запѣлъ «Рождество Твое, Христе Боже нашъ».

Послѣ рождественской службы дома зазорили (по выраженію матери) елку отъ лампаднаго огня. Елка наша была украшена конфетами, яблоками и розовыми баранками. Въ гости ко мнѣ пришелъ однолѣтокъ мой еврейчикъ Урка. Онъ вѣжливо поздравилъ насъ съ праздникомъ, долго смотрѣлъ ветхозавѣтными глазами своими на зазоренную елку и сказалъ слова, которыя всѣмъ намъ понравились:

— Христосъ былъ хорошій человѣкъ!

Сѣли мы съ Уркой подъ елку, на полосатый половикъ, и по молитвеннику, водя пальцемъ по строкамъ, стали съ нимъ пѣть: «Рождество Твое Христе Боже нашъ».

Въ этотъ усвѣтленный вечеръ мнѣ опять снилась серебряная мятель, и какъ будто-бы сквозь вздымы ея шли волки на заднихъ лапахъ, и у каждаго изъ нихъ было по звѣздѣ, всѣ они пѣли: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ».

МОЛНІИ СЛОВЪ СВѢТОЗАРНЫХЪ.

Любилъ дѣдушка Власъ сребротканный ладъ церковно-славянскаго языка. Какъ заговоритъ, бывало, о красотахъ его, то такъ и обдастъ тебя монастырскимъ вѣтромъ, такъ и освѣтитъ всего святымъ свѣтомъ. Каждое слово его казалось то золотымъ, то голубымъ, то лазоревымъ и крѣпкимъ какъ таинственный адамантовъ камень. Тяжко грустилъ дѣдушка, что мало кто постигалъ свѣтозарный языкъ житій, пролога, великаго канона Андрея Критскаго, миней, тріоди цвѣтной и постной, октоиха, псалтыря и прочихъ богодохновенныхъ пѣснопѣвцевъ.

Не разъ говаривалъ онъ мягко гудящимъ своимъ голосомъ:

— Въ кладезѣ славянскихъ реченій—златыя струи водъ Господнихъ. Въ немъ и звѣзды, и лучи, и ангельскіе гласы, и каменіе многоцвѣтные, и чистота, снѣга горнаго свѣтлѣйшая!

Развернетъ бывало дѣдъ одну изъ шуршистыхъ страницъ какой-нибудь древней церковной книги и зачнетъ читать съ тихой обрадованной улыбкой. По-

мню, прочиталъ онъ слова: «Тя, златозарный мучениковъ цвѣтъ почитаю». Остановился и сказалъ въ тихомъ вдумьѣ:

— Вникни, чадо, красота-то какая! Что за слово то чудесное: «златозарный». Свѣтится это слово!

До слезъ огорчало дѣда, когда церковники безъ великой строгости приступали къ чтенію, стараясь читать въ носъ, скороговоркой, безъ удареній, безъ душевной увѣтливости.

Рѣдко кто понималъ Власа. Отводилъ лишь душу со старымъ заштатнымъ дьякономъ Афанасіемъ — большимъ знатокомъ славянскаго языка и жадно влюбленнымъ въ драгоцѣнные его камни.

Соберутся, бывало, въ повечерье за пузанкомъ рябиновой (прозванной дѣдомъ «Златоструемъ»), и заструятся у нихъ такія свѣтло-пѣвучія рѣчи, что въ сумеречномъ домикѣ нашемъ воистину зȁревно становилось. Оба они съ дьякономъ невелички, сребровласые, румяные и сухенькіе. Дѣдушка былъ въ обхожденіи ровенъ, мягокъ, не торопыга, а дьяконъ — горячій, вздымистый и неуёмный. Какъ сейчасъ помню одну изъ ихъ вечернихъ бесѣдъ...

Набѣгали сумерки. Дѣдъ ходилъ въ валенкахъ-домовикахъ по горенкѣ и повторялъ вслухъ только что найденныя въ минеи слова:

«Молніями проповѣданія просвѣтилъ еси во тьмѣ сидящія».

Дьяконъ прислушивался и старался не дышать. Выслушалъ, вникъ, опрокинулъ чарочку и движеніемъ руки попросилъ вниманія.

Дѣдъ насторожился и пересталъ ходить. Полу-

закрывъ глаза, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ, дьяконъ началъ читать чистымъ переливнымъ голосомъ, мягко округляя каждое слово: «Велій еси Господи, и чудна дѣла Твоя, и ни едино же слово довольно будетъ къ пѣнію чудесъ Твоихъ.

Твоею-бо волею отъ небытія въ бытіе привелъ еси всячески: Твоею державою содержиши тварь и Твоимъ промысломъ строиши міръ...»

Дѣдъ загорѣвшимся взглядомъ слѣдилъ за полетомъ высокихъ пѣсенныхъ словъ, а дьяконъ продолжаетъ ткать на синихъ сумеркахъ серебряныя звѣзды словъ:

«Тебѣ поетъ солнце, Тебѣ славитъ луна, Тебѣ присутствуютъ звѣзды, Тебѣ слушаетъ свѣтъ, Тебѣ работаютъ источницы, Ты простеръ еси небо яко кожу, Ты утвердилъ еси землю на водахъ, Ты оградилъ еси море пескомъ, Ты къ дыханіямъ воздухъ изліялъ еси»...

Дьяконъ вскакиваетъ съ мѣста, треплетъ себя за волосы и кричитъ на всю горницу:

— Это-же вѣдь не слова, а молніи Господни!

Дѣдъ вторитъ ему съ восхищеніемъ:

— Молніями истканныя ризы Божіи, — и въ волненіи ходитъ по горенкѣ, заложивъ руки за монастырскій поясокъ.

Въ такіе вечера вся ихъ рѣчь, даже самая обыденная, переливалась жемчугами славянскихъ словъ, и любили, грѣшнымъ дѣломъ, повеличаться другъ передъ другомъ богатствомъ собранныхъ сокровищъ. Утѣшали себя блескомъ старинныхъ кованныхъ словъ

такъ-же, какъ иные утѣшаютъ себя пѣснями, плясами и музыкой.

— А это развѣ не дивно? — восклицаетъ дьяконъ — слушай: «Таинство ужасное зрю: Богъ-бо иже горстію содержай всю тварь, объемлится плотію въ яслехъ безсловесныхъ, повиваяй мглою море».

— Не слова, а звѣзды свѣтосіянныя, свѣтильники свѣтлѣйшіе и прозарнѣйшіе, — съ дрожью въ голосѣ отзывается дѣдъ — свѣтловѣщанная мудрость!

— А не возликуешь ли душою рабъ Божій Власій, когда запоютъ надъ гробомъ, твоимъ: «Въ путь узкій ходшіи прискорбный, вси въ житіи крестъ яко яремъ взeмшіи... Пріидите насладитеся ихъ-же уготовахъ вамъ почестей и вѣнцовъ небесныхъ»... «Сей бо отходитъ яко дымъ отъ земли, яко цвѣтъ отцвѣте, яко трава посѣчеся»...

— «Жизнь наша есть: цвѣтъ и дымъ, и роса утренняя воистину» — прибавляетъ Власъ, и обнимаетъ дьякона:

— А какія слова-то, Господи, встрѣчаются: свѣтовидный, свѣтоблистанный, свѣтоносный, свѣтозарный, — говоритъ онъ сквозь слезы. — «Душу мою озари сіяньми невечерними»... «Цвѣте прекрасный», «шумъ громный», «зарею пресвѣтлою озари концы вселенной», «жизнь, нестарѣемая», «одѣяйся свѣтомъ яко ризою»... «Милосердія двери отверзи намъ».

Все свѣтло. Все отъ сердца, отъ чистоты, отъ святости, отъ улыбки Господней.

Подозвалъ, помню, меня дѣдъ къ себѣ, погладилъ по головѣ и сказалъ: «Возлюби Божью красоту!»

До поздней ночи сквозь прозрачную дрему слышишь то дьякона, то дѣдушку, пересыпающихъ жемчугъ Божьихъ словъ. И не хочется погружаться въ сонъ: такъ бы и колебался на зыбкихъ пѣвучихъ струнахъ боговдохновенныхъ реченій.

СУМЕРКИ.

Григорій Семеновичъ, шурша валенками, ходилъ изъ угла въ уголъ, сморкался въ красный клѣтчатый платокъ, останавливался передъ дочерью, пудрившей лицо, и говорилъ ей тяжелымъ голосомъ:

— Лампадку ты не затеплила. Обѣдню проспала... Посты не соблюдаешь... Спать ложишься, Богу не молишься... Рази ты не восчувствуешь, Леночка, что это грѣхъ неотмолимый?

— Надоѣли вы, папенька, хуже горькой рѣдьки,— вспылила дочь и ушла изъ дома, крѣпко хлопнувъ дверью.

Григорій Семеновичъ молча потоптался на мѣстѣ, покачалъ головой и кряхтя сѣлъ въ старое кресло, стоявшее подъ иконами. Въ этомъ креслѣ тридцать лѣтъ тому назадъ изволилъ сидѣть епископъ Никандръ и кушать чай. Въ тѣ времена Григорій Семеновичъ былъ купцомъ первой гильдіи и церковнымъ старостой.

Обмахнувъ платкомъ лицо и заложивъ за ухо спутанную прядь волосъ, онъ тоскливо произнесъ:

— Леночка! Леночка!

На душѣ было тревожно.

— Безъ Бога хочетъ обойтись, глупая...—шепталъ испуганнымъ шопотомъ. — Да рази это мыслимо?

Въ окна стараго купеческаго дома видна была удаляющаяся Леночка, въ дымно сиреневыхъ сумеркахъ уходящаго іюльскаго дня. Свѣтлый костюмъ, красная шапочка, прядка волосъ, позолоченная закатомъ...

Она шла быстро, какой-то вихлястой походкой, и отцу это не нравилось.

Жизнь Григорія Семеновича не радовала. Все измѣнилось къ худшему. Даже въ церкви — тысячелѣтнемъ домѣ Господнемъ, гдѣ все должно быть незыблемо и крѣпко, онъ находилъ большія перемѣны. Священники служили не по уставу, пѣвчіе забыли старинное пѣніе, звонари не умѣютъ трезвонить, какъ въ старое время, православные проходятъ мимо церкви и не осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ. Молодежь тоже пошла не та: шумная, говорливая и мелководная. Не стало дѣвушекъ съ опущенными рѣсницами, длинными косами, тихими свѣтлыми взорами. Языкъ людей раздражалъ Григорія Семеновича. Не стало хорошихъ русскихъ словъ, круглыхъ и румяныхъ, какъ яблоки. Съ руганью отплевывался онъ отъ всякихъ тамъ «мерси», «извиняюсь», «абсолютно», «пардонъ», «мадамъ».

Всѣ, употреблявшіе эти слова, для него были еретиками, безбожниками и свистоплясами.

По какимъ-то признакамъ онъ даже опредѣлилъ, что и земля стала пахнуть не такъ, какъ прежде.

Въ горницѣ, заставленной тяжелой и пыльной мебелью, ему показалось душно. Онъ вышелъ на улицу.

Былъ теплый, пѣвучій вечеръ. Надъ вершинами липъ кружились звонцы. Въ окнахъ форштадтскихъ домиковъ мерцали блики румяныхъ зорь.

За рѣкой играли на гармошкѣ, и въ лихихъ ладахъ ея слышались отзвуки затуманенной старины.

Григорій Семеновичъ сѣлъ на скамейку около дома съ высокимъ узорнымъ крыльцомъ и сталъ смотрѣть, какъ изъ сосѣдняго трактира два человѣка вышибали форштадтскаго пьяницу, Афоньку.

По улицѣ бѣжала золотистая пыль. У общественнаго крана откачивали пьянаго. По дорогѣ шла монашка сборщица. На крыльцѣ сосѣдняго дома сидѣла старуха и бросала голубямъ хлѣбныя крошки.

— Рррасшибу, — кричалъ Афонька зыбкимъ отъ пропоя голосомъ,—у меня сибирская кровь!.. Рrразъ...

Послышался звонъ разбитаго стекла, и вслѣдъ за нимъ свистокъ полицейскаго.

По домамъ обносили чудотворную икону, прибывшую изъ сосѣдняго женскаго монастыря. На зеленой улицѣ съ низкими сонными домиками и одичалыми садами раздавалось грустное монашеское пѣніе. За осіянной отъ золота иконой шли четыре женщины въ платкахъ. Впереди нахмуренный монахъ въ пыльной ризѣ, и монашка съ фонаремъ.

Въ этомъ бѣдномъ шествіи не было прежняго величія, и рѣдко кто снималъ шапку передъ монастырской святыней.

Все это было свое, близкое до слезъ, пахнувшее прошлымъ, но бѣднѣе красками, безъ улыбки и безъ румянца.

Мимо Григорія Семеновича проходили сосѣди по

форштадту, но почтительно кланялись ему лишь старики, помнившіе его богатымъ, тароватымъ купцомъ, и что у него когда-то преосвященный владыка изволилъ кушать чай. Попрежнему, какъ и встарь, онъ сурово кивалъ имъ головой, выпятивъ нижнюю губу для солидности.

Сегодня почему-то особенно хотѣлось съ кѣмъ-нибудь поговорить, посѣтовать на жизнь и вспомнить давно прошедшее время съ горластыми протодьяконами, многолюдными крестными ходами, лихой купеческой гульбой, строгими великими постами, большими русскими дорогами и вихреподобными тройками.

— Ну, къ кому пойти, — раздумывалъ онъ, наморщивъ высокій тяжелый лобъ и разглаживая сѣдую купеческую бороду — всѣ пріятели мои давно упокоились. Ежели есть какіе-либо старики на форштадтѣ, такъ они званія слишкомъ низкаго, и ему, бывшему купцу первой гильдіи и церковному старостѣ, зазорно ходить первому...

Съ рѣки подуло стальной свѣжестью. Григорій Семеновичъ перекрестился на куполъ монастырскаго подворья и вернулся домой, къ своему креслу и своимъ нахмуреннымъ думамъ...

Сидя въ темнотѣ, озаренной алыми лампадами, онъ подумалъ, какъ хорошо бы имѣть сейчасъ понятливаго, слушающаго человѣка.

Григорій Семеновичъ по дѣтски всхлипнулъ.

— Нѣтъ ни одного человѣка... Даже Леночка... Плоть отъ плоти моей и кровь отъ крови моей, не можетъ понять меня.

Заплаканными глазами онъ сталъ смотрѣть на

портретъ покойной жены, вспоминая прожитую съ ней жизнь, на литографію Александра третьяго въ царской коронѣ, и на увеличенную фотографію епископа Никандра въ клобукѣ и при орденахъ.

Неожиданно для самого себя, онъ заговорилъ съ ними вслухъ:

— Вотъ, видите, дорогая супружница моя, Настасья Даниловна, Ваше Императорское Величество, и Ваше Преосвященство, какая теперь жизнь наступила постылая... Міръ гибнетъ, владыка святый!

Отъ мертвыхъ, суровыхъ ликовъ царя и епископа онъ перевелъ глаза на портретъ жены и тихо, съ теплой скорбью, отъ которой было ласково, сказалъ взволнованнымъ шопотомъ:

— Голубка моя... Пойми ты меня... Трудно мнѣ стало по землѣ ходить... Поклонись, матушка, Царю Небесному въ ноженьки, чтобы взялъ Онъ меня на свои рученьки и къ прадѣдамъ и дѣдамъ причтилъ бы... А Леночка-то наша, дѣвонька-березынька, отъ рукъ отбилась и отъ Бога отрекается!..

За окнами плылъ звенящій, іюльскій вечеръ. Григорій Семеновичъ прислушался къ нему и подумалъ:

— Такой-же синій вечеръ былъ въ его дѣтствѣ, когда онъ босоногимъ мальчуганомъ Гришуткой торговалъ въ разносъ яблоками, и въ его юности, когда онъ признался въ любви Настенькѣ, и теперь въ его снѣжной старости такимъ-же онъ будетъ до послѣдняго дыханія земли...

Вечеръ остался неизмѣннымъ, какъ и прежде, и радовало это Григорія Семеновича горькой радостью.

АРХІЕРЕЙ.

Епископъ Палладій стоитъ у окна и смотритъ на опустѣлый монастырскій дворъ. Опускаются лѣтнія, задумно-тихія сумерки. Благостно, лиловато, недвижно. Столѣтнія липы солнце уходящее ловятъ. Золотымъ жаромъ пламенѣетъ крестъ на монастырскомъ соборѣ.

Святыя врата ограды распахнуты настежь... Вратаря нѣтъ, и закрыть ихъ некому. Давно уже ушла изъ монастыря вся братія. Кто въ міръ, а кто и мученическую смерть пріялъ...

Подъ окнами келій, вмѣсто цвѣтовъ, дикій бурьянъ да репейникъ.

Епископу вспоминается горькій плачъ Іереміи на стогнахъ разрушеннаго Іерусалима:

— Пути Сіона сѣтуютъ, ибо нѣтъ идущихъ на праздникъ; всѣ врата его опустѣли; священники его вздыхаютъ...

Подъ синимъ осѣненіемъ липъ, по затравѣвшей тропинкѣ бредетъ старый келейникъ Илларій. Тяжело шуршитъ истоптанными сапогами. Тихіе, неслышныя глаза опущены долу. Вѣтеръ дышитъ на его сѣдую бороду.

За Илларіемъ входитъ въ монастырь мірская молодежь, парни и дѣвки. Гомонливой толпой садятся у часовни, на святомъ камнѣ, гдѣ нѣкогда явлена была чудотворная икона Пречистыя Богомати. Гармонь принесли съ собой. Хриплые лады ея колыхнули монастырскую тишину. Въ открытое окно донеслись слова частушки:

«Короткимъ росчеркомъ пера
Приказъ мы учредили
И чудотворцевъ со двора
Убраться попросили»...

Архіерей отходитъ отъ окна и, придерживая рукой сердце, сутулясь, ходитъ по молчаливымъ покоямъ и думаетъ словами ветхозавѣтнаго пророка:

— «Отвергъ Господь жертвенникъ Свой, отвратилъ сердце Свое отъ святилища Своего, предалъ въ руки враговъ стѣны чертоговъ Его; и въ домѣ Господнемъ они шумѣли»...

Съ первыхъ дней революціи всѣ отошли отъ Палладія и только Илларій, семидесятилѣтній келейникъ, остался.

Вмѣстѣ коротали скудную монашескую жизнь. Щей въ котелкѣ сварятъ — потрапезуютъ. Утромъ и вечеромъ въ домовой церкви служили. Илларій кадило раздувалъ и на клиросѣ пѣлъ древнимъ печалующимся напѣвомъ. Сквозь стрѣльчатыя окна церковки плыли солнечные прибои, и велелѣпной казалось въ ихъ пестрой игрѣ поношенная риза епископа.

Передъ сномъ топили печь. Садились около огня и тихо, по стариковски разговаривали.

— Ну что, Илларій, какъ живутъ въ міру-то? — спросилъ сегодня владыка.

— Мятется міръ, владыко святый... Волнуется море житейское, воздвизаемое зря. Нашему брату помирать теперь впору. Седни зашелъ я къ обѣднѣ къ Глѣбу, а отецъ-то Никодимъ, гляжу, въ красной ризѣ служитъ. Проповѣдь сказалъ, касаемо живой церкви. Народъ стоитъ, а безъ разумѣнія: что еще за живая церковь? Стояла со мной рядышкомъ старушка и горестно шептала: «Упокой меня, Господи, возьми отъ жизни и къ обителямъ Твоимъ святымъ причти мя»...

— А былъ, когда-то, отецъ Никодимъ совсѣмъ другимъ, — раздумчиво шепчетъ Палладій — въ царскіе дни, бывало, у него въ окнахъ свѣтовые вензеля царственныхъ особъ. Все, Илларій, мѣняется, проходитъ, одна земля стоитъ во вѣки...

— А помните, владыка, протодьякона Іорданова?

— Помню, Илларій, какъ не помнить. Такой мощной октавы и въ Москвѣ не было!

— Такъ онъ теперь въ совнархозъ опредѣлился. Недавно санъ дьяконскій снялъ и на татаркѣ женился. Въ театрѣ, сказываютъ, аріи богохульныя поетъ!

Илларій помѣшалъ пунцовые угли въ печи и опять спросилъ:

— Про отца Григорія Никольскаго ничего не слышали?

— Такъ неужели, Илларій, и онъ перемѣнился? А какая свѣтозарная душа была у него!

— Отецъ Григорій мученическую смерть при-

нялъ... Пришли къ нему во время литургіи, раскрыли ему ротъ, выстрѣлили въ него и сказали: «мы тебя причащаемъ»...

Палладій перекрестился и заплакалъ.

Дозвенѣли въ печкѣ угольки. Тишина и тѣни вошли въ покои. Лунный свѣтъ голубымъ дымомъ упалъ въ окна.

— Обезумѣлъ, владыка, міръ! — колыхнулся въ темнотѣ шопотъ Илларія. — Парни-то въ святую часовню за нуждой ходятъ. Пытался усовѣстить ихъ, да гдѣ ужъ тутъ, смѣются только... А недавно, молодежь упражнялась на кладбищѣ въ стрѣльбѣ, и мишенью были кресты, и въ какомъ-то клубѣ икона Божіей Матери превращена въ шахматную доску!..

По ночамъ плохо спалъ архіерей. Въ блѣдномъ заревѣ свѣчи читалъ до разсвѣта творенія Іоанна Златоуста и цѣпко прислушивался къ шуму старыхъ монастырскихъ липъ...

Въ одинъ изъ вечеровъ, во время чая, у подъѣзда кто-то позвонилъ.

Илларій вздрогнулъ и заметался.

— Звонятъ, владыка... Не смерть-ли за нами?

— Пуганный ты старичокъ, Илларій. Пойди и открой!

Въ покои вошелъ высокій, упитанный человѣкъ, коротко остриженный, въ мѣшковато сидящемъ смокингѣ.

Палладій взглянулъ на посѣтителя. Передъ нимъ стоялъ отецъ Павелъ Скорбященскій, нѣкогда ярый защитникъ самодержавія, строгій церковный устав-

щикъ, знатокъ каноническаго права, громившій когда-то духовенство за либеральный образъ мыслей, за подстриженные волосы, щегольскія рясы и даже бѣлые воротнички... Онъ былъ сотрудникомъ крупныхъ консервативныхъ газетъ и удостаивался похвалъ за свою вѣрность престолу и церкви.

— Чѣмъ могу служить? — спросилъ его епископъ.

— Я къ вамъ по важному дѣлу, владыка... Церковь мою постигло нѣкое попущеніе! На дняхъ, волею законныхъ властей, у меня было произведено изъятіе священныхъ сосудовъ на нужды нашей многострадальной родины. Что-жъ, я съ радостью. Деньги Россіи нужны, а у насъ въ церквахъ да монастыряхъ драгоцѣнности понапрасну гуляютъ...

— Гуляютъ, говорите? — съ горькой улыбкой спросилъ владыка, — что же дальше, отецъ Павелъ?

— А дальше, владыка, вотъ что: сосуды-то у меня взяли, а другихъ не дали. Вотъ я и пришелъ къ вашей милости. Не дадите-ли вы мнѣ сосуды изъ вашей домовой церкви. Вы, властію вамъ данной, можете и безъ нихъ обойтись!

— Какимъ это образомъ? Я часто служу литургію.

— Пустое дѣло, владыка. Правила апостольскія и каноническія теперь устарѣли, и необходимо считаться съ временемъ!

— Я васъ не понимаю, отецъ Павелъ! Что вы этимъ хотите сказать?

— Слушайте. Вы епископъ? Да. Обладаете благодатью Святого Духа? Обладаете. Такъ что-же вамъ стоитъ сей стаканъ превратить въ чашу Господ-

ню, а сіе блюдечко въ дискосъ? Очень просто! А главное, этой перемѣны никто у васъ не увидитъ. А у меня, владыка, народъ... со стаканомъ-то мнѣ выходить на амвонъ зѣло непристойно!

Палладій нервно сжалъ пальцами панагію.

— Шутникъ вы, отецъ Павелъ! Раньше, помнится, такимъ не были!

— Нисколько не шучу. Въ древности, владыка, сосуды не токмо стеклянные, а даже деревянные были, да за то попы были золотые... А теперь сосуды-то золотые а...

Епископъ всталъ съ кресла. Онъ не далъ договорить отцу Павлу и рѣзко перебилъ его:

— Дать священные сосуды вамъ, пренебрегающимъ апостольскими и каноническими правилами, я не могу! Вы недостойны быть совершителемъ Святыхъ Христовыхъ Тайнъ!

Скорбященскій долго говорилъ въ прихожей о старомодности епископа. Келейникъ беззвучно смотрѣлъ въ окно, на тусклый куполъ монастырскаго собора.

Медленно, какъ ледяной «шорохъ» передъ застываніемъ рѣки, шло время.

Послѣ визита отца Павла Скорбященскаго епископъ испытывалъ приступы тоски. Было мучительно отъ созерцанія, какъ на его глазахъ рушился старый тысячелѣтній міръ...

Чтобы утолить свое безпокойство, онъ заставлялъ Илларія подолгу читать ему псалтырь. Епископъ сидѣлъ въ креслѣ и слушалъ, какъ колебалась его душа

на волнистыхъ переливахъ древняго языка, и какъ жизнь съ ея огорченіями облекалась въ голубыя небесныя ризы.

Каждый день Илларій докладывалъ владыкѣ, то о разстрѣлѣ того или иного пастыря, то о кощунствахъ надъ святынями, то о разрушеніи церквей и монастырей...

Епископъ молча слушалъ его и все время прикладывалъ руку къ сердцу. По ночамъ охваченный неясной тревогой, поднимался съ постели, подходилъ къ темному окну и крестилъ частыми крестами заснувшую русскую землю, и всегда она представлялась почему-то въ видѣ Геѳсиманскаго сада, изъ котораго въ страхѣ бѣгутъ ученики Христовы.

Въ одинъ изъ снѣжныхъ декабрьскихъ дней владыка рѣшилъ объѣхать ближайшіе приходы, чтобы посмотрѣть, какъ живетъ его паства, не ушла-ли она отъ Христа, не погасли-ли въ это вѣтровое время свѣтильники пастырей...

На разсвѣтѣ епископъ Палладій съ келейникомъ Илларіемъ на простыхъ крестьянскихъ саняхъ выѣхалъ изъ монастыря, одѣтый въ баранью шубу, теплую шапку съ наушниками и валенки.

Ѣхали сугробными, голубыми полями. Свѣжій вѣтеръ, пахнущій родниковой прохладой, неоглядность поля, похожаго на степь, звѣздная розсыпь снѣжинокъ, бѣлыя березы у края дороги и самъ онъ, одѣтый по крестьянски, такъ не похожій на блистательнаго епископа, вселяли въ душу радость, похожую на румяное бодрое яблоко.

Въ одномъ мѣстѣ сани увязли въ глубокихъ сугро-

бахъ и владыка съ келейникомъ помогали лошади выбраться на твердую дорогу.

Пріѣхали въ село Отрадово. Надъ церковными дверьми висѣла вывѣска — «Народный домъ товарища Ленина». Въ оградѣ лежалъ разбитый колоколъ...

Съ настоятелемъ прихода отцомъ Андреемъ отслужили молебенъ въ амбарѣ, превращенномъ въ церковь. За недостаткомъ мѣста, богомольцы стояли подъ открытымъ небомъ и всѣ навзрыдъ плакали...

Въ селѣ Преображенскомъ пьяные парни сожгли церковь, а поэтому краткій молебенъ служили на развалинахъ, и почти всѣ стояли на снѣгу, на колѣняхъ и громко выкрикивали слова молитвъ:

— Господи, спаси! Господи, помилуй!

Во время служенія, въ лѣсу раздалось нѣсколько ружейныхъ залповъ.

Пронесся испуганный шопотъ:

— Разстрѣливаютъ...

Въ сосѣднее съ Преображенскимъ село Лыково владыка не поѣхалъ. На-дняхъ убили тамъ священника, а церковь превратили въ кооперативъ.

По дорогѣ къ селу Званову, среди поля повстрѣчали старика въ рясѣ и съ котомкою за плечами.

Владыка остановилъ лошадь и подозвалъ къ себѣ путника, оказавшагося священникомъ Василіемъ Нильскимъ.

— Откуда и куда, батюшка?—спросилъ Палладій, благословляя отца Василія.

— Скитаюсь, владыка. Изъ села Орѣхова меня выгнали. Церковь мою запечатали. Хожу я изъ де-

ревни въ деревню съ Христомъ попутчикомъ, да съ алтаремъ Его за спиной...

— Какъ такъ съ алтаремъ?

— Въ котомкѣ у меня антиминсъ, чаша деревянная, эпитрахиль да служебныя книги. Приду въ какую-нибудь деревню, разложу въ избѣ, или въ лѣтнее время въ лѣсу, свой антиминсъ и начну совершать святыя Христовы Тайны.

Владыка не могъ сдержать слезъ, слушая священника-странника... Когда распрощались, то владыка долго смотрѣлъ ему вслѣдъ и мысленно благословлялъ страннические пути его...

Много тяжелыхъ впечатлѣній вынесъ владыка изъ своихъ скитаній по приходамъ. Много слезъ, горя и ужасовъ впитала душа его... И замутился-бы разумъ его отъ отчаянія, если-бы мысль епископа не останавливалась бы въ раздумьѣ надъ огоньками свѣчей въ темныхъ амбарахъ и сараяхъ, превращенныхъ въ церковь, на богомольцахъ, стоящихъ на снѣгу, на колѣняхъ, и въ особенности на томъ священникѣ съ алтаремъ за плечами, шагавшемъ по крестьянскимъ дорогамъ... съ деревянной чашей Христовой...

Послѣ поѣздки по приходамъ владыка простудился и слегъ въ постель. Былъ сильный жаръ. Владыка бредилъ. Илларій смачивалъ ему голову холодной водой, гладилъ горячія его руки и часто крестился въ углу у темныхъ иконъ.

Съ каждымъ днемъ владыкѣ становилось все хуже и хуже.

Однажды онъ позвалъ въ бреду келейника и крѣпко обнялъ его.

— Вотъ бы, Илларій,—говорилъ онъ черезъ силу, — обойти-бы всю землю русскую въ убогомъ нарядѣ странника, съ посохомъ въ рукѣ и сказать всѣмъ чающимъ Христова утѣшенія одно завѣтное слово... Жжетъ оно меня, а сказать не могу...

— Тихій монастырекъ въ березовомъ лѣсу... Слышишь, Илларій, монашеское пѣніе? Это березы поютъ... Іордановъ, ты опять выпившій? Что? Не можешь? Больше, говоришь, велелѣпности, когда выпьешь? Ахъ, неуспокоенный ты человѣкъ!.. А парни-то въ часовню за нуждою ходятъ... Ты, говоритъ, стаканъ въ чашу Господню преврати... А березы-то поютъ и зовутъ... зовутъ... Вотъ бы рясу черную... Простую... посохъ... Алтарь на плечи... И пойти, пойти по утренней росѣ... По лѣсной дорогѣ... Умыться родниковой водой, цвѣты послушать и опять пойти... подвигъ воспріять! А по дорогѣ идетъ отецъ Василій съ деревянной чашей, и вокругъ него ночь, и падаетъ снѣгъ..., а онъ идетъ... идетъ...

Епископъ Палладій умеръ рано утромъ. Въ это время ударили къ заутренѣ въ зарѣчной церкви и надъ снѣжной землей, въ голубомъ морозномъ дымѣ, поднималось солнце.

СТРАННИКИ.

За лѣсомъ вспыхивали молніи.

Предгрозовая тьма скрыла солнце, и тяжело побѣжала по знойной землѣ. Низко опускались тучи, бросая дымныя тѣни на полевые просторы. Шла гроза. Пылила большая дорога. Отъ вѣтра сгибались ветлы.

Шли по дорогѣ, опираясь на березовые батожки, слѣпой дѣдъ и поводырь отрокъ. У обоихъ за плечами латанныя пестрядинныя сумы. На ногахъ лапти-шептуны. На груди у дѣда мѣдный осьмиконечный крестъ.

Дѣдъ усталъ. Дышитъ черезъ силу. Слезятся отъ пыли бѣлые незрячіе глаза. Гроза все ближе да ближе, а скрыться негдѣ... Поле, небо, да ветлы придорожныя. Поводырь лѣниво ведетъ дѣда за руку, съ испугомъ смотритъ въ темно-багряное небо и помыкаетъ дѣда.

— Скорѣе, дѣдушка! До грозы надоть добраться до часовенки Разстани!

— Радъ бы скорѣе, внучекъ, да не идутъ мои ноженьки. Усталъ я. Грудь болитъ. Нѣтъ дыханія мнѣ.

Къ землѣ тянетъ. Не смертушка-ли мнѣ странному, бездорожному?

— Съ устатку это, дѣдушка! Скоро дойдемъ...

— Веди, веди, коли скоро... Микола угодникъ! Путниковъ покровитель, возьми тяжесть мою страническую!

На большую дорогу, въ мягкую горячую пыль падаетъ тяжелый дождь.

Странники перешли ручеекъ по хлибкому деревянному мостику, обогнули зеленый взлобокъ и дошли до часовни. Стоитъ она у большой дороги. Ветхая, шаткая, солнцемъ обожженная. Дверь ея на одной петлѣ держится. Главка съ крестомъ на бокъ склонилась. Оконце заколочено сизой отъ древности доской.

— Часовенка-то совсѣмъ рухаетъ, дѣдушка!

— Устарѣла пріютная... Не будетъ скоро келейки для странниковъ... — лепечетъ дѣдъ и безслезно плачетъ.

— Пойдемъ, дѣдушка, въ часовенку. Ишь, гроза-то какая всполошная!

Дѣдъ не трогается съ мѣста. Опирается руками на батогъ, качаетъ головой и всхлипно говоритъ:

— Когда я махонькимъ былъ, внучекъ, я съ бабкой часто ходилъ къ этой часовенкѣ. Образъ тутъ Спаса, чудотворный, и мы свѣтами его наряжали. Родникъ былъ здѣсь цѣлебный, бойкій такой и звонкій... Вода студеная студеная и чистая какъ слеза. Между каменьями иконка вдѣлана, и рядомъ берестяной ковшичекъ... Дубы здѣсь росли. Большіе. Вѣковые. Ляжешь подъ ихъ храмину, а они шумятъ, шумятъ и укачиваютъ тебя, — какъ въ зыбкѣ!..

Голосъ дѣда дрожитъ и колышется. На лысую голову падаютъ дождевыя капли и струятся крупными слезами по желтому и морщинистому лицу его.

— Да... были вѣковые дубы, а теперь ихъ нѣтъ... дубовъ-отъ. Родника цѣлебнаго нѣтъ. Скоро и часовенки, Боговой келіи, не будетъ.

Онъ ощупью подходитъ къ часовенкѣ, и дрожащими руками касается черныхъ ея стѣнъ, и приникаетъ къ нимъ заплаканнымъ лицомъ.

Упалъ дождь, и зеленая земля густо зазвучала кустарниками, ветлами и травами. Синія молніи перекрестили небо. Тяжелой падающей мѣдью загрохоталъ громъ.

Дѣдъ и поводырь схоронились въ темной часовнѣ, пахнущей засохшими цвѣтами, кипарисомъ и пылью. Сѣли на полу у кіоты Спаса. Прижались другъ къ другу.

— Боязно, дѣдушка! Ишь, какъ молонья освѣчаетъ!..

— Не бойся, дитятко, здѣсь Богова тишина. Спасъ благоувѣтливый насъ голубитъ. Тише, внучекъ, тише. Господь на землю гнѣвается. Святъ, святъ, святый Боже... Озари стадо Твое зарею благодати Твоего заступленія, жизни сподоби немерцающей. Лицо земли осіяй свѣтомъ невечернимъ...

— Молчи, дѣда, страшно мнѣ!

— Не бойся, здѣсь Богова тишина...

Дѣдъ молчитъ, гладитъ рукой голову внука и къ чему-то прислушивается, затаивъ дыханіе.

— Ась?

— Тише, дѣдушка! Никто тебя не кличетъ!

— Какъ будто-бы кто кликнулъ меня?.. такъ явственно кликнули: Са-а-вва-тій!..

Дѣдъ осѣняетъ себя частыми крестами, нагибается къ испуганному внуку и шепчетъ:

— Это смерть меня кличетъ... Пожилъ я и хватитъ. Тебѣ, ясному, вольготнѣй будетъ... Не пужайся... Груско мнѣ на землѣ... Дубовъ старыхъ нѣтъ, родника нѣтъ, рухаетъ часовенка, насъ, старыхъ, — не слушаютъ. Непріютно мнѣ на землѣ! Надо на покой... къ своимъ... Не плачь, дитятко, не плачь, безпріютный, терпѣливый мой... Чу! — насторожился дѣдъ — опять кликнули... Явственно. Зовутъ!

— Полежи, дѣдушка. Вотъ такъ... Весь ты, какъ въ огнѣ горишь... Не хрипи такъ, боязно мнѣ!

Дѣдъ прилегъ къ иконѣ и забредилъ.

— Идешь, стара... Иди, иди. Истосковался я по тебѣ. Солнышко! Птички — зорюнки поютъ! А рожь-то какая высокая... чижолая... и свѣточки синенькіе, синенькіе... Дубы зашумѣли. Вода, родниковая, цѣлебная по камушкамъ побѣжала... А часовенка-то новенькая, и сблёскиваетъ риза Спасова...

Онъ приподнялся, обвелъ глазами темные запаутиненные углы часовни и закричалъ:

— Господи! Прозрѣлъ я!

Внукъ въ испугѣ отпрянулъ отъ него, всталъ къ стѣнѣ и забился въ припадочномъ рыданіи.

Дѣдъ прилегъ къ иконѣ. Голова его свѣсилась на бокъ.

— Чу! Пѣсня! Старая, старая, дѣдами напѣтая... — тихо зашевелились слова. Помолчалъ, и опять тревожный горячій бредъ:

— Внучекъ! Позови стариковъ! Куда это они бѣгутъ и не оглядываются? А... это они отъ грозы бѣгутъ... Будетъ гроза большая, пребольшая!.. Скорѣе бѣгите! Господи! Что это на землѣ Твоей дѣется? Ты взгляни только, — келейку Твою рубятъ! Покарай кощунниковъ, покарай!.. Гляди, Милосердіе Твое изъ часовни выносятъ!.. Не замайте! Задержите!..

Крикнулъ дѣдъ въ послѣдній разъ, бережно одернулъ на себѣ одежду, вытянулся съ сухимъ костянымъ трескомъ и смолкъ.

Поводырь спрятался за темный кіотъ и боялся взглянуть на мертваго дѣда. Стоялъ онъ съ зажмуренными глазами и вздрагивалъ.

Вспыхивали молніи, и гремѣлъ громъ, сотрясая испуганную придорожную часовню.

ДРЕВНЯЯ КНИГА.

Когда живы были старики, то Библія лежала подъ иконами, на полкѣ, покрытая парчевымъ покровомъ. Сейчасъ она служитъ для хозяйственныхъ надобностей большой семьи бухгалтера Ивана Платоновича Рукавишникова и лежитъ гдѣ попало. Библіей пользовались какъ прессомъ, подпирали ею окно во время сильныхъ вѣтровъ и давали перелистывать малымъ ребятамъ. На ея страницахъ дѣти рисовали домики и кораблики, садились на нее и становились.

Заглавные листы древней книги были исписаны житійными помѣтками, отъ дѣдовыхъ лѣтъ и до нашего времени.

Въ ноябрѣ 1752 года, узорной славянской вязью, тихо и свято было написано:

«Сія боговдохновенная книга, истина и путь вверженному въ пучину отчаянія! Сыне мой, возлюби мудрость вѣковъ древнихъ и насладися ею яко жаждущій воды живой. Вкушая сладость ея, долголѣтенъ и безпечаленъ будеши на землѣ. Блюди книгу сію яко камень драгій, яко око свое. Да будетъ она тебѣ и потомству твоему въ даръ и благословеніе».

Въ 1812 году чья-то рука записала скорбныя слова: «Помяни, Господи, во Царствіи Твоемъ, убіенныхъ на полѣ брани рабовъ Твоихъ Петра, Герасима, Платона, — возлюбленныхъ сыновъ моихъ».

«Въ лѣто 1845-е, генваря 12 дня волею Божіей преставился еси родитель нашъ Аркадій Петровичъ Рукавишниковъ. Житія его было 82 года, четыре мѣсяцы и три дня. Предъ кончиной сказано было имъ въ бреду: въ мірѣ скорбни будете: Огнь и кровь... престоловъ колебаніе, и алтарей оскверненіе»...

«Апрѣля 20 сего числа бысть великій громъ. Въ книгѣ, именуемой «Звѣздочетъ царя Ираклія», сказано: «Аще-ли возгремитъ громъ въ юнцѣ, пшеницѣ пагуба по мѣстамъ являетъ, и въ западныхъ странахъ недузи, въ царскихъ дворахъ радость велія».

«Въ канунъ Благовѣщенія 1862 года читалъ пророчества Даніила о судьбахъ міра. Спаси, Господи, и помилуй землю Твою, грѣхьми и беззаконіями затемненную»...

«Сколь велика и премудра книга сія! Мое горе безутѣшнымъ было, а теперь утѣшенъ есть».

Блеклыя, рыжеватыя отъ древности письмена, ласково положенныя дѣдами, смѣняются другими: «Сахарная синяя бумага помогаетъ отъ кашля, — сверни и кури. Чтобы зыбашное дитя не полошилось, доложь вѣникъ подъ зыбку. «Чага» — зеленые наросты на березѣ — помогаетъ отъ головной боли. Подберезнишна трава отъ горла».

«6 апрѣля 1899 года Петръ Семенычъ сдѣлалъ предложеніе Глашенькѣ. 10 сего апрѣля портнихѣ Марьѣ Демидовой данъ цѣлковый съ четвертакомъ».

«2 іюня 1902 года дано въ стирку: двѣ рубашки, три простыни, три наволочки, пять паръ чулокъ и шесть носовыхъ платковъ».

Скучающая рука жирно вывела печатными буквами: «Кто возьметъ сію книгу безъ спроса, тотъ останется безъ носа».

Мелко-мелко, придушенными буковками накрапано на титульномъ листѣ: «не забыть написать инспектору народныхъ училищъ о беззаконномъ сожительствѣ съ особой женскаго пола учителя Трофимова».

На первой страницѣ книги Бытія, летающимъ почеркомъ, задорно и молодо начертано: «Моисей великій обманщикъ и фокусникъ».

Въ концѣ Библіи продолженіе записей на переплетѣ:

«Прадѣдъ дѣдъ, и вообще милые родственнички набитые дураки! Нѣкоторые, которые умные, въ такіе основательные переплеты золотые червонцы зашивали, а здѣсь ничего, — зря лишь ножикъ сломалъ!»

«16 сентября 1918 г. я удостовѣрился на личномъ фактѣ, что ни хрѣна божественнаго нѣтъ. Вырываю страницу изъ этой называемой Библіи и иду туда, куда царь пѣшкомъ ходилъ».

Въ уголкѣ испуганными старческими строками приписано исполнившееся пророчество Аркадія Петровича Рукавишникова въ 1845 году: «огнь и кровь... престоловъ колебаніе и алтарей оскверненіе».

Черезъ весь листъ послѣдней страницы Апокалипсиса бойко прошлась надпись краснымъ карандашемъ:

«12 іюля 1933 года наша футбольная команда попала въ классъ «А». Ура!»

ИКОНА.

Все было сѣдое: колокольня, иконы, ризы и батюшка съ дьякономъ. Недавно сталъ сѣдѣть и псаломщикъ. Церковь стояла на окраинѣ большого портоваго города. Изъ-за густыхъ деревьевъ, осѣнившихъ церковный дворъ, города не слышно было и не видно. На дворѣ росла густая некошенная трава, — здѣсь она казалась тише и святѣе чѣмъ въ городскихъ садахъ. Церковь и тихіе служители ея обладали даромъ вносить въ жизнь загороднаго прихода душевное упокоеніе и неизъяснимый уютъ. Про настоятеля церкви отца Захарія — высокаго и свѣтлоликаго — говорили, что онъ святой жизни человѣкъ и молитва его доходна до Бога. Дьяконъ Іеронимъ — коренастый, пышноволосый, окающій по новгородски — тайную милостыню творилъ. Псаломщикъ Власъ Никаноровичъ, — худощавый, съ бакенбардами и усами какъ у Александра второго, — любилъ выпить, но никто не осуждалъ его за слабость, такъ какъ былъ душевнымъ человѣкомъ, и хорошо читалъ шестопсалміе. Всѣ они были вдовыми. Жили тихо, — какъ трава растетъ. Газетъ не читали и къ мірской жизни

не прислушивались. Были простыми, созерцательными и по святому восторженными.

Такъ бы и прожили они въ спокойныхъ своихъ горенкахъ, если бы ни одно прискорбное обстоятельство, отъ котораго батюшка съ дьякономъ ушли въ молчаніе, а псаломщикъ запилъ «мертвую».

Дѣло было такъ. Говоритъ какъ-то отецъ Захарій дьякону:

— Отче Іерониме! Ты ничего не знаешь?

— Въ чемъ дѣло, отецъ протоіерей?

— Ожидаетъ насъ небывалое въ жизни прихода нашего пресвѣтлое торжество!

— Архіерейская служба?

— Не то, дьяконъ. Грядущее торжество сіе—иного чина. Черезъ мѣсяцъ старостѣ нашему Павлу Ефремычу исполняется десятилѣтіе служенія его приходу!

Дьяконъ вытаращилъ глаза, и неизвѣстно отчего перекрестился.

— Ска-а-жите на милость, — прогудѣлъ онъ — выражаясь гражданскимъ штилемъ, юбилей значитъ? Выходитъ, по правилу, ознаменовать надо сіе событіе!

— Истина во устѣхъ твоихъ, отче дьяконе! Обязательно ознаменовать! Но какъ?

— Просить владыку-митрополита представить Павла Ефремыча къ ордену, — предложилъ дьяконъ — молебенъ отслужить, слово сказать приличествующее сему случаю, большую проскомидную просфору преподнести, и многолѣтіе закатить по малинински!

— Вѣрно слово твое, но не маловато ли это? Все же, десятилѣтіе! Надо бы еще такое, отчего на всю жизнь взыграла бы душа Павла Ефремыча!

— Ну, а что же еще?

— Знаешь, отче дьяконе? — просіялъ батюшка отъ какой-то мысли — поднесемъ ему икону святаго и всехвальнаго апостола Павла. Даръ этотъ будетъ душевный, и на всю жизнь памятный. Орденъ-то онъ спрячетъ и забудетъ, а икона-то висѣть будетъ на почетномъ мѣстѣ... Лампадка передъ ней... Взглянетъ Павелъ Ефремычъ на Божій огонекъ и скажетъ: «ай да молодцы причтъ и прихожане Покровской церкви! Ишь, какимъ благимъ даромъ ублажили меня, грѣшнаго!» Нѣтъ лучше иконы, дьяконъ!

На этомъ и порѣшили.

На другой день, съ утра пораньше, пошли они по приходу съ подписнымъ листомъ: «Пожертвуйте, православные, отъ щедротъ своихъ на поднесеніе иконы старостѣ нашему».

Несказанно были удивлены они, когда въ первомъ же антикварномъ магазинѣ нашли икону апостола Павла, письма тонкаго и величаваго. Какъ живой стоялъ передъ нимъ исповѣдникъ Христовъ, окаймленный рѣзнымъ орѣховымъ кіотомъ, — работы тоже тонкой и вдохновенной.

Выходя изъ магазина, дьяконъ восхищался:

— Вотъ это даръ, всѣмъ дарамъ будетъ даръ!

Псаломщикъ, увидѣвъ икону, всплеснулъ руками и замеръ.

— Воистину, Самъ Господь водилъ рукой иконописца! — сказалъ онъ.

Наступилъ день чествованія старосты. Послѣ многолѣтія, волнуясь и запинаясь, обратился батюшка къ старостѣ съ привѣтственнымъ словомъ.

Зарумянившись отъ смущенія и тайной гордости («вотъ-де, какой дивный даръ»), поднесли старостѣ икону. Тотъ небрежно принялъ, и сразу-же передалъ ее церковному сторожу: отнеси ко мнѣ на квартиру!

Вечеромъ, дьяконъ и псаломщикъ пили чай у отца Захарія.

— Ну, слава Тебѣ, Господи,—говорилъ батюшка, попивая чай съ блюдечка — торжество у насъ было незабываемое!

— А вы обратили вниманіе, отецъ протоіерей, — спросилъ дьяконъ — какъ тронутъ былъ Павелъ Ефремычъ? Онъ до того переконфузился, что даже икону не поцѣловалъ, и прихожанъ не поблагодарилъ... Вотъ, какъ мы его проняли!

— Хорошій даръ сдѣлали, Божескій! — кивалъ головой псаломщикъ — рѣдчайшее художественное твореніе!

Во время чаепитія, пришелъ къ батюшкѣ посланецъ отъ Павла Ефремыча, съ большимъ пакетомъ въ рукахъ.

— Не подарокъ ли намъ въ благодарность? — шепнулъ дьяконъ псаломщику.

Посланецъ подалъ батюшкѣ письмо.

Батюшка улыбнулся.

— Навѣрное благодарственное? — сказалъ онъ — ахъ, безстыдникъ Павелъ Ефремычъ! Ну, къ чему это? Развѣ важно сіе?

Отецъ Захарій пробѣжалъ глазами письмо и смутился. Лицо его стало краснымъ и потнымъ.

— Братія моя! — прошепталъ онъ — что же это

такое? Послушайте, о чемъ пишетъ-то Павелъ Ефремычъ!

«Премного благодаренъ за вашъ душевный даръ, который есть икона. Но въ виду того, что въ квартирѣ нашей модный стиль, который прозывается модернъ, краснаго дерева, мы, по размышленію съ супругой моей, не можемъ этую икону повѣсить въ комнатахъ, такъ какъ означенная икона къ мебели не подходитъ. Ибо она, мебель, краснаго дерева, а кіотъ иконы орѣховый, а поэтому жертвую пожертвованную Вами икону въ храмъ на предметъ возженія передъ нею неугасимой лампады за мое и супруги моей здравіе».

Старый причтовый домъ загрустилъ. Понялъ отецъ Захарій, что жизнь стала не та, и люди не тѣ, и все, что было хорошо въ прошломъ, не имѣетъ цѣны въ настоящемъ. Все чаще и чаще сталъ задумываться отецъ Захарій. Раньше, бывало, улыбался, а теперь нѣтъ. Вечернимъ часомъ сядутъ съ дьякономъ на ступеньку крыльца, и оба о чемъ-то думаютъ. Покачаетъ головой отецъ Захарій, и скажетъ:

— Да... да... стиль модернъ... Вотъ оно дѣло-то какое... Модернъ!..

ОСКУДѢНІЕ.

Лѣсное безмолвіе и снѣжный покой.

Съ матерыхъ сосенъ падаетъ снѣгъ. По синимъ сугробамъ ступаетъ вечеръ. Глубина лѣса гудитъ, какъ дальнее море. Между соснами желтый огонекъ лѣсной избушки. По неслышной заметенной дорогѣ трусить къ монастырю Преблагой Царицы старая костлявая лошадь. Правитъ ею горбатая, въ заплатанномъ тулупѣ и въ черномъ платкѣ монахиня Макарія.

Дорога до монастыря дальняя и, чтобы скоротать время, Макарія поетъ монастырскіе стихи и занимаетъ меня разговорами:

— Въ давнія это было времена, — говоритъ она съ придыханіемъ — при царѣ Алексіи Тишайшемъ... Кромѣ лѣса, озеръ да неба ничего не было на мѣстѣ нашего монастыря. И вотъ, приключилось дивное чудо!.. Пасетъ пастушокъ-отрокъ стадо и зритъ: на Святой горѣ, гдѣ теперь обитель наша воздвижена, стоитъ Нѣкая Жена, вся молніями осіянная и въ солнцѣ пріукрашенная... Стоитъ Свѣтоносная и благословляетъ Святую нашу гору... Вострепеталъ отрокъ. Людей кликнулъ. Поднялись на гору, и на томъ мѣ-

стѣ, гдѣ стояла молніями Осіянная, обрѣли образъ Преблагой Царицы. На мѣстѣ явленія Пречистыя Богомати монастырь построили красоты несказанной, и много скорбныхъ, больныхъ, Христова утѣшенія чающихъ стали притекать къ образу и получать отъ него неоскудныя и богатыя милости.

Макарія послушала шумъ сосенъ и вздохнула:

— А теперь оскудѣніе... Тускнѣютъ златыя главы собора и рушатся монастырскія стѣны... Недавно, во время полунощницы, упалъ съ колокольни самый дорогой, — подарокъ царскій — серебряный колоколъ... Не къ добру...

Лицо монахини принимаетъ робкое выраженіе, и она зашептала молитву Іисусову: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ грѣшныхъ».

Опять повернула ко мнѣ лицо свое:

— А одна изъ нашихъ вѣру потеряла. Сестра Марія. Слюбилась съ парнемъ и ушла изъ обители. Какъ пришла нужда, то много сестеръ промѣняло рясу черную на мірское одѣяніе и оставили обитель. А другая изъ нашихъ сестеръ, монахиня Олимпіада, въ затворъ ушла и обѣтъ молчальничества на себя наложила... Горе съ ней недавно приключилось!.. — пригорюнилась она. — Подвига ли великаго жаждала душа ея, или въ разумѣ помутилась Олимпіадушка, но только недавно выбѣжала она изъ келіи на морозъ, босая, и закричала:

— Пойдемте, сестры мои, въ Кремль, душу за Христа отдать! Вѣнцы мученическіе принять!..

Въ соснахъ засвистѣлъ вѣтеръ. Въ лѣсной чащобѣ трепыхала крыльями одинокая птица. Изъ лѣса

выѣхали въ поле. Кружились снѣжные вьюнки, и звенѣла поземка. Надвигалась вьюга. Чувствуя дыханіе ея, старый конь побѣжалъ бойчѣе.

У дороги, подъ крылатой сосной, деревянный осьмиконечный крестъ, обвитый вьюжнымъ дымомъ.

— Вотъ и Пригвожденная Богоматерь, — указываетъ Макарія на крестъ, — скоро и монастырь!

Спрашиваю монахиню:

— Почему крестъ называется Пригвожденной Богоматерью.

Макарія останавливаетъ лошадь и предлагаетъ подойти къ нему поближе. На крестѣ, подъ навѣсомъ, икона Суздальской Божьей Матери — заступницы ржаныхъ полей. Я вглядѣлся въ образъ. Чья-то кощунственная рука вбила въ глаза Богоматери гвозди!

Монахиня крестилась и строго шептала:

— Спаси и помилуй, его... помраченнаго, озлобленнаго, Тебя пригвоздившую!..

Придорожный крестъ, обвитый вьюгой, завечерѣвшее поле, старый поникшій конь и горбатая монахиня, творящая молитву за темную душу дорожнаго бродяги, навѣвали думы о Ней... Россіи монашеской, въ молитвѣ сгорающей, и Россіи разбойной, вбивающей гвозди въ глаза Пресвятой Дѣвы.

Долго ѣхали молча.

Поднялись на пригорокъ и увидѣли кресты Преблагой Царицы.

Застуженный конь обрадованно тряхнулъ гривой и бойко побѣжалъ къ монастырскимъ стѣнамъ.

— Рядомъ съ монастыремъ деревня, — говорила

монахиня — и народъ въ ней, особливо молодежь, ужасно озорной. Много отъ нихъ скорбей всякихъ. Лѣтомъ яблоки въ саду воруютъ, игуменьѣ стекла въ окнахъ выбиваютъ, въ церкви бражничаютъ... Есть у насъ святой источникъ... Вода въ немъ цѣлебная... Такъ не повѣрите ли... озорники-то въ святую воду... Господи! На церковныхъ стѣнахъ грязныя слова пишутъ, и камнями цѣлятся въ кресты собора. Страшно, родной, жить стало!

И вдругъ, бодрымъ, звенящимъ голосомъ она воскликнула, свѣтло улыбаясь:

— Недавно у насъ свершилось великое чудо! Въ старой часовнѣ обновился образъ Господа Вседержителя! Былъ совсѣмъ какъ уголь, а теперь озарился неизреченнымъ свѣтомъ!

Мы подъѣхали къ монастырю.

Поздно ночью я вышелъ на улицу.

Кружилась поземка, и бѣлый вьюжный дымъ проносился надъ монастырскими стѣнами. Въ окнахъ келій погасли огни, только кой-гдѣ лампадныя искорки.

До меня донеслась, вдругъ, колеблемая вьюгой, чья-то озябшая молитва къ Преблагой Царицѣ:

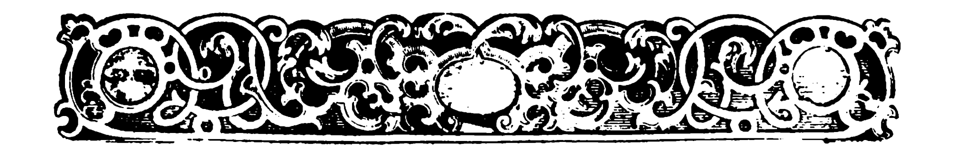
— Зриши мою бѣду... зриши мою скорбь...

Я подошелъ ближе.

У монастырскихъ вратъ стояла въ тулупѣ вратарница и по древнему обычаю охраняла опочившій монастырь.

А вокругъ тишина, вьюжный дымъ и невѣдомый зернистый шелестъ.

Не то шуршала стеклянная поземка, не то осыпались монастырскія стѣны.

ЛѢСНИКЪ ГОРДѢЙ.

Предвесеннимъ вѣтреннымъ днемъ въ чайную у большой дороги пришелъ лѣсникъ Гордѣй; безъ шапки, въ мокрыхъ валенкахъ и дырявомъ армякѣ. Сѣдые волосы взвихрены вѣтромъ. Всталъ у двери. Развелъ красными обвѣтренными руками и сказалъ темной чайной, словно въ бреду или въ опьянѣніи:

— Я говорю ему, тихо такъ, да душевно: почто, сыне мой, душу свою очернилъ?

— О чемъ ты, дѣдушка? — спросили изъ-за стола.

Лѣсникъ обвелъ испуганными глазами низкій прокопченый потолокъ, пухлаго хозяина Архипа, полки съ бѣлыми чайниками, людей въ синемъ табачномъ дыму и отвѣтилъ съ горькой улыбкой:

— О сынѣ. Ѳедорѣ Гордѣевичѣ...

— Съ города пріѣхалъ? Ну и слава Богу, тебѣ старому помога. А ты тосковалъ по немъ! — сказалъ кто-то.

— Пріѣхалъ... да... пріѣхалъ, но не тотъ. Сынъ мой Ѳедя умеръ! Умеръ ласковый монастырскій Ѳедя, а явился другой: душою черенъ, образомъ угрюмъ, табашникъ и сквернословъ!

Чайная не слушала Гордѣя, а онъ жаловался:

— Говорю я сегодня Ѳедору моему: пойдемъ, какъ встарь, въ Николину обитель на выносъ Плащаницы. Помнишь, какъ утѣшно поютъ тамъ монахи: «Пріидите ублажимъ Іосифа приснопамятнаго», а онъ мнѣ въ отвѣтъ: не желаю! Одинъ у монаховъ обманъ, я лучше на гармошкѣ сыграну... Ахъ, братцы, какъ онъ пронзилъ мое сердце этими словами! Не къ добру Ласка моя всю ночь выла, не къ добру!.. Какъ все это горестно, братцы! Ждалъ его. Тосковалъ. Сапоги сшилъ ему новые. Утѣхой, полагалъ, будетъ въ старости моей, а онъ... Плащаницу на гармонь, Евандель на цыгарки!..

Гордѣй вышелъ на середину чайной.

— Прискорбна душа моя, други! Научите, какъ сына моего образумить?

— Гордѣй-то, кажись, въ разумѣ замутился! — качнулись чьи-то слова.

— Замутишься! Жилъ себѣ какъ лѣсной схимникъ. Лампадочка да псалтырь, лѣсъ да Господь, а тутъ, — на тебѣ, старый, на утѣшеніе: табакъ да гармошку!

— Архипъ! — кивнули засыпающему хозяину — нельзя ли грамохончикомъ насъ утѣшить? Наставь пластиночку про Бима и Бома!

Сквозь хриплый жестяной хохотъ Гордѣй жаловался прокуренной и хмельной чайной, обводя всѣхъ спрашивающими глазами:

— Я его, Ѳедю-то, съ измальства училъ читать по святой старинной книгѣ, по благословеннымъ мѣстамъ водилъ... Былъ онъ тихимъ какъ монашекъ, а

теперь говоритъ: не желаю! Въ обители къ выносу Плащаницы благовѣстятъ, а онъ на гармоніи играетъ! Сыне мой, почто душу свою очернилъ? Али я тебя не пѣсталъ, али я тебя не берегъ?

Гордѣй подошелъ къ хозяину и пытливо спросилъ его:

— Есть у тебя дѣти?

— Растутъ два оболтуса, — лѣниво буркнулъ тотъ, укладывая голову на прилавокъ.

— Вѣруютъ они въ Бога и святую Его книгу?

— Не знаю. Наше дѣло торговое!

— Спокойный ты человѣкъ, — покачалъ головой лѣсникъ — а я вотъ такъ не могу. Болитъ душа моя о сынѣ заблудшемъ...

Отъ хозяина Гордѣй перешелъ къ ражему парню:

— Объясни ты мнѣ...

— Отстань, борода! Я холостой! Не мѣшай Бима и Бома слушать!..

Лѣсникъ останавливался то передъ однимъ, то передъ другимъ, прося у чайной утѣшныхъ словъ. Молча и скорбно потоптался на мѣстѣ, а потомъ вышелъ на вѣтренную улицу и поплелся размытой дождями дорогой къ чернѣющему лѣсу.

Шелъ по лужамъ, размахивалъ руками, и самъ съ собою разговаривалъ.

Остановился посрединѣ дороги. Поднялъ лохматую голову къ загученному небу — не то молился, спрашивалъ, глядѣлъ ли какъ плыли тучи?

Заглянулъ въ лѣсъ и опять повернулся къ чайной, словно испугался своей избы, шума деревьевъ и гармошки сына.

Пришелъ въ чайную и принесъ тѣ же слова, ту же тоску и тѣ же безпокойные глаза.

— Дядя, — позвали его, — плюнь на все! Иди, глотни изъ бутылочки смоленскаго самогону. Сразу запляшешь!

— Не пьющій я. Мнѣ бы душевнаго человѣка на манеръ старца, — съ нимъ бы побесѣдовать!

Подошелъ къ Гордѣю ражій парень, взялъ его за руки и усадилъ на скамью.

Сидѣлъ онъ до тѣхъ поръ, пока не вошли въ чайную глубокія вечернія тѣни, и не стало въ ней ни одного человѣка.

Архипъ взглянулъ на старика, и что-то похожее на жалость затеплилось въ его глазахъ. Онъ хотѣлъ-было подойти къ нему и утѣшить, но не нашелся что сказать ему, а лишь молча поставилъ передъ нимъ стаканъ чая.

ЮРОДИВЫЙ.

Вечерняя степь въ синихъ снѣжныхъ переливахъ. Звонко морозная дорога, верстовой поникшій столбъ, вѣтеръ и шуршистый тихій дымъ зачинающейся вьюги. По дорогѣ идетъ путникъ. Безъ шапки, въ рваномъ полушубкѣ, сѣдой и сгорбленный. Онъ шелъ истовымъ монашескимъ шагомъ и пѣлъ по древнему заунывно и молитвенно:

Вы голуби, вы бѣлые.
Мы не голуби, мы не бѣлые.
Мы ангелы охранители,
А душамъ вашимъ покровители.

Навстрѣчу путнику гремь бубенчиковъ и пѣсня. Изъ синихъ пушистыхъ глубинъ вынырнули деревенскія сани, съ сѣдою отъ снѣга лошадью. Въ саняхъ сидѣли пьяные мужики, пѣли пѣсню и обнимались.

— А... Никитушка! — загомонили они, останавливая лошадь. — Куда плетешься, Богова душа?

Путникъ улыбнулся имъ и поклонился въ поясъ. Отъ улыбки его глаза мужиковъ стали тихими и свѣтлыми.

— Господь туда зоветъ... — зябко прошепталъ путникъ, указывая въ степную завьюженную даль.

— Замерзнешь ты въ степи!.. Ишь, снѣгъ-то пошелъ какой неуемный!

— Это не снѣгъ, а цвѣтики бѣленькіе, — строго отвѣтилъ Никитушка. — Господни цвѣтики!..

Поглядѣлъ на дымно-сизое небо и съ улыбкой досказалъ:

— Весна на небесахъ... Яблоньки райскія осыпаются!..

Мужики задумались, а потомъ вспомнивъ что-то, засуетились:

— Никитушка! Не хорошо быть въ степи одному. Садись къ намъ въ сани. Поѣдемъ въ гости, а?

Никитушка замахалъ руками.

— Не замайте меня, ибо на мнѣ рука Господня!..

Одинъ изъ мужиковъ, самый пьяный и лихой съ вида, грузно сошелъ съ саней и, сорвавъ съ головы лохматую шапку, угрюмо молвилъ:

— Благослови меня недостойнаго! Ты святой!..

Никитушка разсмѣялся и запѣлъ:

— «Воскресеніе день, просвѣтимся людіе. Пасха Господня Пасха, отъ смерти бо къ жизни, и отъ земли къ небеси!..»

Смотрѣли на него затаенными, древне-русскими глазами. Самый пьяный и лихой съ вида растроганно протянулъ Никитушкѣ шапку и сказалъ:

— Прими отъ меня. Холодно тебѣ. А я и безъ шапки доѣду!

Путникъ скорбно отстранился отъ дара, низко поклонился мужикамъ, и ушелъ отъ нихъ...

Долго смотрѣли ему вслѣдъ, и молчали.

Когда замолкли вдали бубенцы, то Никитушка повернулся въ сторону уѣзжающихъ и перекрестилъ ихъ.

Съ тонкимъ льдистымъ посвистомъ, звеня снѣжной поземкой, колыхался по степи вьюжный вѣтеръ.

Съ мертвой ракиты упалъ голубь, забитый морозомъ. Никитушка поднялъ его, запряталъ за пазуху, и тихо улыбаясь, слушалъ, какъ вздрагивала окоченѣвшая птица.

Наступала долгая степная ночь. Вдали послышался озябшій собачій лай, и засвѣтили желтые крестьянскіе огни. Среди сугробовъ, вскрай дороги стояла черная бревенчатая изба.

Путникъ вошелъ въ теплое нутро ея и остановился на порогѣ. Въ тускломъ свѣтѣ керосиновой лампы, за длиннымъ щербатымъ столомъ, сидѣло пять мужиковъ и пило водку.

Изъ сидящихъ за столомъ выдѣлялся, какъ береза среди черныхъ елей, лишь одинъ. Былъ онъ яснолицымъ, кудрявымъ, ладнымъ, съ высокимъ чистымъ лбомъ.

При взглядѣ на вошедшаго старика, онъ пересталъ пить, и глаза его стали тревожными.

— Кто это? — шопотомъ спросилъ онъ у хозяина.

— Никитушка, — отвѣтилъ тотъ дряблымъ отъ опьянѣнія голосомъ, — юродъ. Ни то блаженъ мужъ, ни то вскуе шаташася. Намъ не разобрать. Мавра! —

крикнулъ онъ за перегородку, — подай Никитушкѣ штей!

— Да что это ты, Өедоръ, такъ на него воззрился-то? — обратился онъ къ кудрявому. — Выпей жбанчикъ!

Өедоръ залпомъ выпилъ водку и разсмѣялся шипящимъ и ползучимъ смѣхомъ, отъ котораго всѣ вздрогнули.

— Что это тебя проняло-то? — спросили его.

— Старикъ мнѣ преподобнаго напомнилъ, мощи котораго я изъ гробницы выбросилъ!

— Какого преподобнаго? — испуганно съежились мужики. — Выпилъ ты, Өедюшка, лишняго. Муть у тебя въ головѣ пошла!

— Хотите разскажу? — со смѣхомъ спросилъ Өедоръ.

— Зачѣмъ-же ты смѣешься? — угрюмо замѣтили ему.

— Это я такъ. Я, братишки, не смѣюсь. Смѣхъ этотъ, братишки, у меня въ родѣ болѣзни. Итакъ, слушайте: въ Срѣтенскомъ монастырѣ вскрыли мы мощи одного святого и выбросили ихъ на улицу...

За перегородкой послышался стонъ Мавры. Мужики опустили головы и старались не смотрѣть другъ на друга.

— Послѣ этого дѣла пошли мы въ трактиръ...

У Өедора останавливалось дыханіе, и лицо перекашивалось судорогами.

— Сколько я пилъ въ трактирѣ — не помню! Чѣмъ больше пью, тѣмъ на душѣ страшнѣе... И все

время стоитъ рядомъ угодникъ въ черной схимѣ, и желтыя руки тянетъ ко мнѣ... и шепчетъ что-то...

— Шепчетъ? — переспросилъ одинъ изъ мужиковъ помутнѣвшимъ голосомъ и тревожно посмотрѣлъ на темное окно.

— Я какъ вскрикну въ трактирѣ! Меня успокаивать стали... Послѣ этого я въ горячкѣ пролежалъ больше мѣсяца... И вотъ теперь, братишки, куда я ни пойду, за мною все время тѣнь угодника ходитъ...

— Ты только не смѣйся, — перебили Өедора, — не хорошо ты смѣешься!

— Я не смѣюсь, братишки! Я же вамъ сказалъ, что это у меня въ родѣ болѣзни!

— Это не снѣгъ, а цвѣты райскія осыпаются, — прошепталъ Никитушка, держа въ рукахъ обогрѣтаго голубя.

Онъ склонился надъ нимъ и пѣлъ однообразно и причитно:

— Вы голуби, вы бѣлые... баю, баюшки баю...

Өедоръ цѣпко прислушивался къ заунывному баюканію юродиваго, и ухватившись за руку хозяина, опять спросилъ его:

— Кто это?

— Я же говорю тебѣ, завьюженный ты человѣкъ, что это Никитушка, Божій человѣкъ. Погляди-тка, онъ голубя спать укладываетъ...

— У него лицо какъ у того... и руки тонкія, желтыя... его!

— У кого, Өедоръ?

— У преподобнаго!.. Мощи котораго я вскрывалъ...

Изъ-за перегородки вышла Мавра и спросила Ѳедора:

— А почто ты это дѣлалъ? Матушка что-ли тебя не благословила, али ангелъ хранитель тебя покинулъ?

— Ты волкъ! — пробормоталъ охмелѣвшій мужикъ, погрозивъ Ѳедору землистымъ пальцемъ.

— Это вѣрно, что я волкъ, но по натурѣ-то своей я жалостный. Ежели, напримѣръ, запоютъ, бывало, монахи панафиду, али акаѳистъ, то у меня на глазахъ слезы, и душа отъ жалости на части разрывается! Вотъ и поймите вы меня, братишки!

Маврѣ хотѣлось успокоить его, но вмѣсто утѣшительныхъ словъ она подошла къ иконѣ и затеплила лампаду.

Ѳедоръ смотрѣлъ на Божій огонекъ, и лицо его свѣтлѣло, и опять онъ казался березой среди черныхъ угрюмыхъ елей.

Когда всѣ улеглись спать, то Ѳедоръ подошелъ къ лежащему на скамейкѣ юродивому и поклонился ему до земли. Никитушка приподнялся со своего ложа, обнялъ его и благословилъ.

ПОДЪ КОЛОКОЛАМИ.

Вешнимъ вечеромъ сидѣли мы съ глухимъ звонаремъ Осипомъ на колокольнѣ подъ большимъ колоколомъ и ждали, когда крикнетъ сторожъ Іона изъ березовой ограды: — Эй, звонари, трезвонь къ Евангелію!

Въ древней церкви шла всенощная въ похвалу Николы Вешняго. На паперти, въ зеленомъ кругѣ полевыхъ просторовъ, перелѣсковъ, дымныхъ голубыхъ далей, — духовенство поселка Бѣлаго служило литію. Медленно гасло небо.

Гудѣли старые монастырскіе напѣвы, завивая землю молитвеннымъ утишіемъ.

Осипъ низко опустилъ голову, весь спрятался въ полушубкѣ и думалъ о чемъ-то. Не о своей ли глухотѣ, что мѣшало ему слышать тихій летъ пѣснопѣній. Иногда подымалъ голову, спрашивалъ:

— Звонить?

Я качалъ головой, — рано еще...

Осипъ смотрѣлъ, какъ ныряли въ пролеты колокольни голуби, улыбнулся и зыбко запѣлъ:

— Свѣте тихій... святыя славы...

Колокольня Николы Утѣшнаго — высокая, старинная, при царѣ Іоаннѣ Грозномъ воздвигнутая. На мшистой почернѣвшей стѣнѣ чья-то невѣдомая рука на вѣки выбила славянскую вязь: «Лѣто 1556. Благовѣствуй землѣ радость велію».

Лѣстница на колокольню крутая и скрипучая. Когда поднимаешься по ея исхоженнымъ ступенямъ, невольно думаешь о пяти столѣтіяхъ, прошумѣвшихъ надъ колокольней, о старой Руси и о звонаряхъ, много вѣковъ «благовѣствовавшихъ землѣ радость велію».

Колокола...

Большой, «малиновый» — ударить ладонью по чернымъ его «щекамъ», такъ и загудитъ далекими перекатами грома.

«Воскресный» — златозвонный, переливный, словно солнцемъ пронизанный.

«Великопостный» — строгій чернецъ. Въ гудахъ его — предвесенній вечеръ, таяніе снѣговъ, покаянные вздохи, звѣздистый свѣтъ четверговыхъ свѣчей.

Маленькіе колокола «наигрыши» — стеклянный дѣтскій говоръ...

За колокольней, тихой какъ Богова келія, запѣли:

— Нынѣ отпущаеши...

Осипъ засмѣялся. Съ нимъ это часто. Засмѣется ни съ того, ни съ сего.

Господь его знаетъ, съ какой поры онъ сталъ юродивымъ. Сказываютъ, съ того времени, когда съ Борисо-Глѣбскаго собора въ городѣ снимали золотые кресты, иконы на стѣнахъ закрашивали и надъ вхо-

домъ прибивали вывѣску: «Народный домъ товарища Ленина».

Толкнулъ меня Осипъ подъ локоть.

— Слышалъ? Въ селѣ Вороньѣ крестный ходъ ходилъ къ Николѣ Народолюбцу. Ну, а озорники камнемъ запустили въ образъ Спаса Нерукотворнаго. Слышь, камнемъ! Стекло-то разбилось и слезками на землю посыпалось. Какъ-же это такъ, а?

Закрывъ лицо землистыми ладонями, Осипъ продолжалъ, не то смѣясь, не то придушенно плача:

— Въ Покровскомъ церковь совсѣмъ закрыли. Сиротой стоитъ. Ни панихидки отпѣть, ни такъ помолиться. Въ оградѣ парни съ дѣвками балуются, гармонь, лясы да плясы. Что-жъ это, а? Какъ-же это можно, чтобы замѣсто колоколовъ, гармонь, скажемъ?

Пытливый, скорбный голосъ бился о колокола, и они гудѣли.

Подъ колебаніе мѣди Осипъ говорилъ, не то съ самимъ собой, не то съ потревоженными колоколами:

— Былъ я, онамеднясь, въ городѣ. Зашелъ «за нуждою». Гляжу — на полу листы съ буквами церковной печати! Подымаю. Не повѣришь-ли, листы изъ Еванделя. Слышь, — Еванделя! Какъ-же это, а?

Мерцалъ утишный вечеръ. Въ оградѣ шелестѣли березы. Ворковали голуби и по зеленымъ ржанымъ полямъ пробѣгалъ вѣтеръ. На колоколахъ пылало затихающее солнце.

— Собралъ я святые листочки, на рѣки перемылъ, связалъ ихъ бичевкой да и пустилъ въ воду. Пускай,

думаю, плывутъ слова Божьи отъ человѣчьяго поруганія...

И послѣ долгаго раздумья, тихо добавилъ:

— Въ набатъ порой ударить хочется. Ночью ударить, всѣхъ пробудить... Душе моя, душе моя, возстани, что спиши? Конецъ приближается! Какъ-же, — съ храмовъ Господнихъ святые кресты снимать, да какъ это можно камнемъ, въ Божіе милосердіе! Чуетъ мое сердце, — не къ добру сіе поруганіе. Большая отъ этого скорбь произойдетъ!..

Крикнулъ сторожъ Іона въ березовой оградѣ:

— Эй, звонари! Трезвонь къ Евангелію!..

ЧАША.

Когда мы съ отцомъ Виталіемъ сошли съ шаткаго крыльца его старозавѣтнаго домика, насъ овѣяло дыханіемъ августовской тьмы, шорохомъ высокихъ липъ и мерцаніемъ звѣздъ.

— Ночь... — прошепталъ отецъ Виталій шопотомъ вошедшаго въ тихій храмъ. Липовой аллеей мы дошли до бѣлой церкви. Сѣли среди погоста, на деревянныхъ ступенькахъ старой часовни, подъ деревьями. Кругомъ кресты. Кое-гдѣ, надъ могилами, лампадные огни. Въ алтарномъ окнѣ церкви неугасимый свѣтъ.

Отецъ Виталій въ бѣломъ подрясникѣ. Обхватилъ руками колѣни. На плечо упалъ желтый листъ.

— Какъ ночь, нѣтъ мнѣ покоя!.. Такъ вотъ и брожу по комнатамъ своимъ опустѣлымъ, по саду, по кладбищу, забираюсь въ лѣсъ, и все хожу, все тоскую, все зову его тихаго. Не утолятъ скорбь мою ни молитва, ни ночное бодрствованіе, ни кротость Господнихъ звѣздъ... Встанешь у престола, да какъ вспомнишь агнца моего закланнаго и умолкнешь!.. Ждутъ, когда очнется батюшка, а я стою безгласный передъ

чашей Господней и плачу... Глядя на меня, и всѣ предстоящіе въ церкви плачутъ...

У отца Виталія затряслись плечи. Закрылъ лицо руками.

— Единственный у меня былъ, послѣ покойницы жены! Ласковый такой да задумный. Разсказы любилъ про святыхъ мучениковъ... И всѣхъ-то жалѣлъ, всѣмъ улыбался сыночекъ мой маленькій!..

Той ночи не забыть мнѣ!.. Пришли это они пьяные, грѣхомъ пропахшіе. Взломали вотъ эту самую церковь и вошли въ нее въ шапкахъ и съ папиросами въ зубахъ. Мальчикъ мой не спалъ. Увидѣлъ ихъ, и разбудилъ меня. Какъ ни просилъ я его не ходить со мной, пошелъ!.. какъ былъ... въ бѣлой ночной рубашечкѣ... Пришли въ церковь. А они-то, съ пѣснями балагурными Царскія врата раскрыли и на престолѣ свѣчи зажигали! Плевались и сквернословили. Не высказать того, что было на душѣ у меня тогда!.. Я молить ихъ сталъ пьяныхъ, оголтѣлыхъ, Бога побояться, не кощунствовать. Они не слушали меня. Въ спину толкали, волосы на мнѣ рвали, оплевывали и заушали... Вдругъ... вижу! Одинъ изъ нихъ прикасается къ чашѣ Господней! Къ чашѣ!

Тутъ-то и свершилось...

Мой сыночекъ въ алтарь бросился.

И вижу... Ручонками своими маленькими, вырываетъ чашу Господню изъ рукъ пьянаго кощунника.

И не повѣрите-ли, вырвалъ ее! Чудомъ вырвалъ! Какъ сейчасъ вижу его въ бѣломъ одѣяніи. какъ хитонъ отрока Іисуса, съ чашей Христовой, сходящаго по ступенямъ амвона...

Тутъ-то за Христа и пострадалъ свѣтлый мой мальчикъ. Не успѣлъ я подойти къ нему, какъ высокій солдатъ ударилъ его прикладомъ по головѣ...

И когда увидѣлъ его, обагреннаго кровью, бездыханнаго, я не плакалъ. На душѣ было ясно-ясно. Спокойно взялъ его на руки и домой понесъ, и по рукамъ моимъ, кровь его струилась.

А вотъ, когда отпѣлъ его и похоронилъ!.. Пришелъ съ кладбища въ сиротливый свой домъ, да какъ вспомнилъ его, мученика, въ бѣломъ какъ у Христа-отрока хитонѣ, въ ручкахъ своихъ сжимающаго чашу Христову, палъ я въ отчаяніи на полъ, и волосы рвалъ на себѣ...

Ничто не утоляетъ скорбь мою, ибо передъ глазами онъ, ангельская душенька, за Христа пострадавшій!..

Послѣ долгаго молчанія отецъ Виталій сказалъ:

— Пойдемте на его могилу и отслужимъ панихиду.

Мы поднялись со ступенекъ часовни и пошли слу-

ЗЕМНОЙ ПОКЛОНЪ.

Вечернимъ часомъ у рѣки Волхова подошелъ къ богомольцамъ человѣкъ въ солдатской рубахѣ и заплатанныхъ шароварахъ. Босъ. Рыжевато русъ. Ростомъ высокъ. За плечами австрiйскiй ранецъ и высокiе пыльные сапоги. Глаза тѣхъ, кто прошелъ много дорогъ, кто часто ночевалъ подъ звѣздами среди степи и лѣса, кого коснулось монастырское утишiе и у кого безсонной была душа.

Старый ходокъ по святымъ мѣстамъ, сухорукiй Пахомъ, взглянулъ на незнамаго человѣка, улыбнулся какъ своему и подумалъ:

— Грядетъ Божiй человѣкъ... Взоръ тихiй, а душа безпокойная!

Невѣдомый спросилъ:

— Не въ монастырь ли, братцы, путь держите?

— Туда, землячокъ, къ образу Пречистыя Мати!

— Можно съ вами?

— Милости просимъ, Христовъ человѣкъ!

Пошли вдоль древней рѣки, въ озаренiи уходящаго солнца, кроткими новгородскими полями, на встрѣчу дальнему монастырю, осѣвшему среди лѣ-

совъ и славному на всю Русь образомъ Пречистыя Мати, древними новгородскими напѣвами и чистыми серебряными звонами.

Было богомольцевъ съ новымъ попутчикомъ пять человѣкъ. Старый ходокъ Пахомъ. Бѣльмастый. Лохматый. Въ зимней солдатской папахѣ и опоркахъ. Мудрый и ласковый взглядъ.

Бородатый Ларіонъ въ длинномъ, похожемъ на подрясникъ, кафтанѣ. Суровый и тощій какъ пустынникъ.

Сгорбленная старушка Ѳекла въ черной плисовой кацавейкѣ и монашескомъ платкѣ, всю дорогу творившая молитву Іисусову.

Босой, блѣдный мальчикъ Антоша съ большими пугливыми глазами, одѣтый въ длинную безъ пояса холщевую бѣлую рубашку, съ букетикомъ полевыхъ цвѣтовъ въ тоненькой ручкѣ.

Шелъ Антоша позади всѣхъ тихимъ болѣзненнымъ шагомъ, странно молчаливый, не по-дѣтски серьезный и затаенный.

Мѣрный молитвенный шагъ богомольцевъ такъ созвученъ былъ лѣтнимъ сумеркамъ, шелесту травы, переплескамъ Волхова, догорающимъ зорямъ и льдистымъ мерцаніямъ вечерней звѣзды.

— Кто такой будешь, милъ человѣкъ? — спросилъ Пахомъ новаго попутчика.

— Игнатъ Муромцевъ... — тихо отвѣтилъ тотъ и опустилъ голову. Богомольцы вздрогнули, и страхъ затаился въ ихъ спокойныхъ крестьянскихъ глазахъ.

— Не тотъ-ли самый Муромцевъ, который...

Муромцевъ не далъ Пахому договорить и твердо отвѣтилъ:

— Да, братцы, тотъ самый Муромцевъ, который убивалъ, грабилъ, изъ чашъ Господнихъ водку пилъ, иконы на мушку бралъ! Это я... я православленный убійца и звѣрь! Не бойтесь меня. Простите Христа ради!

Муромцевъ упалъ передъ богомольцами на колѣни и до земли поклонился имъ.

Часто закрестилась бабка Ѳекла, кончикомъ монашескаго платка утирая слезы.

Опустилъ сѣдую голову Ларіонъ. Тяжко вздохнулъ Пахомъ и схватился за сердце. Антоша закричалъ, вдругъ, въ испугѣ, вскинулъ тоненькими ручками, упалъ на дорогу и забился въ судорогахъ, захлебываясь пѣной.

— Антоша... ясынька... цвѣтикъ бѣлый... Господь съ тобою!.. Владычица Скорбящая, утиши отрока Антонія отъ усякія болисти, отъ усякія скорби... пособи, поможи... — запричитала надъ нимъ Ѳекла, осѣняя дѣтское тѣльце частыми крестами.

Положили Антошу на травку, сѣли около него и ждали, когда очнется.

Былъ онъ особенно трогательный въ длинной холщевой рубашкѣ, до синевы блѣдный, охваченный судорогами, съ крѣпко сжатымъ букетикомъ полевыхъ цвѣтовъ въ тоненькой восковой ручкѣ.

— Второй годъ припадкомъ страждетъ, — шепталъ Пахомъ Муромцеву — большую муку восприялъ ангельская душенька. На глазахъ вѣдь отца съ матерью разстрѣляли... Барина, помѣщика Колыванова, не изволишь знать?

— Колыванова? — задрожалъ Муромцевъ, смертельно поблѣднѣвъ, — такъ я его...

Ларіонъ не далъ договорить Муромцеву и сказалъ:

— Это его сынокъ.

— Проклятый я человѣкъ! — сквозь рыдающій вой выкрикнулъ Муромцевъ, — такъ это онъ... голубчикъ.... мальчикъ блѣдный... котораго я кулаками тогда билъ!..

— ...Осеннимъ вечеромъ мы на разстрѣлъ вели Колывановыхъ-то...—отрывисто, тяжело дыша, съ безумнымъ блескомъ въ широко открытыхъ глазахъ разсказывалъ Муромцевъ. — Вѣтеръ. Слякоть. Снѣгъ. Позади насъ Антоша... Босой, безъ шапочки, въ нижнемъ бѣльѣ... Бѣжитъ по улицамъ и вопитъ: не убивайте папу и маму. Не убивайте, дяденьки дорогіе!.. А я его кулаками, чтобы не мѣшалъ... Разстрѣляли Колывановыхъ-то. Упалъ на тѣла ихъ Антоша да какъ закричитъ!.. Съ той поры на всю жизнь у меня въ памяти этотъ крикъ... Ничѣмъ заглушить его не могъ. Жжетъ. Не даетъ покоя. Ночи не пройдетъ, чтобы не снился мнѣ этотъ мальчикъ... Стала меня мучить совѣсть. До безумія жгла. Однажды, не вынесъ я мерзкихъ дѣлъ своихъ, выбѣжалъ зимой въ одной гимнастеркѣ на самую людную площадь, всталъ на колѣни и у народа честного сталъ просить прощенія. Безумнымъ сочли меня. Въ домъ умалишенныхъ заключили. Убѣжалъ я. Въ странника превратился, и вотъ уже второй годъ хожу по русскимъ дорогамъ въ чаяніи Христова утѣшенія.

Муромцевъ упалъ Антошѣ въ ноги и поцѣловалъ ихъ.

— Мученикъ! — выкрикивалъ онъ — загубленный мною, извергомъ проклятымъ! Прости, святой... Прости за злодѣйство мое! Блѣдный, исхудалый... Нами выпитый... Прости меня!

Сурово, какъ святые на древнихъ иконахъ, глядѣли на Муромцева богомольцы.

Когда очнулся Антоша отъ припадка, взялъ его Муромцевъ на руки, и опять пошли мѣрнымъ русскимъ шагомъ, краемъ Волхова, подъ синими звѣздными мерцаніями, навстрѣчу дальнему монастырю.

МАТИ-ПУСТЫНЯ.

Голубымъ весеннимъ днемъ, извилистой лѣсной тропой, подъ зеленой тѣнью березъ, тихимъ болѣзненнымъ шагомъ шелъ къ себѣ на родину, въ село Коростелово, солдатъ красной арміи Семенъ Завитухинъ, ржановолосый и низкорослый деревенскій парень.

— Иду помирать на своей землѣ, — медленно и тяжело думалъ онъ — косточки сложить поближе къ Волгѣ, къ родимой матушкѣ, которую не видалъ лѣтъ восемь, къ ржанымъ полямъ, къ забытой могилѣ отцовъ, гдѣ такъ приголубно склоняются надъ ветхими крестами дуплистыя деревья, а изъ оконъ кладбищенской церкви доносится кроткое примиряющее пѣніе...

— Не хочется помирать, но ничего не попишешь! — вслухъ произнесъ горькія слова.

Крѣпко былъ боленъ Семенъ Завитухинъ.

Во время гражданской войны полежалъ какъ-то онъ на студеной осенней землѣ, схватилъ простуду, сталъ кашлять кровью и таять. Дали Завитухину вольную и отпустили на всѣ четыре стороны.

Солнцемъ, цвѣтами, свѣжестью распускающихся

березъ, несказанной Господней красотой полны были голубыя глубины лѣса.

— Эка благодать-то какая! — думалъ Завитухинъ, жадно вдыхая въ себя сочный березовый духъ.

Когда здоровъ былъ Семенъ, то не замѣчалъ въ бѣшеной смѣнѣ революціонныхъ дней всей красоты, щедро разсыпанной по весенней солнечной землѣ. Некогда было красноармейцу Завитухину думать о голубыхъ небесахъ, березкахъ да цвѣтикахъ, когда люди говорятъ, что «бѣлая гидра на носу и наемники капитализма хотятъ погубить завоеванія октябрьской революціи».

При воспоминаніи о пройденныхъ революціонныхъ годахъ, о душной гражданской войнѣ, о разстрѣлахъ своихъ земляковъ, крѣпкимъ надрывнымъ словомъ выругался Завитухинъ и закашлялся отъ волненія удушливымъ кашлемъ съ кровавыми выплевками.

Ложился на душистую теплую землю, припадалъ къ ней чахоточнымъ лицомъ, рвалъ съ березокъ пахучіе клейкіе листочки и, вдыхая въ себя хмельные ихъ запахи, съ острой тоской укорялъ себя.

— Счастья-то какого лишился ты, Сенька Завитухинъ — крестьянскій сынъ! И на что промѣнялъ?

Въ душѣ поднималась колючая злоба, и, чтобы угасить ее, онъ сталъ думать о родномъ селѣ Коростеловѣ на берегу Волги, о радостяхъ забытаго крестьянскаго труда, о солнечныхъ восходахъ надъ росистыми полями, о родныхъ яблоняхъ, одѣтыхъ въ бѣлый снѣжный цвѣтъ, о матери, о деревенскихъ хороводахъ въ дрожаніи прозрачныхъ вечеровъ и о всемъ томъ, что

составляло радость и смыслъ живущаго и такъ безжалостно было сожжено огнемъ революціи.

Семену захотѣлось спѣть старинную пѣсню про зореньку, у которой много ясныхъ звѣздъ, и про ноченьку темную, у которой звѣздамъ счету нѣтъ, но закашлялся и погасилъ пѣсню.

Чѣмъ ближе подходилъ Завитухинъ къ Волгѣ, чѣмъ ощутимѣе чувствовалъ вольное ея дыханіе, тѣмъ яснѣе и примиреннѣе становилось у него на душѣ.

Была бѣлизна и нѣжность, какъ когда-то въ дѣтскіе утренніе годы, когда онъ въ бѣлой рубашкѣ стоялъ въ сельской церкви передъ сіяющей Христовой чашей и ждалъ причастія Святыхъ Тайнъ.

Солнце сѣло за далекими дымчатыми лѣсами, и святая вечерняя тишина опустилась надъ зоревой Волгой и надъ соломенными крышами села Коростелова, когда онъ усталый, едва переводя духъ отъ волненія, подошелъ къ своей старой избѣ съ опрокинутымъ заборомъ и яблонями въ бѣломъ цвѣту.

Не смѣя сразу войти въ избу, онъ сѣлъ на скамейку подъ яблонями и закашлялся. Скрипнула дверь избы и на крыльцѣ показалась маленькая старушка, вся въ черномъ, какъ монашенка.

Чувство-ли матери подсказало, что сидитъ на скамейкѣ потерянный ею сынъ, жалость-ли къ этому усталому, кашляющему кровью человѣку, сына-ли напомнилъ онъ, но только она сошла съ шаткихъ ступенекъ крыльца, подошла къ нему, сѣла съ нимъ рядомъ и безъ словъ стала гладить блѣдныя, костлявыя руки незнакомаго.

Завитухинъ вздрогнулъ, увидавъ родное лицо ма-

тери, опустился на землю, положилъ голову въ ея колѣни и заплакалъ:

— Маменька!..

Много хорошихъ нѣжныхъ словъ было припасено матери въ его сердцѣ, но ничего, кромѣ слова «маменька», сказать не могъ.

Мать тепло и крѣпко обвила его худую шею и радостно, тихо заплакала, и не могла найти словъ, чтобы выразить свою нечаянную радость.

Семенъ прижимался къ матери и слышалъ, какъ билось ея сердце.

Онъ закашлялся. Изъ горла хлынула кровь. Она заливала подбородокъ и густыми, алыми змѣйками сползала по зеленой солдатской гимнастеркѣ.

Мать платкомъ утирала подбородокъ сына и съ безконечной тревогой и нѣжностью спрашивала:

— Сеничка! Сыночекъ мой! Что съ тобой, родименькій мой?

— Вы не безпокойтесь, мамаша, — утѣшалъ ее сынъ, стараясь улыбаться, — все пройдетъ. Я поправлюсь. Помогать тебѣ буду... Заборъ вотъ поправить надо. Яблоньки подрѣзать... Ишь онѣ какъ одичали... Вы за меня, маменька, не тревожьтесь. Все пройдетъ. Кашель у меня меньше сталъ и облегченіе нѣкоторое обнаруживается...

Когда засыпалъ Завитухинъ въ родной своей избѣ, то долго сквозь легкій сонъ слышалъ, какъ молилась мать передъ старенькими образами и какъ дрожали за окномъ яблони въ бѣломъ цвѣту.

Утромъ, съ восходными зорями Завитухинъ проснулся. Осторожно, чтобы не разбудить мать, онъ вышелъ изъ избы на крыльцо.

Утро — теплое, розовое. Мягко кудрявились бѣлыя облачинки. На цвѣтахъ яблонь роса. Съ голубой Волги вѣяло прохладой. Въ солнцѣ и голубыя ризы одѣвалась крестьянская земля.

Въ душѣ Семена поднималось забытое крестьянское чувство.

Жадно захотѣлось работы. Родной, мужицкой работы, въ которой цѣлое поколѣніе Завитухиныхъ находило радость и оправданіе жизни.

Захваченный жаждой работы, онъ не хотѣлъ больше думать о своей смертной болѣзни.

— Ничего, — утѣшалъ себя съ улыбкой — это пройдетъ. Подышу деревенскимъ воздухомъ, окрѣпну, и все будетъ въ совокупности.

Семенъ обошелъ дворъ, хозяйскимъ глазомъ осмотрѣлъ одичавшія яблони, опрокинутый заборъ, шаткія гнилыя ступени крыльца и дѣловито, по-хозяйски, слегка нараспѣвъ, произнесъ:

— Работы-то много! Ишь, какъ все покачнулось. Ну, да это мы, Богъ дастъ, наладимъ...

Въ груди поднимался колючій клокотъ кашля, но Завитухинъ старался подавить его, чтобы этимъ заглушить мысль о болѣзни.

Въ сараѣ онъ нашелъ топоръ, раздобылъ гвоздей и взялся было починить опрокинутый заборъ, но не успѣлъ вбить и гвоздя, какъ почувствовалъ себя дурно, сѣлъ на землю и закашлялся долгимъ хрипящимъ кашлемъ.

Когда успокоился отъ кашля, подошелъ къ яблонѣ, обнялъ ея шероховатый станъ и заплакалъ.

Воротился въ избу блѣдный, съ дрожащими ногами и легъ на полати, съ тоскою глядя, какъ золотые солнечные лучи проникали въ избу и дрожали на стѣнѣ тѣни отъ старыхъ яблонь.

Какъ таяніе вечерней зари, какъ догораніе восковой свѣчи въ одинокомъ храмѣ, проходили на землѣ послѣдніе дни Семена Завитухина. Наступила послѣдняя предсмертная тягота. Не думалось больше о землѣ, о работѣ... Мысль тянулась больше къ тому, что выше земли, выше солнца и звѣздъ, къ невечернему міру, о которомъ такъ грустно пѣли когда-то подъ окнами странники — слѣпцы.

Часто звалъ къ себѣ мать, гладилъ морщинистыя ея руки и все просилъ разсказать ему что-нибудь про старину, когда лѣса были дремучѣе, нивы плодороднѣе, люди сильнѣе и все было по иному.

И мать, едва пересиливая рыданія, древними стихами разсказывала ему бывальщину.

Высокій и тонкій ладъ его думъ такъ созвучно сливался съ древними пѣсенными словами матери, и была на душѣ особенная утѣшенность.

Въ одинъ изъ золотыхъ сентябрьскихъ дней позвалъ онъ къ себѣ мать и сказалъ ей:

— Маменька... голубушка... Отвези меня въ Николину пустынь. Помолиться хочу передъ смертью и

обѣлить себя покаяніемъ... Много грѣха у меня, маменька... Ой, какъ много... Страшныхъ грѣховъ!

— Не тяжело-ли тебѣ будетъ, Сеничка? Верстъ тридцать. поди, до Николиной пустыни, истомишься въ дорогѣ-то сыночекъ!

— Не препятствуй мнѣ, маменька. Пусть эта дорога подвигомъ моимъ будетъ, веригами моими. Отвези меня въ пустынь... Пустынь... Пустыня, — бредово шепталъ Семенъ — слово-то какое пріятное... тихое утѣшное слово... Помнишь, маменька, пѣла ты какъ-то о прекрасной мати-пустыни?

«Мати-пустыня, пріюти сиротку»...

Чтобы не выдать сыну своей печали, уходила мать въ сѣни и тамъ плакала.

Одѣли Семена въ бѣлую чистую рубаху, укутали въ шубу, подъ руки повели къ телѣгѣ, положили его на солому, и повезла мать сына холодноватымъ, золотымъ сентябрьскимъ днемъ въ Николину пустынь.

Лежалъ Семенъ вдоль телѣги и большими проясненными долгой болѣзнью глазами смотрѣлъ въ глубокое синее небо и уже не было желанія быть на землѣ, а хотѣлось скорѣе слиться съ этимъ небомъ, и лечь бокъ о бокъ съ прадѣдами, у края кладбищенской церкви, откуда будетъ доносится кроткое примиряющее пѣніе.

Ѣхали русскими просторными полями.

Въ пути, среди вѣтреннаго безлюднаго поля, ихъ застигла ночь. Холодно было. Пусто было. Мать

склонялась надъ лицомъ больного сына, согрѣвала его своимъ дыханіемъ, поправляла изголовье и ноги его укутывала соломой. Чувствовала мать, что тяжело сыну, и сквозь слезы утѣшала его разсказами про старину, про лѣса дремучіе, гдѣ прятались раскольничьи скиты и жили прозорливые подвижники; про дѣдовъ крѣпкихъ, какъ дубы, и веселыхъ, мудрыхъ, какъ земля, ими воздѣланная. И даже стихъ пропѣла сыну про прекрасную мати-пустыню и про дубравы Господни, цвѣтами райскими украшенныя.

Послѣ причастія въ Николиной пустынѣ умеръ бывшій красноармеецъ Семенъ Завитухинъ. Тише паденія золотого листа съ дерева умеръ онъ, и даже мать не услышала послѣдняго его вздоха.

При помощи монаховъ уложила мать сына своего на телѣгу и тѣми-же печальными осенними полями, подъ тѣ-же вѣтровыя пѣсни, низко опустивъ голову, повезла его въ Коростелово. Такъ-же въ пути ихъ застигла ночь, и много звѣздъ смотрѣло на нихъ.

Холодно было. Пусто было. Кружился увядающій листъ. Также поправляла мать изголовье сына, укутывала ему ноги и согрѣвала его дыханіемъ, — словно холодно было ему въ этой осенней мглѣ, и, какъ молитву, какъ причитъ, тихо пропѣла ему про прекрасную мати-пустыню и про дубравы Господни, цвѣтами райскими украшенныя.

ТРЕВОГА.

Въ раскрытое окно густой синей прохладой входилъ осеннiй вечеръ. Горько пахло угасающей травой. Въ колодецъ падали съ висящаго ведра гулкiя капли воды. Въ тишинѣ застывшаго вечера звуки этихъ капель казались единственными на землѣ.

По случаю убiйства старообрядческаго начетчика Аввакума, собственнымъ сыномъ Кузькой Жиганомъ, деревня была въ оцѣпенѣнiи и въ затаенномъ шопотѣ. Ни голосовъ, ни пѣсенъ, ни собачьяго даже лая. На подоконникъ упалъ алый кленовый листъ.

Отецъ Сергiй взялъ его и сказалъ:

— Грядетъ осень...

Повернулъ ко мнѣ лицо свое. Лицо сельскаго батюшки. Тихое, обыкновенное, не запоминающееся. Такихъ лицъ много какъ былинокъ въ русскихъ поляхъ. Глаза только не простые — не то надземные, не то безумные.

— Вотъ и не стало Аввакума — сказалъ онъ и зябко съежилъ плечи. Помолчалъ долгимъ думающимъ молчанiемъ и неожиданно запѣлъ странниче-

скимъ распѣвомъ, опустивъ голову и скрестивъ блѣдныя священническія руки.

Кому повѣмъ печаль мою,
Кого призову ко рыданію.
Токмо Тебѣ, Владыко мой,
Извѣстенъ плачъ сердечный мой.
Кто бы мнѣ далъ источникъ слезъ,
Я плакалъ бы и день и нощь...

— Пѣсня эта прозывается «Плачъ Іосифа Прекраснаго», — пояснилъ отецъ Сергій, — любимая пѣсня покойнаго Аввакума. Сядетъ, бывало, вечеромъ на ступеньку своей бревенчатой молельни, возэрится на небеса, сложитъ руки крестъ на крестъ и запоетъ... Стихъ долгій и трогательный! О томъ онъ, какъ Іосифа продавали въ рабство, и какъ онъ плакалъ, ведомый въ землю Египетскую:

Увиждь мати Іосифа...
Возстани скоро изъ гроба.
Твое чадо любимое
Ведомо есть погаными.
Моя братія продаша имъ.
Иду нынѣ во работу съ нимъ.

— Заслышатъ голосъ Аввакума и ползкомъ-ползкомъ къ нему, подъ кусты, въ засѣнь, чтобы послушать его... Хорошо пѣлъ старче — душевно и усладно, по старорусски! Хоть и не любилъ онъ, царство ему небесное, насъ никоніанъ, но я то любилъ его, и никогда не пререкался съ нимъ о вѣрѣ. Онъ видомъ

своимъ благочестнымъ, поступью и рѣчью тоску будилъ по ушедшей русской землѣ. Дремучей, исконной, сосной и родниками святыми шумящей!

— Такихъ стариковъ какъ Аввакумъ больше не встрѣтишь!..

— А за что сынъ-то на него такъ посягнулъ? — спросилъ я, затуманеннаго сумерками отца Сергія.

— Невѣдомо. Нощь бо есть въ народѣ русскомъ!

Отецъ Сергій закрылъ окно. Къ землѣ приникала ночь. Въ деревнѣ горѣлъ лишь одинъ огонекъ:

— Это въ Аввакумовой избѣ свѣтъ. Готовятъ его въ дорогу. Да, не стало Аввакума. Отмерла еще вѣтвь на древѣ древляго благочестія. До вашего прихода полиція вела мимо моего окна связаннаго Кузьку. Увидалъ меня и крикнулъ: «Оксти меня батька». Я благославилъ его. — Отецъ Сергій поднялся съ мѣста и зажегъ лампаду. На иконѣ Спаситель съ Евангеліемъ. Глаза непреклонные и грозные, смотрящіе на всѣ стороны.

— Такіе же глаза будутъ у Него, когда Онъ придетъ судить живыхъ и мертвыхъ — почему-то подумалъ я. Моя дума передалась отцу Сергію и колыхнула что-то близкое для него и тревожное. Онъ взволнованно заходилъ по горенкѣ. Всталъ около меня. Маленькій и какъ бы пушистый отъ сѣдой своей бороды. Онъ спросилъ меня дрогнувшимъ голосомъ:

— Вы вѣрите въ близкое наступленіе страшнаго суда?

Я ничего не отвѣтилъ.

— А я вѣрю, — сказалъ онъ потаеннымъ шопотомъ, — такъ вотъ и кажется, что сейчасъ воstру-

бятъ архангелы въ свои трубы, и мертвые возстанутъ изъ гробовъ своихъ.

Я хотѣлъ сказать ему, что это нервы и послѣдствія пережитаго нами, за эти ужасные годы — страшному суду подобные!

— Вы не думайте — пылко вознесся его голосъ— что эта тревога вызвана убійствомъ, осенними шорохами, старостью моей или перенесеннымъ нами за войну и революцію, — нѣтъ! Точно вамъ объяснить не могу. Скажу лишь, что я по ночамъ спать не могу. Встаю, зажигаю свѣчу и начинаю молиться... Посмотрю въ окно на спящую землю нашу и плачу, что она и дѣянія рукъ нашихъ обречены на гибель!.. Все превратится въ первозданную тьму, надъ которой никогда больше не прогремитъ голосъ Творца — да будетъ свѣтъ!..

Отецъ Сергій посмотрѣлъ на икону. Долго не рѣшался говорить.

— Сегодня выношу за литургіей чашу Господню, — сказалъ онъ въ тревогѣ, — и передъ тѣмъ какъ произнести запричастную молитву: «Вѣрую Господи и исповѣдую», меня вдругъ опалила мысль: а не въ послѣднюю ли годину мы пріобщаемъ міръ кровью Христовой?..

Уже ночь была, когда я вышелъ изъ горенки отца Сергія. Путь мой лежалъ черезъ поле. На небѣ было много звѣздъ, и земля, сжатая густой тишиной, казалась пустынной и брошенной.

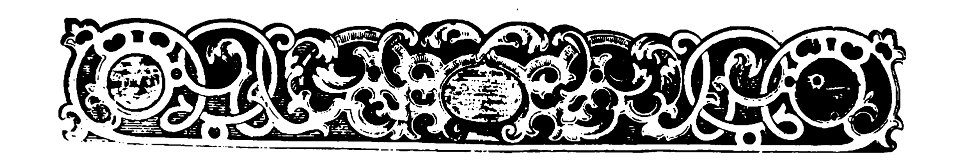
Чувствовалось страшное сиротство свое среди угасающаго русскаго поля. Чтобы разсѣять это чувство

и укрѣпить себя въ мысли, что ты не одинъ, я обернулся въ сторону домика отца Сергія.

Въ окнѣ заколебался огонекъ свѣчи. Онъ то возносился, то опускался... Это отецъ Сергій, охваченный тревогой, со свѣчой въ рукѣ, молился съ колѣнопреклоненіемъ: «Да мимо идетъ насъ чаша сія»..

Всю дорогу шелъ со мной шопотъ отца Сергія:

— А не въ послѣднюю ли годину мы пріобщаемъ міръ кровью Христовой?

ВЕРИГИ.

Предгрозовой іюньской ночью іеромонахъ Македоній обходилъ шестисотлѣтнія стѣны Печерскаго Успенскаго монастыря.

Вратарь отбивалъ въ старинное било ночные часы. Къ дрожащимъ, суровымъ звукамъ била откликнулся колоколъ Печерской звонницы, и за нимъ густо и важно пропѣли часы Свято-Никольской церкви.

Надъ золотыми куполами собора висѣли тучи съ мѣдными отсвѣтами. По землѣ извивался сухой вѣтеръ, шумѣли старые монастырскіе дубы. Іеромонахъ Македоній дошелъ до монастырскихъ вратъ, гдѣ, по преданію, былъ обезглавленъ Иваномъ Грознымъ преподобный игуменъ Корнилій. Македонію вспомнились слова изъ одной ветхой монашеской лѣтописи:

«По умерщвленіи Корнилія преподобнаго, падоша Иване царь на хладныя мощи его, и зѣло плакася горько». Повторялъ эти слова и вздыхалъ.

Около вратъ стоялъ человѣкъ на колѣняхъ. Шаги монаха испугали его. Онъ всталъ съ колѣнъ и хотѣлъ броситься бѣжать.

Монахъ остановилъ его и успокоилъ.

— Вы издалека? — спросилъ онъ.

Пристально вглядѣвшись въ тихіе сострадательные глаза монаха, незнамый шопотомъ отвѣтилъ:

— Я тайкомъ пришелъ изъ Россіи!..

— Горе, навѣрное, большое заставило васъ придти сюда?

— На душѣ у меня страшный несмываемый грѣхъ! — съ отчаяніемъ выкрикнулъ онъ, закрывъ лицо руками. — Богъ оставилъ меня! Перекрести меня! Страшно мнѣ!

Іеромонахъ перекрестилъ его и усадилъ на камень, рядомъ съ собою.

Пробили монастырскіе часы. Когда угасъ въ воздухѣ ихъ ночной перезвонъ, человѣкъ робко и растерянно, въ безсвязныхъ словахъ, разсказалъ страшную повѣсть о себѣ:

«Это было въ 1918 году. Я служилъ въ красной арміи. Пьяными мы ворвались въ этотъ монастырь. Передъ этимъ мы разстрѣляли у монастырскихъ стѣнъ двухъ печерскихъ жителей. Со свистомъ, руганью и пѣснями мы взломали церковныя двери и въ шапкахъ, съ папиросами въ зубахъ ворвались въ храмъ искать сокровища. Что мы только въ храмѣ ни дѣлали, — подумать теперь страшно! Плевались, пѣли пѣсни, хохотали. Я, какъ сейчасъ помню, все хотѣлъ въ уста Спасителя папироску вставить.

...Никакихъ сокровищъ мы не нашли. Пошли въ пещеры, гдѣ ваши иноки упокоеваются. Могильныя плиты штыками да прикладами вскрывали, — все думали, что монахи свои драгоцѣнности въ гробы по-

прятали! Много монашескихъ гробовъ раскрыли, осквернили и разрушили. Ничего не нашли.

Стоялъ въ пещерѣ, на мѣстѣ первоначальнаго алтаря подвижниковъ, образъ Богоматери... Мы этотъ образъ на полъ опрокинули, и сапогами, грязными солдатскими сапожищами... по этому образу!..

Взяла меня злоба, что мы ничего здѣсь не нашли, и въ злобѣ своей я штыкомъ ударилъ въ черепъ монаха, лежащаго во гробѣ.

Стали мы выходить изъ пещеръ. Передъ тѣмъ какъ выйти, я почему-то оглянулся назадъ и увидѣлъ, какъ надъ чьимъ-то гробомъ свѣтилась синенькая лампадка... Своды, мракъ, переходы и этотъ синій огонь надъ гробомъ!.. Взглянулъ я на эту лампадку и обуялъ меня такой страхъ, что я закричалъ и какъ безумный выбѣжалъ изъ пещеры. Съ этихъ поръ, вотъ уже десять лѣтъ я не нахожу успокоенія. Каждую ночь вижу монаха съ проколотымъ черепомъ, и всюду, куда ни посмотрю, синія лампады передъ глазами...

...Чтобы загладить окаянство мое, я сталъ изнурять свое тѣло. Вотъ, посмотрите...»

Человѣкъ разстегнулъ рубашку и показалъ монаху желѣзныя вериги.

«Совѣсть погнала меня изъ Россіи... сюда... монастырскимъ стѣнамъ поклониться и попросить прощенія у святыхъ угодниковъ. Услышитъ-ли меня Богъ? Проститъ-ли меня, окаяннаго звѣря?»

Человѣкъ умолкъ и расплакался.

На прощанье онъ попросилъ перекрестить его. Іеромонахъ перекрестилъ, и рука его коснулась желѣзныхъ веригъ.

Долго смотрѣлъ ему вслѣдъ и думалъ о таинственныхъ жуткихъ путяхъ русской души, о величайшихъ паденіяхъ ея и величайшихъ возстаніяхъ, — Россіи разбойной и Россіи веригоносной.

Грозовыя тучи прошли стороной. Далеко далеко перекатывался громъ, и въ томъ направленіи, гдѣ лежала Россія, вспыхивали молніи.

ВѢТЕРЪ.

Сѣдыми отъ инея полями, синимъ осеннимъ предутренникомъ, чахлый мужичонко Трифонъ везъ на скрипучей телѣгѣ Павла Григорина въ маленькій уѣздный городишко. Пятнадцать лѣтъ не былъ Григоринъ въ своемъ городѣ. А когда-то, босоногимъ мальчуганомъ бѣгалъ по его зеленымъ улицамъ, таскалъ съ ребятами яблоки съ чужихъ садовъ, подавалъ въ церкви кадило батюшкѣ Андрею, учился въ церковно-приходской школѣ и тайкомъ вздыхалъ по батюшкиной дочкѣ Настѣ.

Григоринъ призакрылъ глаза и представилъ себѣ маленькій городокъ, съ его тѣнистыми одичавшими садами, крѣпкими купеческими домами, лѣнивой омутистой рѣчкой, базарной площадью съ запахомъ сѣна и мучныхъ складовъ, придорожными часовнями и тихими лампадными огнями на зеленомъ кладбищѣ.

Въ полѣ было пустынно и холодно. Вѣтеръ сгибалъ придорожныя березы. По небесной пустынѣ летѣли журавли.

— А далеко, поди, журавль летитъ? — спросилъ Трифонъ.

— За тысячи верстъ.

— А ты не врешь?

— Зачѣмъ-же мнѣ врать-то, чудакъ ты этакій!

Трифонъ наморщилъ лобъ, задумался... Вѣроятно силился представить себѣ то огромное пространство, которое должны перелетѣть птицы.

— Дастъ-же Господь такое разумѣніе своей твари! Безъ языка, безъ конпаса летятъ они тыщи верстъ и прилетаютъ на мѣсто свое. По моему разумѣнію, птица выходитъ умнѣе другого человѣка. Возьмемъ къ примѣру меня. Скажи мнѣ: «Трифонъ, иди пѣшкомъ въ Москву...» Да я, ей Богу, разовъ двадцать заблудился-бы.

По дорогѣ встрѣтился лохматый мужикъ въ солдатской шинели и съ курицей подъ мышкой.

Трифонъ остановилъ лошадь и спросилъ:

— Куда, борода, шагаешь?

— Въ Козьево, къ свояку Кузьмѣ Ивановичу — хлюпнувъ носомъ, отвѣтилъ путникъ.

— Зачѣмъ?

— Въ гости. Вчерась сказывали, что у Кузьмы Ивановича запой открылся. Иду проздравлять его. Вотъ и курицу ему несу. А вы куда?

— Въ городъ.

— Такъ такъ...

Мужику хотѣлось еще кое-что спросить, но въ это время закудахтала курица, и онъ махнулъ рукой.

Не успѣла телѣга отъѣхать и двухъ саженей, какъ позади раздался голосъ путника.

— Эй, братишки! Остановитесь!

— Чево тебѣ?

— Въ деревню Козьево я правильно иду? — спросилъ мужикъ.

— Правильно. Ты что-жъ, впервой идешь что-ли по этой дорогѣ?

— Ходилъ конешно, — но сегодня я что-то въ сумленіи. Это, поди, со вчерашняго самогона у меня въ кумполѣ муть и задумчивость. Извиняемся.

— Я же говорилъ вамъ, — замѣтилъ Трифонъ Тригорину, — что журавь умнѣе человѣка!

Тригорину захотѣлось узнать что-нибудь про свой родной городъ и особенно про отца Андрея, къ которому ѣхалъ въ гости.

— Поди, постарѣлъ теперь отецъ Андрей-то? — спросилъ онъ Трифона.

— По землѣ ходить уже едва можетъ, за небо цѣпляется...

Трифонъ посмотрѣлъ на высохшій ольшанникъ и добавилъ:

— Старый лѣсъ рушится, молодой растетъ...

Хотѣлось Трифону спросить и про Настю, но промолчалъ.

Проѣзжали мимо выжженнаго пожаромъ стараго парка. На мѣстѣ барскаго особняка съ бѣлыми колоннами чернѣло пепелище. А когда-то здѣсь гудѣли дубы, березы и липы. Изъ раскрытыхъ оконъ доносились звуки рояля, и на балконѣ часто мелькало бѣлое дѣвичье платье.

— Сожгли! — сказалъ Трифонъ, указывая кнутовищемъ на выгорѣвшій опустѣлый паркъ. — Во время пожара сгорѣла дочка баринова, барышня Нина Николаевна. Въ ту ночь, дѣло осенью было, замутив-

шіяся души перестрѣляли всѣхъ собакъ на псарнѣ, и любимой бариновой лошади штыками глаза выкололи...

На дорогу выбѣжала старая прихрамывающая собака. Она не залаяла, а только посмотрѣла на проѣзжающихъ тусклыми глазами.

— Барская собака-то, — пояснилъ Трифонъ — любимица Нины Николаевны. Одинъ командующій увезъ, было, эту собаку съ собой, но она, сказываютъ люди, перегрызла ему сонному глотку и опять сюда прибѣжала. Такъ вотъ и живетъ здѣсь въ погребѣ. И любопытная, скажу вамъ, собака. Ни на кого она такъ не лаетъ, какъ на людей, которые въ солдатскихъ папахахъ...

Дорога опять пошла унылыми осенними полями съ придорожными ветлами, верстовыми столбами, кустами и далекими избами. На мгновеніе выглянуло тусклое солнце и освѣтило рыжую щетину поля. Вѣтеръ принесъ откуда-то запахъ смолистаго дыма.

— Большая скорбь вѣдь у отца Андрея-то, — сказалъ Трифонъ.

— Какая скорбь — спросилъ Григоринъ и подумалъ: навѣрное, умерла Настя...

— Навязался ему на шею отецъ Петро. Не попъ, скажу я вамъ, а прямо-таки аспидъ. Самъ махонькій, кубовастенькій, но зловредный.

— Какой-же это отецъ Петръ-то?

— Петро-то? — переспросилъ Трифонъ. — Да онъ у насъ въ Богоявленской церкви вторымъ священникомъ служитъ. Отцу-то Андрею по немощи тѣлесной служить часто невмоготу, такъ отца Петра

къ намъ на погибель приставили, отъ отцовъ-живцовъ!

— Плохой говоришь?

— И-и-ихъ, братишка, и не спрашивай!

Трифонъ понизилъ голосъ:

— Древляго чину не соблюдаетъ. Новые порядки вводитъ. Передъ причастіемъ ѣду принимаетъ, и въ карты играетъ. Все это, братишка, полбѣды, и старые-то батюшки, нечего грѣха таить, любили выпить, и въ картишки перекинуться, но гдѣ это видано, чтобы священникъ въ Бога не вѣрилъ?

— Откуда ты знаешь, что онъ не вѣруетъ?

— Да у насъ такой слухъ, что онъ рясу-то для видимости одѣлъ, чтобы, значитъ, съ амвона новую жизнь славить. Службы Господней не пройдетъ, чтобы онъ въ проповѣдяхъ ее не восхвалялъ. И даже...

Отъ волнененія у Трифона пересѣкся голосъ.

— Даже во Христа, какъ въ Сына Божія, не вѣруетъ! Недавно въ проповѣди сказалъ, что Господь-то нашъ, Іисусъ Христосъ обнаковенный человѣкъ на манеръ Ленина... Ей Богу! Собственными ушами слышалъ!

Показалось маленькое, ч׳рное отъ осенней хмури село Святые Ручьи. По песчаному взгорью разбросались бревенчатыя избы. На крыльцѣ деревенской лавчонки сидѣлъ чумазый мальчишка въ линялой голубой рубашкѣ и отцовскихъ валенкахъ. Надувъ блѣдныя щеки, мальчишка дудилъ въ пастушескую жалѣйку. Въ окно лавки смотрѣла вязанка баранокъ, банка изъ-подъ деревяннаго масла и нѣсколько глиняныхъ

чашекъ. Пахло ржанымъ хлѣбомъ, кожей и дымомъ. На горѣ, въ кругѣ старыхъ дуплистыхъ липъ стояла бѣлая церковь безъ креста на куполѣ.

— Церковь-то, — замѣтилъ Трифонъ — въ народный домъ превращена. Каждую субботу въ ней гармонь да плясы.

Навстрѣчу шелъ лохматый старикъ въ валенкахъ и распахнутомъ тулупѣ. На его груди висѣлъ большой мѣдный крестъ. Онъ шелъ по дорогѣ, крестообразно сложивъ руки, и блаженно улыбался.

— Это Митя блаженный, дитя Божье...

Трифонъ остановилъ лошадь и подозвалъ старика.

— Прими хлѣбца ради Христа!

Митя молча подошелъ къ телѣгѣ и бережно, какъ просфору, принялъ ломоть хлѣба и поцѣловалъ его.

— Богатымъ человѣкомъ былъ — вздохнулъ Трифонъ, кивая въ сторону удаляющагося Мити, — но ограбили, и домъ его сожгли. А надъ дочерью Машенькой люто надругались... Видите, колодецъ около мельницы. Въ этомъ самомъ колодцѣ Машенька утопилась... Съ той поры отецъ ея ума лишился.

Деревня осталась позади. Дорога пошла лѣсомъ. У края придорожной канавы, на вязанкѣ хвороста сидѣлъ въ рваной ряскѣ и опоркахъ сѣдой человѣкъ и дулъ на похолодѣвшіе красные пальцы.

— А это батюшка отецъ Сергій. Священникъ той церкви, что въ народный домъ превратили. Теперь занимается онъ сапожнымъ ремесломъ... А недавно, отецъ Петръ сказалъ у насъ такую проповѣдь, что мы его чуть не поколотили, — вернулся Трифонъ къ прежнему разговору.

— О чемъ же онъ вамъ говорилъ?

— Я вамъ по порядку разскажу. У насъ, видишь ли, въ приходѣ двѣ церкви. Одна старая, зимняя, другая — лѣтняя. Понадобился нашимъ парнямъ клубъ. Объ этомъ провѣдалъ отецъ Петръ. Приходитъ къ нимъ на собраніе и говоритъ: «вамъ, ребята, клубъ нуженъ? Такъ берите, говоритъ, церковь, и никакихъ». Ребята, конечно, его качать. Хорошо-съ. Послѣ этого факту выходитъ отецъ Петръ въ воскресенье на амвонъ и говоритъ:

— Такъ молъ и такъ, братіе и сестры, новая теперича жизнь и новые люди, вы, старички, должны посторониться и уступить мѣсто молодняку. У насъ, говоритъ, двѣ церкви, одна изъ нихъ пустая. Отдадимъ, братія и сестры, эту церковь молодняку. Пущай она тамъ культурный очагъ зажигаетъ. Иконы, въ случаѣ чего, и вынести можно»...

Около амвона стоялъ дѣдушка Парфенъ. Дородный, да крѣпкій такой, какъ дубъ. Стукнетъ это онъ палкой о полъ да какъ гаркнетъ на всю церковь:

— «Ты что это, попъ, рехнулся, что ли?»

Попъ на Парфенія:

— «Не имѣешь, говоритъ, права осуждать своего пастыря!»

Парфенъ на своемъ:

— «Имѣю, говоритъ, полное право. Ежели попъ святой храмъ отдаетъ на попраніе псамъ, то я имѣю право не только осудить, но даже десницей заушить его, яко Николай Мирликійскій еретика Арія!»

— Что только не поднялось въ церкви послѣ этихъ словъ! Шумъ, топотъ, гомонъ и даже прости, Госпо-

ди, наши согрѣшенія, ругань! Сынъ мой, — бывшій унтеръ офицеръ, схватилъ подсвѣчникъ, да подсвѣчникомъ хотѣлъ Петра-то гвиздануть! Дьяконъ Александръ отъ грѣха отвелъ. Гнѣвомъ Божьимъ намъ пригрозилъ. Еле очухались отъ помраченія злобы, но церкви не отдали! И что за времена лютыя наступили, Господи! Неужто намъ, старикамъ, отходную пора читать?

Къ вечеру телѣга загромыхала по горбатой булыжной мостовой родного Тригорину города. Тѣ-же сонные, покосившіеся заборы съ остроконечными ржавыми гвоздями, базарная площадь съ каланчой, соборъ съ потемнѣвшими куполами. Запахъ пыли, смолы и дыма. Среди мостовой лежало пьяное тѣло. Въ чайной игралъ грамофонъ. Мертвыми, заколоченными окнами глядѣли бойкіе когда-то торговые ряды. Вечерній вѣтеръ гналъ по мостовой стаю жухлыхъ листьевъ и раскачивалъ черный тяжелый крендель надъ входомъ въ булочную.

Тригорину почему-то вспомнилось, какъ лѣтъ двадцать тому назадъ этотъ крендель упалъ на голову купца Толоконникова. Когда поднимался, бывало, разговоръ о купцѣ Толоконниковѣ, то обязательно прибавляли:

— Тотъ самый, котораго чуть кренделемъ не убило!

Лошадь остановилась около низенькаго отъ старости, покрытаго плѣсенью домика отца Андрея. Въ окнахъ — покой, лампадное мерцаніе и сумеречная печаль, какая бываетъ только въ старыхъ, уснувшихъ домахъ...

Отецъ Андрей долго не узнавалъ Тригорина, пристально разсматривалъ его угасающими глазами и, когда узналъ, долго не выпускалъ его изъ своихъ объятій и заплакалъ отъ радости.

За эти годы много было пережито, о многомъ хотѣлось разсказать другъ другу, но они долго сидѣли молча и не знали, съ чего начать.

— Петюшка, — засуетился внезапно отецъ Андрей — ставь самоваръ-то, пострѣленокъ, — крикнулъ онъ мальчугану лѣтъ десяти въ бѣлой рубашенкѣ.

— Внукъ мой! Родители-то отъ тифа померли. Лицомъ-то онъ весь въ мать. Помнишь Настю-то? — спросилъ отецъ Андрей и заплакалъ.

На стѣнѣ висѣлъ портретъ Насти въ платьѣ воспитанницы епархіальнаго училища.

Тригорину вспомнилось, какъ онъ когда-то нарвалъ росистой сирени, подкрался ночью къ дому и бросилъ букетъ въ открытое окно ея спаленки. Вспомнилось, какъ въ березовый Троицынъ день, во время колѣнопреклоненной молитвы въ церкви, у Насти выпалъ изъ кармана бѣленькій платочекъ, какъ онъ поднялъ его, а потомъ, выйдя изъ церкви, спрятался на кладбищѣ, сталъ цѣловать его, и отъ чего-то хотѣлось плакать.

— Всѣ ушли въ страну далече... въ невечернія поля Господни, — шепталъ отецъ Андрей, опираясь на посохъ, — Настя ушла... Матушка недавно преставилась. Нѣтъ и Володеньки, сына моего... А когда-то такъ шумно и весело было въ нашемъ домѣ... Все проходитъ, яко сонъ, яко кринъ благоухающій,

яко роса усыхающая. Помнишь любимую пѣсню Володи:

«Время пролетѣло, слава прожита,
Вѣче онѣмѣло, сила отнята»...

За старымъ самоваромъ, когда-то отражавшимъ въ себѣ и лицо Насти, и хлопотуньи-матушки, и студента Володи, въ уютѣ священнической горницы, подъ тихія озаренія синей лампады передъ образомъ «Господа Славы», много горькаго повѣдалъ Тригорину отецъ Андрей:

— Старый нашъ дьяконъ ларекъ гдѣ-то открылъ. Квасомъ да бубликами торгуетъ. Отецъ Спиридонъ снялъ санъ и служитъ конторщикомъ на бумажной фабрикѣ. Покровская церковь, что на Сиреневой улицѣ, въ чайную превращена, а монастырь Скорбящей Богоматери — въ казармы. Нашъ новый настоятель, отецъ Петръ, завтра серебро съ иконъ снимать будетъ и отдастъ его на нужды государства.

Разсказывалъ отецъ Андрей безъ вздоховъ, безъ укоризны и только временами прикладывалъ руку къ сердцу.

За окнами шумѣлъ вѣтеръ и гудѣли деревья.

ЧЕРНЫЙ ПОЖАРЪ.

Въ сторонѣ отъ большой дороги, подъ ракитами, сидятъ у костра старикъ Панкратій и безногій парень Семенъ Кряжовъ, бывшій красноармеецъ.

Шли они изъ глухой далекой деревни въ городъ на заработки. Въ пути ночь застигла. Рѣшили заночевать на вольномъ воздухѣ, подъ звѣздами, среди травъ и тишины.

Старикъ чинитъ стоптанный лапоть. Кряжовъ выгребъ въ сторону горячихъ углей, печетъ на нихъ наворованную у крестьянъ картошку и мурлычетъ подъ носъ китайскую пѣсню, заученную со словъ китайца-однополчанина. Панкратій прислушивается къ диковиннымъ напѣвамъ и ухмыляется:

— Ишь ты, китаецъ! Какъ это, Сенька, языкъ у тебя на сторону не своротитъ? Чин-я-бон-изъянъ-чай-глянь... хе-хе! Занятно, бодай тебя муха, лягай тя комаръ! По китайски, Сень, выучиться, все одно, что блоху подковать! А тебя вотъ, — умудрилъ Господь!

Кряжовъ такъ увлекся китайскими пѣснями, что

даже не замѣтилъ, какъ задымилась, и тонкими язычками запылала деревянная нога.

— Культяпку-то не сожги! Михлюндія! Распѣлся! — вскрикнулъ старикъ, задувая пламя.

— Не бѣда! Цѣла будетъ. Она у меня дубровая. Никакая стихія не беретъ. Дай-ка лучше курнуть!

— Да нѣту у меня табачишка. Весь скончался. Бѣда съ куревомъ!

— Врешь, поди?

— Истинный Христосъ, ни одной згинки!

Вынули изъ золы картошку и бережно ѣли. Старикъ приговаривалъ:

— Хорошій провіантъ картошка!

— Особливо, когда она ворованная. Скусъ тогда въ ей особенный!

Шумятъ ракиты тихо и дремотно. Старикъ смотритъ на Кряжова, и лицо его затуманивается. Задумчиво постучалъ пальцами по его деревянной культяпкѣ и спросилъ:

— Не вольготно тебѣ безъ ноги-то? Парень ты молодой, дюжій, а вотъ съ культяпкой, — пропащій.

— Да, радъ бы взметнуться турманомъ быстрокрылымъ, да нѣтъ, отецъ, тю-тю!

— Эхъ, паря, много за это безлѣтье народушка сгибло! Не повѣришь, Сеня, а я это безлѣтье давно ожидалъ!

— Какъ ожидалъ? — удивился Кряжовъ, переставъ ѣсть.

— Откровеніе было. Задолго до войны... Въ канунъ Ильи пророка видѣлъ я сонъ. Какъ будто бы, Сеня, вышелъ я на крыльцо — хотѣлъ поглядѣть

на зарю, какая, молъ, завтра погода будетъ. И — дивное дѣло; стоитъ на землѣ такая тишь, что даже листочки и травки не колышатся. Насупротивъ избы моей — Волга. Взглянулъ на нее и боязно стало. Стоитъ она какъ студень, — не текетъ, не дышитъ и волной не играетъ. Взглянулъ на березы, — оторопь взяла, — что не живыя: вѣтки опущены, и ушки ихъ не трепыхаются. Замерли. На траву поглядѣлъ. Господи, и трава-то что мертвая!.. И вдругъ, неразстанный ты мой, шумъ слышу, стра-а-шенный! Гдѣ, думаю? Поднялъ это голову, — батюшки! Захолонулъ весь. Виситъ въ небѣ, какъ бы на ниточкѣ, солнце, черное-пречерное, а вокругъ его пламень, и тоже черный. Такъ и полыхаетъ, такъ и полыхаетъ, какъ холстъ на вѣтру. Царица Небесная Запрестольная, — думаю — да вѣдь это пожаръ на солнцѣ!.. Тутъ откуда-то собачонка явись! Взвизгнула, и къ ногамъ моимъ кинулась. Проснулся я и сказалъ въ сердцѣ своемъ: не къ добру этотъ черный пожаръ!

— Много, дѣдъ, крови пролито, — отозвался Кряжовъ — особливо своей, русской! Какъ вспомню нашу гражданскую войну, такъ сейчасъ же кровью кругомъ запахнетъ! Да, большой грѣхъ на свою душу приняли, что пошли братъ на брата... Ты вотъ послушай, что разскажу тебѣ.

— Дѣло на югѣ было. Бѣлые отступили. Остановились мы на хуторѣ. Выпало мнѣ ночью караулъ нести. Ладно. Стою это я на караулѣ. И слышу это я среди тишины стонъ... Тонкій да жалобный... Не чудится ли? Нѣтъ. Слова явственно слышу: братцы, помогите!..

Пошелъ я. Гляжу — человѣкъ лежитъ. Свой братъ — военный. Раненый. А на плечахъ погоны золотые... Бѣлый значитъ. Съ лица испитой да хвилый. Совсѣмъ вьюноша...

— Кто здѣсь? — спрашиваетъ.

— Я, говорю, братокъ... то есть... хотѣлъ я еще что-то сказать ему, не нашелся. — Отъ своихъ отсталъ, братокъ? — спрашиваю.

Поднялъ я его. Далъ водицы изъ фляжки попить. Рану перевязалъ. Въ ногу былъ раненъ. Покурить не хочешь ли?

Дрогнулъ отъ радости: дай, другъ!

Сидимъ и покуриваемъ. И забылъ я, что около врага — золотопогонника сижу. Увидѣли бы наши... было бы!..

— Откуда, землякъ? — спрашиваетъ меня.

— Тверской, говорю.

— А я Московскiй.

— Въ какомъ полку? — опять спрашиваетъ.

— Въ красноармейцахъ я, — отвѣчаю.

Изумился бѣлый. Испугался до озноба. Руки ко мнѣ протянулъ — словно оборониться хочетъ.

— Не бойся, братокъ — говорю ему. — Не трону я тебя. Мы вѣдь братишки. Землячки, одно слово.

Сказалъ это я и заплакалъ. Глядя на меня заплакалъ и бѣлый. Такъ плакали, такъ плакали, что сердцу больно стало.

— Ну полно, говорю, братишка, плакать... А надо тебѣ отсюда до разсвѣта убираться... а то увидятъ. Дай-кось помогу тебѣ!..

Взвалилъ я его на плечи и понесъ къ лѣсу. Вы-

брались. Вдали огни горѣли. — «Бѣлые... ваши тамъ! — говорю ему. — Ползи, теперь, братокъ. Никто тебя не обидитъ»...

На разстаньѣ поцѣловались.

— Ишь ты, ласковый какой! — промолвилъ дѣдъ и протянулъ Кряжову кисетъ съ табакомъ.

ГОЛОДЪ.

Всѣ мы были голодны. Мы давно не смѣялись, но сегодня намъ было очень смѣшно. Разсмѣшилъ маленькій шестилѣтній Вовка. Произошло это такъ. Вовка всталъ около плиты, долго смотрѣлъ на ея желтые прокопченые кирпичи и серьезно сказалъ:

— Кирпичъ похожъ на хлѣбъ!

Когда это онъ сказалъ, то первымъ разсмѣялся параличный отецъ. Смѣхъ его былъ хриплымъ и всхлипывающимъ, похожимъ на рыданіе. Къ нему присоединился пугливый звенящій смѣхъ матери. Глядя на нихъ, засмѣялись и мы съ Вовкой. Смѣялись до упада, до слезъ, до удушья, и странно: во время смѣха мы избѣгали смотрѣть другъ на друга, и старались закрывать глаза, какъ птицы, когда онѣ поютъ.

Былъ моментъ, когда мы неожиданно посмотрѣли другъ на друга, и сразу же, словно по уговору, перестали смѣяться. И почему-то стыдно стало нашего смѣха.

Въ комнатѣ стало тихо. — слышно было, какъ

звенѣла по окну снѣжная розсыпь, и ржаво скрипѣлъ уличный фонарь, колеблемый вѣтромъ.

Тишину нарушилъ плачъ Вовки.

Плачъ голоднаго, такъ же какъ и смѣхъ, жутокъ. Онъ похожъ на завываніе звѣря, которому голодно въ ночномъ снѣжномъ лѣсу, подъ синими морозными звѣздами.

Надъ Вовкой склонилась мать и тревожно спросила:

— Что съ тобой, родимый мой мальчикъ?

Вовка спряталъ въ складкахъ ея платья лохматую свою голову и сквозь слезы сказалъ:

— Зачѣмъ вы смѣетесь?

— Развѣ нельзя смѣяться, маленькій мой? — спросила мать, остановившись немигающими глазами на черномъ крестѣ оконной рамы, за которой качалась тощая рябина, и начиналась вьюга.

— Не надо смѣяться, — тихо отвѣтилъ Вовка, опустивъ голову, — вы такіе страшные, когда смѣетесь!

У окна, въ старомъ креслѣ сидѣлъ отецъ, глядѣлъ на вьюжную завечерѣвшую улицу и шепталъ словно въ пьяномъ бреду:

— А чтобы, если вмѣсто снѣга, падала съ неба мука?.. Но, вмѣсто муки, съ неба падаетъ снѣгъ... и кирпичъ похожъ на хлѣбъ... Дайте хлѣба! — вдругъ закричалъ отецъ.

— Нѣтъ хлѣба... — шопотомъ отвѣтила мать, и крестомъ сложила на груди руки.

— Врете! У васъ есть хлѣбъ! Я слышу запахъ хлѣба!

При словѣ «хлѣбъ» къ матери подошелъ Вовка и заплакалъ:

— Мама! Я кушать хочу!

Мать охватила голову руками и застонала.

— Ты плачешь, маменька? — спросилъ Вовка, обнимая ея ноги. — Я не буду. Я ничего не хочу. Положи меня баиньки...

Мать съ безумнымъ крикомъ набросилась на Вовку, стала бить его кулаками и рвать на немъ волосы.

— Проклятые! — кричала она въ изступленіи. — Вы меня замучили! Вы на крестѣ меня распяли!

Вовкѣ было больно, но онъ не плакалъ.

Отецъ не шевельнулся и продолжалъ свой несвязный голодный бредъ:

— Вмѣсто муки падаетъ снѣгъ... Скоро наступитъ длинная-длинная ночь, и мы такъ хорошо заснемъ, и никто не будетъ знать, что у насъ нѣтъ хлѣба...

Я обнялъ обезумѣвшую мать и уложилъ ее въ постель. Когда она успокоилась, то тихо позвала къ себѣ Вовку.

Онъ подошелъ къ матери, прижался къ ней, и она цѣловала его заплаканные глаза.

Отъ вѣтра колебался фонарь за окномъ, и вся наша угрюмая холодная комната была заполнена колеблющимися тѣнями. Свѣтъ фонаря лунными отсвѣтами падалъ на лица, и они казались призрачными, прозрачно нѣжными, не имѣющими тѣла.

Чтобы убаюкать Вовку, мать тихимъ колыбельнымъ голосомъ запѣла любимую его пѣсенку:

Былъ у Христа Младенца садъ,
И много розъ взрастилъ Онъ въ немъ.
Онъ трижды въ день ихъ поливалъ,
Чтобъ сплесть вѣнокъ себѣ потомъ.

Жутко, когда смѣется голодный. Жутко, когда плачетъ голодный, но нѣтъ ничего болѣе жуткаго, когда голодная мать поетъ колыбельную пѣсню голодному ребенку.

МАКСИМЪ КАМЕНЕВЪ.

Большой дворъ густо и цѣпко проросталъ крапивой и чертополохомъ. Отъ каменнаго двухъэтажнаго дома, сложеннаго изъ сѣраго и угрюмаго плитняка, на дворъ всегда падала тяжелая и сырая тѣнь. Солнце сюда не заглядывало. Въ этомъ домѣ чаще всего умирали отъ чахотки. Домъ былъ переполненъ дѣтьми, но ихъ почти не слышно. У большинства изъ нихъ кривыя ноги, блѣдныя лица, не улыбающійся голосъ. Здѣсь жили бѣднѣйшіе ремесленники и спившіеся люди.

Домъ принадлежалъ богатѣйшему человѣку въ городѣ Максиму Ивановичу Каменеву и славился на всю округу чудачествомъ хозяина. Отъ своихъ жильцовъ онъ никогда не требовалъ квартирной платы, но зато должны были подчиняться причудамъ его и называть «вашимъ степенствомъ». Любимая причуда Максима Ивановича во время его загуловъ была такая: придетъ на свой дворъ, встанетъ посрединѣ крѣпкимъ дубомъ, сложитъ руки рупоромъ и рявкнетъ соборнымъ колоколомъ:

— Эй! Голытьба! Господа на босу ногу! Пожалуйте на расправу! Судъ идетъ!

Изъ всѣхъ квартиръ выбѣгаютъ сапожники, трубочисты, слесаря, портные, коновалы, тряпишники, скорняки, маляры и спившійся адвокатъ Голубевъ. Всѣ они окружаютъ хозяина горячимъ и душнымъ кольцомъ.

Максимъ Ивановичъ окинетъ ихъ свирѣпымъ взглядомъ и густо спроситъ:

— Всѣ на лицо? Вста-а-ть смирно! На первый-второй расчитайсь!

— Первый, второй, первый, второй! — защелкаютъ жильцы, стараясь держаться по солдатски.

— А почему я не вижу живейнаго Игнашку Жукова и профессора кислыхъ щей Сеньку Ларіонова? — спрашиваетъ онъ про извозчика и повара изъ трактира «Плевна». — Начальства не признавать? Хозяина? Максима Ивановича Каменева?

Вопросъ этотъ повторяется часто и на него всегда отвѣчаетъ коновалъ Ѳедоръ:

— Такъ что, ваше степенство, означенныя вышепоименованныя лица, по долгу своихъ прямыхъ служебныхъ обязательствъ находятся извнѣ дома!

— Хватитъ! Безъ тебя знаемъ. А ты, Ѳедька, — погрозилъ коновалу крутымъ пальцемъ — не имѣешь права такъ красно говорить. Образованнѣе меня хочешь быть, садовая твоя башка? Мо-о-лчать!

Максимъ Ивановичъ отходитъ на три шага назадъ, выпячиваетъ грудь, какъ генералъ на парадѣ, и оретъ на весь широкій дворъ:

— Смм-и-и-рр-но! Слушать мою команду!

Насладившись покорствомъ своихъ людей, онъ грузно садится на бревна.

— Скорнякъ Иванъ Дылда — выкликаетъ онъ, — Подойди!

— Такъ точно-съ, подошелъ — тоненько отзывается чахоточный скорнякъ.

— Имя и фамиль?

— Иванъ Семеновичъ Харламовъ, по прозванью Дылда!

— Можешь и безъ отчества, — бурчитъ хозяинъ — не такая ужъ ты шишка, чтобъ тебя по имени отчеству величать!

— Ваша правда, Максимъ Ивановичъ!

— Я тебѣ не Максимъ Ивановичъ, а ваше степенство! Понялъ? Артикула не знаешь, котъ драповый!.. А скажи мнѣ... милѣйшій Дылда... за квартиру хозяину платишь?

— Виноватъ-съ, ваше степенство, не плачу!

— Сколько времени не платишь?

— Два года.

— Почему?

— По причинѣ житейскихъ бѣдствій, какъ-то: отсутствіе заказовъ и болѣзни супруги моей, вызванной сыростью...

— Ты чувствуешь, какой я есть человѣкъ?

— Отъ души сочувствую, и вообще ежемѣсячно... виноватъ-съ... еженощно, за васъ Бога молю!

— А ты не врешь? Онамеднись я слышалъ, что ты меня греческимъ пузомъ назвалъ, и вообще гадомъ маринованнымъ? Я все знаю!

Скорнякъ прижимаетъ къ сердцу тоненькую шафранную ручку и мелко лепечетъ:

— Напраслину взводите на меня, ваше степенство, я васъ завсегда въ глаза и подъ глаза святымъ человѣкомъ называю.

— Ежели не врешь, — гудитъ Максимъ Ивановичъ отзвонившимъ колоколомъ, — то пой мнѣ «многая лѣта»...

Скорнякъ высоко поднимаетъ сизую отъ бритья голову, зажмуриваетъ глаза и тонкой прерывистой нотой поетъ многолѣтіе.

— Хватитъ! За такіе голосья дерутъ за волосья! Уходи съ глазъ долой! Слѣдующій! Григорій Пузовъ!

— Тутъ-съ! — встаетъ поджарая замученная фигурка сапожника въ опоркахъ и въ грязно-зеленомъ передникѣ.

— Имя и фамилія?

— Григорій Пузовъ!

— Ладно, ладно. Безъ тебя знаю. Сколько времени за квартиру не платишь?

— Четыре года.

— Ну и ну! А я-то не зналъ! Че-е-ты-ре года! Ска-а-жи на милость... И не совѣстно тебѣ?

— Совѣстно, ваше степенство, но по причинѣ дѣторожденія матерьяльно ослабши...

— Самъ рожаешь? — ухмыльнулся въ сивую бороду Максимъ Ивановичъ и всѣ за нимъ захихикали кто въ кулакъ, а кто въ рукавъ.

— Не я-съ, ваше степенство, а супруга моя Марья Өедоровна.

— Какая это Марья Өедоровна, — притворяется онъ не понимающимъ — это не принцесса ли датская, супруга Его Императорскаго Величества?

— Никакъ нѣтъ. Она изъ Псковской губерніи, Опочецкаго уѣзда, погоста Никольскаго.

— Такъ что жъ ты, мозги твои въ смятку, ее по отчеству величаешь, когда она скопская? Ты смотри, леворуцію на моемъ дворѣ не устраивай, а то!.. Такъ, говоришь, четыре года за квартиру не платишь? Гм... да-съ... Ну, ладно, благодари хозяина. Цѣлуй руку! Черезъ годъ мы тебѣ пятилѣтній юбилей устроимъ.

Взволнованный сапожникъ, передъ тѣмъ, какъ приложиться къ рукѣ хозяина, отъ непонятной одури, схватившей его, мелко перекрестился. Максимъ Ивановичъ дико расхохотался и далъ сапожнику полтинникъ.

— Люблю пугливыхъ! — крякнулъ онъ. — Слѣдующій! Аблакатъ Плевако!

Адвокатъ Голубевъ степенно подошелъ въ старенькомъ своемъ сюртучишкѣ и въ калошахъ на босу ногу.

— Признаете себя виновнымъ? — спросилъ Максимъ Ивановичъ.

— Признаю. Пять лѣтъ за квартиру не плачу!

Максимъ Ивановичъ неожиданно разсвирѣпѣлъ и ударилъ себя кулакомъ по колѣну:

— Развѣ я тебя спрашивалъ, сколько лѣтъ ты мнѣ не платишь? Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, говори рѣчь! Защитительную.

— Кого защищать прикажете?

— Меня, — шопотомъ сказалъ Каменевъ и неожиданно всхлипнулъ, опустивъ голову на грудь. — Я есть скотъ, а не человѣкъ. Докажи обратное!

И адвокатъ Голубевъ сталъ доказывать, что Максимъ Ивановичъ не скотъ, а человѣкъ. И говорилъ до того вдохновенно и хорошо, что Каменевъ взвылъ. Онъ поднялся съ бревенъ и сталъ обнимать адвоката:

— Эхъ! — сказалъ только однимъ дыханьемъ. Поцѣловалъ Голубева троекратнымъ лобзаніемъ и опять сказалъ, скрипнувъ зубами: «Эхъ!»

Выпрямился Максимъ Ивановичъ во весь саженный свой ростъ, взмахнулъ тяжелыми руками и дико гаркнулъ:

— Ребята! Тащите сюда три ящика пива, двѣ четвертныхъ и закусокъ! Всѣхъ угощаю!

И зачиналось на дворѣ Каменева широкое и многоголосное пьянство. До разсвѣта на весь тихій городъ гремѣли крики, ругань и пѣсни.

Въ городѣ къ этому привыкли. Даже городовые и тѣ махнули рукою: пущай куралесятъ. Безпокоить нельзя. Максимъ Ивановичъ гуляетъ со своей ротой!

Хозяинъ напивался больше всѣхъ. Онъ обнимался со своими жильцами, плакалъ на ихъ груди, называлъ ихъ святою голытьбою и вопилъ мѣднымъ своимъ голосомъ:

— Пожалѣйте меня, православные христіане!

Максима Ивановича отъ души жалѣли и обсыпали его клятвами:

— Дорогой хозяинъ! Мы за тебя въ огонь и въ воду! Веди насъ, какъ Наполеондеръ Первый куда хочешь! Всѣ за тебя, всѣ за тобою!

— Братья! Святая голытьба! — выкрикивалъ Максимъ Ивановичъ — избирайте меня атаманомъ! Пойдемте въ лѣса дремучіе и станемъ разбойниками! А? Разбойничья жизнь вольная, горячая и русскому по душѣ. А можетъ-быть лучше монастырь построить? А? Я буду игумномъ, а Голубевъ отцомъ намѣстникомъ... Идетъ? Завтра же на Валдай поѣду тысячепудовый колоколъ покупать!

...Эхъ, позовите гармониста Кузьку! Кузьку! — гремѣлъ Каменевъ, растерзывая на груди алую, вышитую рубашку. — Трешницу ему за гармонь!

Изъ трактира «Плевна» приводили Кузьку. Подъ плясовую кузькину гармонь всѣ плясали, смѣялись и плакали. А когда устанутъ отъ пьянаго лиха и на время тихо станетъ на дворѣ, Максимъ Ивановичъ опуститъ голову и начнетъ въ грѣхахъ каяться. Всѣ слушаютъ его, плачутъ вмѣстѣ съ нимъ и на каждый грѣхъ отвѣчаютъ гуломъ:

— Богъ проститъ!

Передъ смертью Максимъ Ивановичъ выкинулъ «чудачество», которое надолго вошло въ лѣтопись города: все свое имущество онъ завѣщалъ своимъ жильцамъ-неплательщикамъ.

ПАДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ.

Въ старой бесѣдкѣ, пахнущей яблоками, сумерничали сторожъ Семенъ, — сѣдовласый, бровастый, въ полушубкѣ; бобылка Домна, скрюченная старуха съ замученными глазами; работникъ Захаръ, только-что выпущенный изъ солдатъ, и пастушокъ Петюшка — мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, съ вымазанными дегтемъ ногами (чтобы не прѣли).

Въ разбитое окно бесѣдки видны были рѣка въ дымкѣ осеннихъ сумерекъ и широкій фруктовый садъ въ золотѣ и ржавчинѣ осенняго убора. По саду пробѣгалъ упругій вѣтеръ, и было слышно, какъ полновѣсно падали яблоки.

Въ бесѣдкѣ говорили о жизни.

— Жизнь прожить, не поле перейти, — разсуждалъ Петюшка, выбирая въ корзинѣ яблоко, — сразу въ обнимку ее не возьмешь. За ней поухаживать надо, какъ парень за дѣвкой. Я уже, почитай, съ самой зыбки на землѣ маюсь и уже успѣлъ хватить шиломъ патоки. Я теперича все превзошелъ! Вотъ ты, бабушка Домна, все плачешь да хрундычишь: «охъ тошненько, и зачѣмъ меня мать на свѣтѣ родила». Та-

кихъ плаксъ жизнь не любитъ. Ежели нюни распустишь, тебя и шибанетъ жизнь подъ самое сердце...

— Да какъ-же не плакать-то, головастикъ ты мой, —всхлипнула Домна—когда забыла меня Царица Небесная. Весь свой вѣкъ по чужимъ дворамъ мытарюсь. Изъ побоевъ, попрековъ да слезъ я сшита!

— Такъ, говоришь, ты тоже лаптемъ щи хлебалъ? — спросилъ Петюшку сторожъ, раскуривая трубку.

— Было и такъ, что не только щей, но даже и лаптей-то у меня въ поминѣ не было. Съ апрѣля и до перваго снѣга всегда босикомъ ходилъ!..

Онъ въ задумчивости поигралъ яблокомъ, подбросивъ его какъ мячикъ, и сказалъ:

— Я такъ полагаю, что жизнь у насъ не въ примѣръ тяжельше вашей. Вы жили на солнышкѣ, а мы на вѣтру и на вьюгѣ. Вы того не знали, что мы теперь знаемъ.

— Это правильно, — согласился Семенъ — ребята нонѣ шустрыя пошли!

— Сколько-же тебѣ лѣтъ-то, Петруша? — плаксиво спросила Домна, слушавшая его съ раскрытымъ ртомъ, — ужъ больно ты заголовистый да вумный!

— Съ Петрова дня тринадцатый пошелъ. Дѣло, бабушка, не въ лѣтахъ, а въ умственности. Иному и шестьдесятъ лѣтъ, да разума нѣтъ. Борода съ ворота, а ума съ калитку!

— Это ты, Петька, не про меня ли? — пробурчалъ сторожъ, пощупавъ широкую бороду,—мнѣ какъ разъ нонѣ шестьдесятъ стукнуло!

— А разумъ у тебя есть?—промерцавъ глубиной своихъ большихъ глазъ, спросилъ Петюшка.

— Знамо дѣло есть.

— Ну значитъ я не про тебя. Расти бороду дальше.

Работникъ, откусивъ яблоко, фыркнулъ и чуть не подавился.

Семенъ нахмурился и погрозилъ Петюшкѣ пальцемъ.

— Ты надъ бородой не смѣйся. Всѣ святые угодники съ бородой ходили!

Петюшка не стерпѣлъ, чтобы не спросить съ язвинкой:

— Ты, дѣдушка Семенъ, тоже святой?

Работникъ раскатился такимъ ядренымъ хохотомъ, что тихая Домна вздрогнула и прошипѣла:

— У, лѣшій, чтобъ тебѣ разсыпаться!

Сторожъ разсердился и ушелъ изъ бесѣдки, хлопнувъ дверью.

Было слышно, какъ ворчалъ онъ среди яблонь:

— Шалыганы! Лаптизвоны! Наживите свою бороду, тогда и зубья скальте!

Когда остыли отъ смѣха, то въ бесѣдку вошла тишина, и острѣе запахло яблоками.

Петюшка посмотрѣлъ въ окно, за которымъ кружился листопадный вечеръ, цѣпляясь за рѣку, яблони, зарѣчную мельницу, и вздохнулъ:

— Скоро и солнцу конецъ. Пойдутъ дожди, а тамъ снѣгъ, сани, морозъ да вьюга!

— Спаси, Господи, и помилуй, — перекрестилась Домна и согнулась еще ниже.

Помолчали, и всѣ подумали о солнечныхъ разливахъ на поляхъ, о золотистомъ колебаніи ржаныхъ ко-

лосьевъ, о теплыхъ пыльныхъ дорогахъ, по которымъ такъ хорошо ходить босикомъ, о разсыпанныхъ по травѣ росинкахъ, о румяно-яблочныхъ утрахъ и медовыхъ пѣсенныхъ вечерахъ съ коростелями, зарницами, неугасными зорями.

— Скоро, поди, Петюшка, уйдешь отъ насъ? — спросилъ работникъ.

— Недѣльки черезъ двѣ, а то и раньше!

— Что-же ты, болѣзный, дѣлать-то будешь? — пригорюнилась Домна.

— Жить буду. Получу я за пастушество пять мѣшковъ картошки, капусты, огурцовъ, сукна на костюмъ, денегъ и пойду въ городъ. Тамъ газетами буду торговать, а можетъ быть и въ школу поступлю. Хочу въ ремесленную. Въ наше время ремесло надо знать.

— А чей ты будешь? — опять спросилъ работникъ затуманеннаго сумерками Петьку.

— Ни чей. Самъ по себѣ. Ни отца ни матери не знаю. Я уже давно одинъ живу.

— Си-и-ротиночка... — по бабьей своей жалости протянула Домна.

— И тебѣ не жалко, что ты одинъ на свѣтѣ мытаришься?

— Не. Я уже большой.

Въ это время пришелъ Семенъ, потирая руки отъ вечерняго холода.

— Зябко, — сказалъ онъ и усѣлся на полу.

— Въ жизни я не пропаду — продолжалъ Петька —у меня мѣтинка есть!

— А гдѣ она эта мѣтинка-то? — спросилъ сторожъ.

— Тута вотъ!

Петька показалъ на подбородокъ.

Всѣ молча пощупали свои подбородки и вздохнули.

— А у насъ и нѣтъ этой мѣтинки... Вотъ жалость-то, прости Господи!..

Окно бесѣдки стало чернымъ, и по небу побѣжали звѣзды. Работникъ хруско зѣвнулъ и сказалъ:

— Пора на боковую!

Всѣ вышли на крыльцо и молча посмотрѣли на шуршащій садъ, и на небо, по осеннему просторное, пронзенное четкими звѣздами.

Одна изъ звѣздъ оборвалась съ неба и ярко упала.

Домна вздохнула и перекрестилась:

— Чья-то душенька съ тѣломъ разсталась... Помяни ее, Господи, въ селеніяхъ райскихъ...

Работникъ и Домна, шурша опавшими листьями, пошли къ дому. Въ саду остались лишь Семенъ да Петюшка.

— Тебѣ не холодно босикомъ-то?

— Не. Я закаленый!

Передъ сномъ обошли всѣ дорожки сада. Около бесѣдки, въ которой они ночевали, Петюшка остановился.

— Дѣдушка Семенъ! Ты меня прости, что я надъ твоею бородой надсмѣялся!

— Ну, ну, ладно, Петюшка. Такъ, говоришь, что ты съ мѣтинкой родился?

— Съ мѣтинкой, дѣдушка!

— Не пропадешь въ жизни?

— Ей Богу, не пропаду!

— Ну, дай тебѣ Царь Небесный всякаго на землѣ благополучія. Только не будь въ жизни спорымъ. Къ жизни надо подходить тихонечко, какъ къ горячей лошади. Помни стариковскую заповѣдь: «тише ѣдешь, дальше будешь».

Петька помолчалъ немного и строго возразилъ:

— По моему разумѣнію, дѣдушка, въ жизни надо быть горячимъ и быстрымъ. Тихо ѣздить никакъ невозможно. Тише поѣдешь, каждый тебя обогнать можетъ. Теперь даже и курица быстрѣе ходить стала. Пойди она какъ въ твое время, такъ ее машина раздавитъ.

— И то правда, но все-же стариковъ слушать надо!

— Ты меня, дѣдушка, прости, но я размышляю такъ: стариковъ слушать надо, но поступать по своему!

Семену хотѣлось обидѣться на Петькины слова и дать ему подзатыльника, но вмѣсто этого погладилъ его по головѣ и подумалъ:

— Какъ-бы не напутать ему въ жизни своими совѣтами. Ишь онъ, какимъ заголовистымъ уродился! Помолчу лучше...

А вслухъ замѣтилъ:

— Это ты... насчетъ этихъ смысловъ правильно разсудилъ...

Когда Петюшка заснулъ въ бесѣдкѣ рядомъ съ яблоками, то Семенъ долго сидѣлъ около его изголовья и думалъ:

— Жизнь-то, Господи, какъ шагнула! Ребята-то нонѣ, какъ старики разсуждать стали. Къ лучшему

это, Господи, али къ худшему? Ишь ты шалыганъ, — тихо улыбался Семенъ, — иному говоритъ и шестьдесятъ лѣтъ, да разума нѣтъ!..

Въ окно было видно, какъ по небу промерцала падающая звѣзда. Вспомнились слова Домны: «чья-то душенька съ тѣломъ разсталась»...

— Такъ и мы, какъ эти звѣзды-паданцы... Посвѣтили на Божьемъ свѣтѣ и хватитъ. Пусть зрѣютъ новыя звѣзды... Все должно имѣть мѣсто свое и чередъ свой... А мальчонкѣ-то, поди, зябко спать?..

Семенъ снялъ съ себя шубу, покрылъ ею уснувшаго мальчика и съ содроганіемъ подумалъ, что онъ согрѣваетъ новую жизнь, нѣжное сѣмя Господне!..

— Спи, Петюшка, спи, заголовистый мужичокъ!

НА РУБЕЖѢ.

Голубой день. Канунъ осени. На дорогѣ скрипять телѣги, нагруженныя ржаными снопами. Вѣтеръ колышетъ соломку, упавшую съ воза. Гудятъ телефонные провода и каркаютъ вороны.

Въ монастырь, на праздникъ Успенія Божіей Матери идутъ дьяконъ Филаретъ, бывшій жандармъ Михаилъ Абрикосовъ, трактирщикъ Филатъ Ѳаддеевъ и спившійся учитель Саша Незвановъ.

Дьяконъ худой и желтый. Тихое чахоточное лицо, бороденка клинушкомъ, сѣрая пыльная ряска. Вѣтеръ развѣвалъ ея полы, и видны были солдатскіе желтые штаны, заправленные въ рыжіе сапоги. Ушки сапоговъ наружу. Онъ шелъ впереди всѣхъ и пѣлъ «Царица моя преблагая».

Жандармъ въ помятой фуражкѣ съ поблекшимъ краснымъ околышемъ. Всю дорогу онъ пытался разсказывать анекдоты, но его обрывалъ дьяконъ:

— Не безчинствуй! Памятуй, что въ монастырь идемъ!

Трактирщикъ въ тепломъ полупальто «колоколомъ» и зимней барашковой шапкѣ. За плечами у не-

го котомка. Саша въ пиджакѣ съ чужого плеча. На одной ногѣ у него ботинокъ, на другой —галоша, привязанная къ ногѣ бичевкой!

— Выпить бы, — вздыхаетъ Саша и подмигиваетъ трактирщику.

— Скоро дойдемъ до колодца, — говоритъ дьяконъ, — тамъ и попьешь за милую душу!

— Пей самъ, — хмурится Саша, - Филатъ Ильичъ! Вынимай бутылочку. Грѣхъ ее въ монастырь-то нести!

Трактирщикъ угрюмо молчитъ.

Жиденькимъ, грустнымъ теноркомъ дьяконъ запѣваетъ:

Къ кому возопію, Владычице,

Къ кому прибѣгну въ горести моей...

Трактирщикъ подпѣваетъ и путаетъ, но этого онъ не замѣчаетъ и поетъ во всю силу легкихъ.

— Тише ты, — толкаетъ его жандармъ — голова болитъ отъ твоего пѣнія. Шаляпинъ какой проявился!

— Много ты въ пѣніи понимаешь,—сердится Ѳаддеевъ, — такихъ основательныхъ голосовъ, какъ у меня, поискать надо!

— У Филата Ильича голосъ привлекательный, — льститъ Саша — такихъ голосовъ поискать надо! — Онъ дергаетъ трактирщика за рукавъ и нудно тянетъ:

— В-ы-нимай бутылочку!..

Надъ полями разносится голосъ дьякона:

Надежда христіанъ и прибѣжище намъ, грѣшнымъ...

Личико дьякона свѣтится умиленіемъ, и при взглядѣ на него всѣ опускаютъ головы и задумываются.

— Ей Богу, въ монастырь поступлю, — вздыхаетъ жандармъ — у меня всегда къ нему призванiе было!

— Зачѣмъ-же ты въ жандармы пошелъ? — спросилъ трактирщикъ.

— На то была воля Божья, — елейно какъ монашекъ отвѣтилъ Абрикосовъ, обмахиваясь фуражкой,— Самъ Господь по великому своему произволенiю...

— Въ жандармы назначилъ? — смѣясь подсказалъ Ѳаддеевъ — Эхъ ты, Богова ошибка!

— А все-же хорошо было въ жандармахъ состоять, — немного подумавъ сказалъ Абрикосовъ,—главное, — всѣ боялись! Къ тому-же и форма была великолѣпная. Въ почетѣ и сытости существовалъ!

Навстрѣчу путникамъ шелъ старикъ въ длинной линялой рубашкѣ. Сумка, костыль и пыльные сапоги черезъ плечо.

— Куда, дѣдушка? — спросилъ дьяконъ.

— Въ монастырь, кормильцы! Къ престольному празднику, поильцы! — визгливо заговорилъ старикъ, и нѣсколько разъ перекрестился.

— Да ты дѣдушка, не туда идешь-то!

— А куда-же, анделы мои? — съ дѣтской улыбочкой спросилъ встрѣчный.

— Въ обратную сторону идешь, дѣдъ!

Старикъ радостно изумился, всплеснувъ руками.

— Значитъ я заблудился!? Анделы! Пошелъ это я въ монастырь ближней дорогой. Иду это я. Ирмосы пою и прочiя стихиры. Дошелъ до перекрестка. Туды, значитъ, дорога и сюды. Дай, думаю, пойду сюды, и пошелъ это я съ молитовкой... Грѣхи, анделы мои!

— Пойдемъ съ нами за компанію! — Предложилъ жандармъ.

— А вы люди добрые, не обидите меня, старичкамахонькаго жучка, а?

— Мы не разбойники, а люди благороднаго сословія, — шмыгнулъ носомъ Саша и пріосанился.

— Вѣрно твое слово, анделъ, — осклабился старичокъ, зажимая въ кулакъ бороденку, — душа-то у васъ, можетъ, и андельская, но личности ваши тайны преисполнены. Кокните меня въ кусточкѣ по лысинкѣ, и не станетъ Кузьмы Ивановича!

Жандармъ побагровѣлъ отъ злости и выругался:

— Экъ, подумаешь, живность какая! Молчалъ-бы ты, старый крокодилъ!

Кузьма Ивановичъ испуганно замахалъ сухенькой ручкой.

— Молчу, анделъ, молчу! Я это къ тому, что ежели не было бы съ вами духовной особи, въ жисть съ вами не пошелъ-бы. Очень вы на видъ сурьезныя!

— Ну и старичишка, ну и ядъ, вотъ гдѣ гадъ-то ползучій! — не выдержалъ спокойный трактирщикъ.

Старичокъ посмотрѣлъ умиленными глазами на дьякона, сложилъ ладони крестъ на крестъ и проговорилъ:

— Благослови, батюшка!

Дьяконъ нахмурился.

— По причинѣ дьяконскаго сана, недостоинъ преподать благословеніе яко іерей!

Кузьма Ивановичъ опять изумился и радостно завизжалъ:

— И тутъ обмишурился, анделы мои!

— Не упоминай всуе андела! — строго замѣтилъ дьяконъ. — Какіе мы тебѣ анделы?

Всю дорогу старикъ разсказывалъ тоненькимъ голоскомъ о томъ, что если бы ему дали образованіе, то изъ него могъ бы выйти урядникъ, а то пѣвчій теноръ, и вообще благородный. Онъ часто шмыгалъ носомъ и сразу-же всѣмъ надоѣлъ.

— Хватитъ тебѣ въ лапти-то звонить, — проворчалъ трактирщикъ — помолчи маленько!

Послѣднихъ словъ Кузьма Ивановичъ не разслышалъ.

— Я и спѣть могу! Голосъ у меня хорошій. Природный. Моего тятю, царство ему небесное, его тятя разъ гармошкой по головѣ ударилъ, и съ той поры, пошли у насъ въ роду пѣвуны да гармонисты!..

Старикъ набралъ воздуха, лихо взмахнулъ ручкой и пронзительнымъ голосомъ запѣлъ:

Снѣги бѣлые пушистые
Покрывали всѣ поля...

Отъ визгливаго пѣнія у дьякона заныли зубы, и онъ съ остервенѣніемъ крикнулъ:

— Замолчи ты, дѣдушка! Въ монастырь идешь, а пѣсни поешь!

— Я и замолчать могу, — кротко согласился старикъ — я все могу!

Дошли до родника, окруженнаго березами, остановились отдохнуть у прохладныхъ журчащихъ водъ.

— Слава тебѣ, Господи, — вздохнулъ Саша и сталъ помогать трактирщику снимать котомку.

Березы были старыя, дуплистыя и покрывали землю тихимъ узорнымъ сумракомъ.

Путники сѣли на бугорокъ, откуда были видны шумящій лѣсъ съ дымно-зелеными соснами и далекія поля съ длинными тѣнями отъ ржаныхъ скирдъ.

Дьяконъ смотрѣлъ на монастырскую дорогу и говорилъ:

— Бывало по этой дорогѣ богомольцевъ шло видимо невидимо. Шли съ молитвой, натощакъ, безъ мірскихъ разсужденій... Теперь-же богомолецъ не тотъ. На паломничество, какъ на гулянку смотрятъ... Да, мѣняется земля. Ходишь по ней и не узнаешь прежняго ея лика...

Дьяконъ легъ на землю, прикрылъ лицо шляпой и задремалъ.

Кузьма Ивановичъ долго смотрѣлъ на него и вдругъ запѣлъ визгливымъ голосомъ:

Ангелъ вопіяше Благодатнѣй,
Чистая Дѣва, радуйся!..

Дьяконъ вздрогнулъ, схватился за щеку и простоналъ:

— Чтобъ тебѣ сгинуть, непутевая сила!.. Опять зубы заныли... Шли мы себѣ тихо, по Божьему... Навязался ты намъ на грѣхи и соблазнъ!

Юродивый старикъ моргалъ глазами и сконфуженно шамкалъ:

— Прости, отецъ дьяконъ. Анделъ во плоти!..

Къ солнечному закату подошли къ монастырскимъ стѣнамъ. Надъ зелеными куполами собора витали голуби. Изъ монастырскихъ вратъ выходилъ крестный ходъ. Подъ горой раскинулась ярмарка. Около телѣги, въ лужѣ отъ ночного дождя лежалъ пьяный въ бѣлой рубахѣ и лакированныхъ сапогахъ. Онъ охватилъ голову руками и бормоталъ:

— Пра-а-вильно говорилъ Иванъ Златоустъ, всѣмъ труба будетъ, ежели никто соблюдать себя не хочетъ... Себя надо держать въ совокупности, и вообще...

— Ты бы, дядя, поднялся съ лужи-то,—обратился къ нему Саша — не вольготно, поди, въ ней лежать?

— Не трожьте меня. Мнѣ и здѣсь хорошо. Главное, — прохладно, и людей кругомъ много. А ты какой губерніи?

— Псковской.

— Ха-а-рошая губернія. Правильная. Пойдемъ ко мнѣ щи хлебать?

— А ты далеко живешь?

— Недалеча. Тридцать верстовъ съ гакомъ!

Къ пьяному подошла старуха на костыляхъ:

— Сичасъ ко всенощной вдарятъ. Шелъ-бы ты въ церковь!

— Въ церковь я не пойду, — мотаетъ головой пьяный — Царица Небесная на меня гнѣвается...

— На что-же Она, Матушка, на тебя гнѣвается-то?

Пьяный залился слезами:

— Далъ я, голубушка, зарокъ. Пока къ образу Царицы Небесной не приложусь, — пить калаголя не буду. Тридцать верстъ шелъ къ Ней, Заступницѣ. На послѣдней верстѣ встрѣтилъ Ѳедьку Горбача. Увидалъ меня и говоритъ: выпьемъ, Трофимъ! Не сдержался я, да и выпилъ... Не проститъ меня Заступница!

— Ничего, Троша,—уговаривала старуха,—Она скорбящая, Милосливая, все проститъ...

Около святого источника сидѣла монашка и разсказывала обступившимъ ее бабамъ, что вокругъ монастырскихъ стѣнъ ходитъ Пресвятая Владычица и о чемъ-то преогорченно плачетъ.

Бабы слушали и смахивали слезы.

На монастырской звонницѣ ударили ко всенощному бдѣнію.

ШЕЛУХА ОТЪ СѢМЕЧЕКЪ.

Сапожникъ Яковъ Веселовъ сидѣлъ на большомъ гранитномъ камнѣ, приготовленномъ домовладѣльцемъ для надгробія, лущилъ сѣмечки и говорилъ чахлымъ хрипомъ портному Авдею Дудкину:

— Дни наши, какъ сѣмечки... Махонькіе и одинакіе... И апекитъ къ этимъ днямъ такой же, какъ и къ сѣмечкамъ — не хочешь, да ѣшь!.. Недавно задумался отъ ночного безсонья: сколько разъ я счастливъ былъ въ своей жизни?

— Ну? — спросилъ портной, присаживаясь къ сапожнику.

— Маловато, дружище... Всего лишь два раза. Во-первыхъ, тогда, когда я на ярмаркѣ выигралъ будильникъ за пять копеекъ, и, во-вторыхъ, когда меня выбрали товарищемъ председателя въ союзѣ сапожниковъ. О послѣднемъ-то, полагаю, и вспоминать не довлѣетъ, ну а тогда гоголемъ ходилъ. Все же персона-съ, а главное слово-то пріятное — товарищъ предсѣдателя. Ну, конечно, и на «вы» называли, какъ человѣка!

— А у меня, — оживился портной, — тогда сча-

стье было, когда господинъ статскій совѣтникъ Павелъ Валерьяновичъ Погодинъ въ 1912 году передъ Пасхой изволилъ за хорошо сшитый фракъ руку мнѣ протянуть и сказать собственноручно: ты, говоритъ, Дудкинъ, лучше придворнаго портного. Мерси тебѣ и тому подобное!

— Рѣдко кто уважалъ нашего брата, ремесленную косточку, — вздохнулъ сапожникъ, — чего я видѣлъ? Униженность и попраніе личности. Меня заказчики и били, и ругали нѣтъ чего хуже, и денегъ за работу не платили... А разъ, такое униженіе было. Въ церкви. На выносѣ Плащаницы. Подходитъ ко мнѣ церковный сторожъ и говоритъ: «Пройди въ алтарь, батюшкѣ поможешь Плащаницу выносить»... Не можетъ быть, — подумалъ я, — чтобы меня къ этому дѣлу присѣавили. Испоконъ вѣковъ Плащаницу-то помогаютъ выносить люди сановитые да денежные... Пошелъ это я за сторожемъ и не ошибся... Увидалъ меня дьяконъ, да какъ зыкнетъ на сторожа: «Ты это зачѣмъ сапожника привелъ? Людей рази нѣтъ? Позови Семена Петровича Горѣлова». А онъ вѣдь, самъ знаешь, при энотахъ и два дома каменныхъ!

Выхожу изъ алтаря краснѣе рака, а пѣвчіе-то такъ и смѣются надъ моимъ униженіемъ. Когда сынишка мой Петька въ школѣ учился, такъ ребята никогда его по имени не называли, а все — «сапожникъ» или «почемъ опорки»...

У Якова дрогнули руки, и на землю упалъ кулекъ съ сѣмечками.

— Наша портновская нація, хотя и чище вашей, — отозвался Дудкинъ, — но тоже не пользуется вни-

маніемъ со стороны просвѣщенныхъ людей... Когда я дочку свою Глафиру замужъ выдалъ за чиновника, то мамаша евонная поѣдомъ ее ѣсть стала: «ты, говоритъ, портновская дочь, а я барыня».

— А правда это, Авдей, что Муссолини изъ сапожниковъ?

— Не можетъ быть. Совсѣмъ немыслимое дѣло!

— А мнѣ сказывали, что онъ изъ сапожниковъ. И Шаляпинъ тоже... Левъ Толстой любилъ сапоги шить... И даже Петръ Великій не брезговалъ нашимъ ремесломъ.

Надъ большимъ каменнымъ дворомъ ширился и густѣлъ звѣздный августовскій вечеръ. Запахи помойной ямы и близость уборныхъ, около которыхъ сидѣли сапожникъ и портной, не могли загасить своимъ смрадомъ яблочно-душистаго дыханія вечера.

Изъ городского сада доносилась музыка. Была она такой размывчивой и усладной, что Якову захотѣлось выпить.

— Когда выпью, то люблю музыку слушать. Она тогда на подобіе родниковой воды — прохладно и утѣшительно!

Послѣднее время о водкѣ сапожникъ старался не думать: «Опять пропьюсь до згинки и шкандалы учинять зачну». Чтобы отогнать отъ себя лукавое навожденіе, онъ перевелъ разговоръ на другія темы.

— Плохо спать сталъ... Пошли всякія думы въ головѣ. Думъ много, а о чемъ онѣ, къ чему — не знаю. Осыпаютъ меня, какъ инеемъ. Думалъ недавно вотъ о чемъ: почему я снялъ фатеру окнами на

каменную стѣну?.. Я же вѣдь небо люблю и солнышко. Тридцать съ лишнимъ лѣтъ стѣна на меня смотритъ, а я на нее! Думалъ также и о томъ, почему мы съ тобою сидимъ въ хорошіе вечера на этомъ камнѣ, а не сходимъ въ лѣсъ къ рѣчкѣ? Это, Авдей, не иначе какъ къ смерти — другая жизнь, видишь, манитъ!

Портной закрылъ лицо руками и неожиданно всхлипнулъ:

—Утѣшилъ бы тебя и себя, да не умѣю!

Сапожникъ растроганно подумалъ, что вотъ они, два старыхъ ремесленника, давніе сосѣди по коридору, сидятъ рядомъ, какъ братья, безъ слова понимаютъ другъ друга, и жизни ихъ схожи какъ двѣ шелушинки отъ сѣмечка.

— А работы у меня все меньше да меньше. Старъ сталъ и шить не умѣю по-модному. Сапожниковъ тоже много развелось въ нашемъ городѣ, да не простыхъ, а образованныхъ.

— Съ одной стороны оно и лестно, — добавилъ портной, — что благородные люди суровымъ рукомесломъ занимаются, но съ другой — конкуренція!

Темное предъосеннее небо дрогнуло отъ дальнихъ зарницъ.

— Хлѣбозаръ... — прошепталъ Яковъ и перекрестился, — на Волгѣ зарницы такъ прозываются! Я, вѣдь, съ четырнадцати лѣтъ оттуда.

Авдей наклонился къ уху сапожника и зашепталъ горячо, умоляюще и тоскливо:

— Яшенька... дружище... Ты... того... не сумлѣвайся... Пойми, душа у меня горитъ... Слова твои

растрогали... Старость надвигается... Глаза гаснутъ... Пойдемъ, выпьемъ по маленькой! А?

Знакомая дрожь веселыми искорками побѣжала по тѣлу сапожника отъ сердца къ головѣ и къ кончикамъ пальцевъ. И кто-то внутри, въ самой крови заговорилъ убѣдительно и громко: «Дни твои, какъ сѣмечки... къ тебѣ солнце не приходитъ въ гости..... Каменная стѣна передъ глазами... безсонница, конкуренція... и не уважили тебя и къ Плащаницѣ не допустили».

Яковъ молча дернулъ портного за рукавъ и поспѣшно поднялся съ каменнаго надгробія.

Поздно ночью ихъ выгнали пьяныхъ изъ трактира.

Они шли по серединѣ улицы въ обнимку и громко кричали, разбивая стеклянно застывшую ночь:

— Я первоклассный портной! Господинъ статскій совѣтникъ мнѣ руку протянулъ. Мерси, говоритъ, и тому подобное. Слышалъ, каковъ я есть человѣкъ!

Сапожникъ не слушалъ Авдея, билъ себя въ грудь и со слезами говорилъ:

— Товарищемъ предсѣдателя былъ! На «вы» называли, а теперь я шелуха отъ сѣмечекъ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дѣтство.